

Г. Д. Гловели

Геополитическая экономика в России

от дискуссии о самобытности
к глобальным моделям

А. П. Шапов

А. В. Журавский

А. А. Богданов

Н. П. Огановский

В. П. Тянь-Шанский

Н. Ф. Даниельсон

1911

1911

С. ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА 1911

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. Д. ГРИНЦЕВ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ВОСТОКЕ

С. ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА 1911

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1911

Г. Д. ГРИНЦЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт экономики

Г. Д. Гловели

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В РОССИИ

От дискуссий о самобытности
к глобальным моделям
(XIX в. — первая треть XX в.)

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЯ
2009

УДК 330.83(47)
ББК 65.02(2)6
Г54

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор *Ю. Я. Ольсевич*,
доктор экономических наук, профессор *С. Д. Валентей*

Гловели Г. Д.

Г54 Геополитическая экономия в России: от дискуссий о само-
бытности к глобальным моделям (XIX в. — первая треть XX в.) /
Г. Д. Гловели. — СПб. : Алетейя, 2009. — 204 с. : ил.

ISBN 978-5-91419-148-8

Монография предлагает новую ретроспективу отечественной экономической мысли: анализ структурных и институциональных особенностей национальной экономики и ее места в мировом хозяйстве, исходя из геоэкономических и геополитических факторов. От проблематики экономического своеобразия России, обусловленного протяженностью и очертаниями границ страны, ландшафтными и почвенно-климатическими условиями, и местом, занимаемом ею в системе международного разделения труда, различные направления российской экономической мысли подошли в начале XX в. к глобальным экономико-геополитическим концепциям, представляющим значительный интерес для современности.

УДК 330.83(47)
ББК 65.02(2)6

ISBN 978-5-91419-148-8

9 785914 191488

© Г. Д. Гловели, 2009
© Институт экономики РАН, 2009
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2009
© «Алетейя. Историческая книга», 2009

Памяти Ларисы Литовш
(1972—2007)

ВВЕДЕНИЕ

Канун и начало XXI века отмечены растущим использованием понятий геополитики и геоэкономики для осмысления ретроспектив и перспектив глобальных трансформаций и хозяйственного строя России, включая современный процесс глобализации российской экономики. Однако, в их трактовке нет единства.

Бытующий около века термин «геополитика» отягощен «родимыми пятнами» империализма первой половины XX века (*pax Britannica*, «борьба за место под солнцем», *Lebensraum*) и военно-идеологического противоборства сверхдержав (США — СССР). Не подлежит забвению видное место германского геополитического доктринёрства в идеологии немецкого фашизма, а ключевые категории современных глобальных геополитических моделей (*Heartland*, *Rimland*, *the Trade-dependent Maritime World versus the Eurasian Continental World*) отобразили противостояние западного «атлантизма» России-СССР как великой евразийской державе. Российская партийно ангажированная геополитическая риторика наших дней отмечена разбросом по идеологическому спектру вплоть до крайних оттенков с неизбежными кривотолками и спекуляциями. За всем этим, тем не менее, просматривается немалый интерес геополитической тематики для российского общественнонаучного дискурса вообще и историко-экономического в особенности. Во-первых, в конце XIX — начале XX вв. российское «великодержавное» отечествоведение выдвинуло свою глобальную модель — причём с большим, чем у западных концепций, эвристическим потенциалом. Речь идёт о типологии «могущественного территориального владения», предложенной в 1915 г. Вениамином Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским (1870—1942), обобщившим изыскания «славных учёных и общественных деятелей, наиболее глубоко задумывавшихся над державным положением России» — Д.И. Менделеева, В.И. Ламанского, П.П. Семё-

нова-Тянь-Шанского, А.И. Воейкова. Во-вторых, наиболее оригинальное течение общественной мысли Русского зарубежья — *евразийство* — позиционировало себя как *русская геополитическая школа*, приняв за исходную данность уникальность евразийского месторазвития России. На понятии евразийского месторазвития, введенном П.Н. Савицким (1895—1968), основаны две наиболее масштабных в XX веке версии русской истории, разработанные Г.В. Вернадским (1887—1973) и Л.Н. Гумилевым (1913—1992). Наконец, делегитимация марксистского формационного подхода не привела к равномасштабной альтернативной схеме стадийного экономического развития России-СССР, одновременно стимулировав новое обращение к классической русской историографии XIX в., а та уделяла пристальное внимание географическому фактору в причинном объяснении особенностей государственности, народного характера и экономического быта страны.

Неологизм «геоэкономика», вошедший в обиход в последнем десятилетии XX в., обычно подразумевает приоритет умения сообразоваться с глобальными экономическими изменениями над территориальным владением и сферой военно-стратегической мощи, с другой стороны — признание фактов размывания государственного суверенитета и подрыва успешности макроэкономического регулирования трансграничными потоками ресурсов, продуктов и коммуникаций (Luttwak 1990; Жан, Савона 1997). Предтечей геоэкономики как особой научной дисциплины, избавленной от идеологической «дурной наследственности» геополитики, была мощная французская историографическая традиция «включения людей и экономики в пространство». Она достигла кульминационного пункта в творчестве Фернана Броделя (1902—1985), предложившего концепцию генезиса современного капитализма на основе ключевого понятия «мир-экономики» как некоторой структурированной пространственно-сетевой целостности. В фундаментальном труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» (3 тт., 1979) Бродель исследовал становление международного капитализма как системы концентрически расположенных зон с доминирующим центром наверху. Прорыв в индустриальную цивилизацию был отмечен переходом от замкнутых миров-экономик имперского типа и «миров-экономик, создаваемых и верховодимых городами» (последний из них — Амстердам, столица Республики Соединенных Провинций Нидерландов), — к мировой экономике, верховодимой одним национальным государством, ранее всех остальных сформировавшим национальный рынок, — Великобританией (Бродель 1993, с. 105). Представив в объемной историко-

экономической ретроспективе антитезу «приморский мир» — «континентальный мир», Бродель дал хрестоматийные картины торможения *динамики капитализма* в наиболее устойчивых приморско-континентальных державах Евразии — Китае и Франции (Бродель 1986, с. 433; Бродель 1992, с. 24; Бродель 1993, с. 77, 107; Бродель 1994, с. 270).

Геоэкономика как «ключ к познанию мира на пороге XXI века» (Моро-Дефарж 1995, с. 119—122):

1) отождествляет могущество с контролем не над территориями, а над международными торговыми и информационными сетями, что позволяет добиваться гегемонии более «мягкими», средствами, как правило, без применения военной силы;

2) изучает условия равновесия суверенитета с ростом экономических потоков, которые ускользают от контроля государств, но в тоже время испытывают на себе влияние государственного регулирования;

3) выделяет в качестве естественных пространственных (геоэкономических) зон не государства-нации, а *регионы-государства*, которые накладываются на территории или отдельные части территорий нескольких стран.

Труды Броделя дали вдохновляющий импульс для наиболее масштабного общественнонаучного синтеза во 2-й половине XX в. — *миро-системного подхода*, или *миро-системного анализа* (МСА). Наиболее известный представитель МСА И. Валлерстайн реинтерпретировал понятие миро-экономики, отождествив его с современной капиталистической миро-системой, высвободившей из-под диктата политических властей рыночные сети для расширенного воспроизводства, принявшего форму накопления капитала, и вытеснившей с исторической арены прежде господствовавшие миро-империи, основанные на данническо-перераспределительных отношениях. Капитализм структурировал мировое хозяйство на 3 яруса: центр (стягивающий к себе товарные цепочки), полупериферию и периферию. Включение миро-системного проекта в российский общественнонаучный дискурс относится лишь к рубежу XX—XXI вв., но наследие российской политэкономики начала XX века имело непреходящее значение для разработки миро-системных концепций *исторического капитализма*. Стартовой точкой для анализа «периферийного» развития стран, зависимых от мировых центров накопления капитала, послужила теория империализма В.И. Ульянова-Ленина (Shannon 1989, p. 12); а инициированное МСА моделирование *длительных циклов* державной гегемонии опирается на теорию

длинноволновой экономической динамики Н.Д. Кондратьева (Modelski 1987; Модельски, Томпсон 1992; Rasler, Thompson 1994).

Российский теоретик-геоэкономист А.И. Неклесса модифицировал обоснованную МСА трехъярусную модель современной капиталистической миро-системы в иерархическую модель мирового рынка как гексагонального геоэкономического универсума, структурированного на четыре локализуемых больших пространства (а) и два геоэкономических пространства (б), не имеющих жесткой географической локализации, а именно:

— связанный с производством высокотехнологичных товаров и услуг североатлантический Запад (1 а) и генетически происходящий из североатлантического региона транснациональный Квази-Север, осуществляющий финансово-правовое регулирование глобальной экономики посредством мировой резервной валюты, внешней задолженности, программ структурной адаптации и финансовой стабилизации, «вашингтонского консенсуса» и т. д. (2 б);

— тихоокеанское кольцо Нового Востока, куда смещается центр массового промышленного производства (3 а), и индоокеанская дуга сырьевого Юга (4 а);

— наименее определенное в геоэкономическом отношении пространство «сухопутного океана» северной Евразии (5 а); «мировой андеграунд» Глубокого Юга (6 б).

Неклесса предлагает рассматривать «устойчивый хаос» геоэкономического миропорядка как третью фазу динамики *исторического капитализма* — после генезиса в XV—XVIII вв. на европейском Западе (1) и интенсивной индустриализации с глобальным размахом в XVIII—XX вв. (2), когда новая система открывала всё новые ниши по производству промышленных товаров на основе радикальных инноваций и долгосрочных капиталовложений. Другой российский теоретик-геоэкономист Э.Г. Кочетов, автор первого учебника по новой дисциплине (1999), отождествляет геоэкономическое пространство с *экономическим измерением глобализации* — модификацией мирового хозяйства в «пульсирующий организм» с постоянно меняющимися центрами активности под воздействием интернационализированных «блуждающих» воспроизводственных ядер (Кочетов 1999, с. 3). Растущая транснационализация воспроизводственных процессов (межанклавное разделение труда) бросает вызов внешнеэкономической стратегии государств. Чтобы избежать сведения национальной экономики к роли вспомогательного хозяйства в мировом воспроизводственном цикле,

требуется перегруппировка сил для завоевания позиции в трансграничном геоэкономическом пространстве с выходом на возможно более благоприятные условия участия в контроле над глобальными ресурсопотоками и в перераспределении мирового дохода.

Постановка вопроса о геоэкономической стратегии как технике активного национального оперирования в глобальном воспроизводственном процессе, рассредоточенном по разные стороны государственных границ (Кочетов 1994, с. 49), сближается с «новой», или критической геополитикой, понимаемой «скорее как активный процесс конституирования миропорядка, чем как учёт непрерывных географических уз» (Agnew & Corbridge 1992, p. 267). Такой подход вызывает возражения со стороны российских экономико-географов, отрицающих правомерность формирования национальной внешнеэкономической стратегии «без должной опоры на территорию» (Гладкий, Никитина, Маруненко 2002, с. 6).

Дебаты о предмете геоэкономики отчасти возвращают нас к политэкономическим спорам первой половины XIX века: тогда Ж.-Б. Сэй провозглашал, что «административные границы государств, которые есть все в глазах политика, для политической экономии являются лишь преходящими явлениями»; Ф. Лист, напротив, запальчиво критиковал «космополитическую» экономию классической школы и настаивал на «национальной ассоциации производительных сил» и «округлении границ» ради индустриализации вдогонку странам-лидерам. Для российской политической экономии характерна традиция рассмотрения системы категорий производства, обмена, распределения и потребления в пределах национально-государственного целого и особое внимание к категории «национальные производительные силы». Эта традиция может быть обозначена как *геополитическая экономия* — направление исследований, анализирующее особенности национального воспроизводственного процесса и хозяйственных институтов в зависимости от протяженности и очертания границ страны, её ландшафтных и почвенно-климатических условий, а также места, занимаемого ею в иерархической системе международного разделения труда. В современной новой институциональной экономической теории обосновывается значение зависимости от предшествующего развития (path dependence) для теории экономических систем (Нуреев, Латов 2006). Несомненно, что траектория предшествующего развития, накладывающая подчас весьма жесткий отпечаток на хозяйственные институты и экономический рост, сама в немалой степени зависит от природных и геополитических факторов, особенно в России (Милов 1998).

В перспективе геополитическая экономика переходит в геоэкономику как изучение условий реализации национальных интересов (включая интересы будущих поколений) в глобальной системе «много государств — один рынок». В ретроспективе геополитическая экономика проливает свет на пространственные факторы экономического лидерства разных стран в разные эпохи и на политико-географические условия переходов к расширенному воспроизводству в его различных вариантах (древнеимперском, раннеиндустриальном, переселенческом, догоняющем индустриальном и т. д.). Наконец, геополитическая экономика позволяет более конкретно говорить о социально-экономических альтернативах, связанных с формированием и эволюцией специфических систем интересов и ценностных ориентиров территориальных сообществ (Валентей, Нестеров 2003, с. 56).

Настоящая работа продолжает исследование, предпринятое автором в ходе дискуссии о российской экономической школе (Гловели 2000), по экспликации темы геополитической экономики в российской экономической мысли. Первая часть книги посвящена освещению российскими политэкономами XIX в. воздействия природных и геополитических факторов на своеобразие хозяйства «пространнейшей из держав» в контексте вызова со стороны западной индустриальной цивилизации. Во второй части рассматриваются выдвинутые российской общественной мыслью первой трети XX в. концепции, которые могут быть охарактеризованы как глобальные экономико-геополитические и сохраняют большой эвристический интерес для современных концепций геоэкономики, циклов гегемонии, миро-системного анализа и для уточнения стадийальных критериев экономического прогресса.

Часть 1. СВОЕОБРАЗИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ «ПРОСТРАННЕЙШЕЙ ИЗ ДЕРЖАВ»: ДИСКУССИИ XIX ВЕКА

Глава 1. Политическая экономия и вопрос о стадиях и геополитических факторах хозяйственного прогресса: от смитианства к Ф. Листу

Формирование политической экономии как особой науки, исследующей «естественный порядок» хозяйства и факторы богатства наций, происходило в век утверждения Российского государства в системе европейских держав. К концу эпохи Просвещения, по самодовольному утверждению князя Безбородко, одного из столпов российской дипломатии, «ни одна пушка в Европе без нашего позволения выпалить не смела». Мощная военная поступь северной империи опиралась на ужесточение крепостного права. Крепостнический порядок был весьма далёк от «естественного» (в физиократически-смитианском смысле) и не содержал предпосылок для участия российской общественной мысли в категориальном оформлении европейской экономической науки. Она стала предметом российского импорта — вслед за достижениями Запада в области военной и промышленной техники, администрирования и шика. В начале XIX столетия специалистов по новой науке — немцев Г. Шторха и Х. Шлёцера — приглашают Петербургская Академия наук и Московский университет, в которых создаются соответственно разряд политической экономии и кафедра политической экономии и дипломатики. Правительство Александра I финансирует издание русского перевода (1802—1806) «Богатства народов» Адама Смита; затем следует издание целого ряда сочинений, излагающих «начальные основания народного богатства и государственного хозяйства, следуя теории Смита», «правила политической экономии по системе Адама Смита» и т. п. «Моду» на смитианство фиксирует «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. В 1805—1811 гг. осуществляется и русское издание трактата французского историка, сотрудника знаменитой «Энциклопедии» Гийома-Томаса-Франсуа Рейналя (1713—1796) «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих

Индиях». Насыщенная рассуждениями против деспотизма и в защиту «свободы» и «естественного порядка», эта книга содержала очерк развития торговли от средиземноморской античности до открытия «обеих Индий», положившего начало непрерывным переменам в «национальном могуществе, промышленности и правлении всех народов».

Трактаты Смита и Рейналя, разные по стилю и значению для последующих поколений¹, в равной мере несли на себе отпечаток просветительской идеи прогресса, доведенной уже в «Рассуждениях о всеобщей истории» (1750) Жака Тюрго до вывода о зависимости общественного развития от последовательной смены «способов добывания средств к жизни». Тюрго присоединился к школе экономистов-физиократов не только как практик-интендант, но и как философ, подметивший связь «более быстрого прогресса» с появлением избыточного продукта при переходе от собирательства, охоты и скотоводства к земледелию и дальнейшим ростом разделения труда, классового неравенства, городов, торговли и «всех искусств». Эта идея в изложении воспринявшего её через лекции А. Смита в университете Глазго (в конце 1750-х гг.) первого русского профессора-правоведа Семёна Десницкого («Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности», 1781) приняла форму схемы четырёх состояний быта народов: охотничье-собирательского, пастушеского, «хлебопашественного» и «коммерческого» (с «совершенством и размножением рукоделий»). Аналогичную схему развивал и наиболее глубокий социальный мыслитель из деятелей Французской революции Антуан Барнав. В своём «Введении во Французскую революцию» он объяснял переход от одной общественной стадии к другой прежде всего ростом населения. Но преимущество стран Западной Европы над прочими народами видел в развитии торгово-промышленных задатков, которым благоприятствовали *географические условия* — выгоды для «коммерции и навигации» (изобилие заливов, озёр и судоходных рек). Они содействовали в приморских странах умеренного пояса Европы усилению городов как центров движимого капитала. Напротив, во «внутренне-территориальных» государствах, лишенных прямого сообщения с морем, — южно-германских княжествах и Польше — «трудолюбивый народ городов» не смог укрепиться; вся власть сосредоточилась в руках аристократии,

¹ Оценка сочинения Рейналя в конце XIX в.: «Теперь этой книги не читают — слишком она странна и бессвязна; но в свое время она была не менее известна, чем сочинения Вольтера» (К-ий 1899, с. 490).

опиравшейся на земельную недвижимость, закрепощавшей население и ввергавшей его в ужасы войны.

Вследствие трагической судьбы Барнава, гильотинированного якобинцами в 1793 г., брошенное им «зерно исторического материализма» (Попов-Ленский, 1924, с. 121) не проросло: его книга была опубликована лишь в 1843 г., большее внимание к ней привлёк Жан Жорес уже в конце XIX века. Но и без забытого предшественника мысль о существенном различии в экономическом развитии приморских и континентальных стран пробила себе дорогу и в политической экономии, и в историографии.

Особую роль здесь сыграл Фридрих Лист — ровесник Великой Французской революции, германский патриот, американский предприниматель и запальчивый критик английской «космополитической» экономики. История политической экономии признаёт за Листом углубленное понимание роли государства в «экономическом сцеплении» страны, заслуги первопроходца в использовании исторических сравнений как аргументов в экономической доктрине и в динамической концепции благосостояния наций (Жид, Рист 1995, с. 225—227). Ключевой для своей «национальной системы политической экономии» формуле «воспитательного протекционизма» Лист предпослал схему ступеней хозяйства от дикости до «земледельческо-мануфактурно-коммерческого состояния». Верхней ступени достигла лишь Англия, захватившая «ключи ко всем морям». Именно в её экономической политике возобладало восходящее к доктрине А. Смита фритредерское направление (манчестерство), нашедшее энергичных популяризаторов и в странах материковой Европы, особенно во Франции (школа Сэя). Лист призывал не полагаться на «софизм фритредерства», указывая на то, как та же Англия постепенно накапливала торговое превосходство и «мануфактурную силу» под охраной своей таможенной системы. Противопоставляя смитианству как «космополитической экономике меновых ценностей» своё учение о *национальной ассоциации производительных сил*, Лист рекомендовал ограждение молодых побегов национальной промышленности таможенными барьерами, чтобы дорастить её до конкурентоспособного состояния с иностранными фабричными товарами. Страна в земледельческом состоянии может «заставить цвести фабрики» лишь посредством таможенных ограничений и только по достижении высшей ступени переходить к свободной конкуренции. Иначе — казус земледельческой Польши, попавшей благодаря свободе обмена её хлеба на иноземные мануфактурные товары в зависимость от чужестранцев и в результате вычеркнутой из рядов национальных государств.

Лист, аналогично Барнаву, указывал на отсутствие соприкосновения с морями как на причину слабости городов и среднего сословия в панской Польше². Однако и преуспевавшие когда-то в морской торговле североитальянские и голландские города стали для Листа предостерегающим примером — они пренебрегли национальным единством и внутренним рынком. Особое значение для германского патриота имела судьба городов Ганзы, торговля которых не стала национальной, «не была основана на равновесии и совершенном развитии внутренних производительных сил и не имела опоры в достаточно развившемся политическом могуществе». Ганзейцы наращивали товарообороты на северных морях Европы, но не позаботились об усовершенствовании сельского хозяйства и промышленности в своей стране, поощряя вместо этого земледелие Польши, овцеводство Англии, металлургию Швеции и мануфактурное производство Бельгии.

Из исторического опыта Лист заключил, что «воспитательный протекционизм» осуществим лишь в державе с достаточно обширной территорией с разнообразными ресурсами и значительным населением, обладающей устьями своих рек (а, следовательно, выходами из своих морей). Успешность такой политики требует выполнения «территориальных недостатков» — «округления границ». «Национальная экономика» у Листа приобрела геополитическую окраску. Он не остановился на темпераментной агитации за объединение германских земель, первым шагом к которому стал показавший свою действенность Таможенный союз (Zollverein). Лист выдвинул идею *Средней Европы* от Северного моря до Чёрного — от устья Рейна до устья Дуная. С расчётом, с одной стороны, на присоединение к германскому политическому и торговому союзу Голландии и Бельгии; с другой стороны, — на развитие сношений с Востоком посредством максимально возможного облегчения транзитной перевозки товаров через Баварию, Австрию и Венгрию по Дунаю. Вслед за «Национальной системой политической экономики» (1841) Лист выпускает книгу «Земельная система, мельчайшие держания и эмиграция» (1842), в которой дополняет свою стадийную схему экономического развития наций выделением аграрно-типологических различий на европейском географическом пространстве. Задачу земельной реформы в германских землях, расположенных большей

² Как пример крайней близорукости Лист приводил суждение А.Смита, что Северо-Американские Соединенные Штаты «подобно Польше» предназначены для земледелия.

частью на территории к востоку от Эльбы с господством крупнопоместного сельского хозяйства на старой феодально-барщинной основе, Лист формулировал как нахождение «золотой середины» между двумя типами земельных отношений более позднего происхождения, сложившимися к западу от Эльбы. Это английское крупнокапиталистическое фермерское сельское хозяйство, расширенное «до масштабов фабрики», и характерные для Франции *мелкособственнические отсталые* держания. Если первый вариант порождает массовую пролетаризацию и пауперизацию и чреват социальным взрывом, то второй не обеспечивает развития внутреннего рынка и готовит почву для бонапартизма³. Лист искал вариант, который наилучшим образом соответствовал бы формированию среднего класса как основы представительной политической системы. А именно: земельная система коммерчески ориентированных владений, освобожденная от феодальных и общинных стеснений, но чтобы при этом средние и мелкие единоличные держания оказались правилом, а крупные и мельчайшие — исключениями.

Обезземеление значительной части германских селян в результате земельной реформы Лист полагал неизбежным. Поскольку германская промышленность, даже набрав силу, не сможет поглотить все избыточные рабочие руки, встаёт проблема лишнего населения и миграции. Её острота в передовой индустриальной Англии вызвала в конце 1830—40-е гг. появление «современной теории колонизации» Э.Г. Уэйкфилда⁴, организатора «Ассоциации Южной Австралии» и консультанта администраций Канады и Новой Зеландии. Ф. Лист подметил намерения Британии разрешить внутренние экономические и социальные противоречия за счет создания самоподдерживающейся колониальной системы и сделал вывод, что предстоящая отмена хлебных законов не облегчит доступ германскому хлебу на английский рынок, препятствием станет рост импорта канадского зерна. Проблему аграрного перенаселения в Германии Лист предлагал решать за счёт

³ Здесь Лист проявил завидную проницательность: масса мелких хозяйств-собственников стала опорой бонапартистского переворота во Франции в 1851 г., установившего режим Второй империи.

⁴ «Современная теория колонизации», известная российскому читателю разве что по необязательной последней главе 1-го тома «Капитала» К. Маркса, обеспечила Э.Г. Уэйкфилду место среди «ста великих экономистов до Кейнса» (Блауг 2005, с. 310—312). В этой сотне присутствует и Ф. Лист (там же, с. 166—168), но без упоминания о его работе по аграрному вопросу и колонизации.

имперской экспансии — сельскохозяйственной колонизации Среднего и Нижнего Подунавья в рамках единого германо-венгерского государства, к которому должны отойти и придунайские колонии клонящейся к упадку Османской империи. Видение проблемы аграрного перенаселения в Германии в геополитическом контексте подтолкнуло Листа не только к проектированию «Восточной империи немцев и мадьяр» (вплоть до западных берегов Черного моря), но и к пересмотру прежней жесткой антианглийской позиции. Поскольку главную угрозу германо-пандунайскому государству Лист усматривал в возможном альянсе Франции и царской России на Балканах, он стал высказываться за обеспечение германской защиты английского морского пути через Средиземноморье на Восток.

«Походная» геополитическая окраска «национальной экономии» Ф. Листа явно противоположна сентенции «Трактата политической экономии» Ж.-Б. Сэя: «Административные границы государств, которые есть все в глазах политика, для политической экономии являются лишь преходящими явлениями». Однако, при обосновании своего пандунайского проекта германский националист Лист вполне мог бы процитировать А. Смита, критикуемого им за «космополитическую» экономию. Вовсе не безразличный в отличие от эпигона-француза к национальным границам, шотландский мудрец указывал на исторический опыт опережающего роста производительной деятельности в местностях, обладающих преимуществом водного транспорта (по берегам судоходных рек — от Нила и Ганга до Рейна и Мааса), и заключал: «Судоходство по Дунаю приносит очень мало пользы различным государствам, через которые он протекает, — Баварии, Австрии и Венгрии — в сравнении с тем, что оно могло бы давать, если бы одно из этих государств владело рекой на всем ее протяжении до впадения в Черное море» (Смит 2007, с. 82).

Заметим, что в своих рассуждениях о преимуществах водных путей сообщения Смит плыл по течению, давно указанному сторонниками той самой «меркантильной системы», которую он раскритиковал как противоположность собственной конструкции «естественного порядка свободной торговли». Уже неаполитанец Антонио Серра объяснял «величайшую торговлю» Венеции «не только удобством местоположения из Азии в Европу и наоборот, но и в самой Италии, поскольку большинство итальянских рек впадают в море близ Венеции» (Серра 2004, с. 149). Британский доктринёр активного торгового баланса Томас Ман (1579—1641) с удовлетворением отмечал в своей стране большое

число морских портов и гаваней, «трудно доступных врагу, но легко и с удобством служащих для вывоза» (цит. по *Monroe* 1924, р. 182). Наконец, высокоучёный хорват Юрий Крижанич (1618—1683), тщетно пытавшийся в видах славянского единства склонить к католицизму московского царя Алексея Тишайшего, сетовал в своих «Политичных думях», что Русское государство, хотя и «безмерно велико», со всех сторон закрыто для морской торговли. И не только пустынными землями и враждебными соседями, но и «Студеным морем», на котором единственный порт — Архангельская пристань, с «неимоверно трудным» путём до неё (Крижанич 1997, с. 33).

А.Смит писал свой главный труд веком позже Крижанича — в эпоху, когда после сверхнапряжения петровских реформ Россия пробились к балтийским берегам, а победами «екатерининских орлов» стала закрепляться на берегах черноморских. Но для автора «Богатства народов» северная империя все ещё «Татария и Сибирь», море которой — замерзающий океан, не допускающий судоходства; а протекающие по этой стране несколько величайших рек отстоят слишком далеко друг от друга, чтобы по ним можно было вести значительную торговлю. Отсюда вывод, что тамошние отдалённые от морей территории «веками, находились, по-видимому, в таком же варварском и нецивилизованном состоянии, в каком они находятся и в настоящее время» (Смит 2007, с. 82).

Превращение смитовской политэкономии в светскую моду пушкинской эпохи примечательным образом совпало со временем активизации работ по улучшению внутренней сети водных сообщений (Тихвинская и Мариинская системы каналов) в Европейской России, а также с довольно широкими планами налаживания торговли между Европой и Азией через Россию. Торгово-транзитные проекты, связанные с деятельностью первого (и единственного) министра коммерции Российской империи и одновременно директора департамента водных коммуникаций графа Н.П. Румянцева подразумевали как меры по превращению черноморской Одессы в важный перевалочный пункт между Западом и Ближним Востоком, так и экономическое оживление «стороны, к северному океану лежащей». Вынужденный признать, что «догмат совершенной свободы торговой имеет ту важность, что первым его провозвестил Адам Смит, которого учение, по справедливости приемлется руководством в созерцании государственных сил» (цит. по: Покровский 1947, с. 160), Румянцев тем не менее считал необходимым подкрепление русской торговли «разумом тарифа». Решение не в

пользу первого российского политэконома-академика Шторха и других фритредеров возникшего в России острого вопроса о протекционизме приветствовал Ф. Лист. Но вслед за этим идеолог «воспитательного протекционизма» перечислил ещё целый ряд задач, которые необходимо решить императорскому правительству для экономических успехов: отмена крепостного права; создание свободного крестьянства и образованного среднего сословия; усовершенствование путей сообщения для облегчения сношений с внутренней Азией. Лист пришёл к двоякой оценке положения России. С одной стороны — преимущества «прочности государственного единства»; с другой — историческое отставание в поступательном движении к «земледельческо-мануфактурно-коммерческому состоянию». Захваченный идеей государственности, Лист упустил из виду, что проводивший «рациональную протекционную политику» в России министр финансов Канкрин одновременно был противником железнодорожного строительства — меры, особенно горячо рекомендованной самим Листом для ускоренного создания национальной ассоциации производительных сил и подъёма хозяйства с чисто земледельческой ступени на стадию «земледельческо-мануфактурно-коммерческую».

Небольшой раздел «Русские» выпукло отражает характерную для всей «Национальной системы политической экономии» тенденцию к экспрессии за счёт чёткости, с преувеличениями до наивности. Стадийная схема Ф. Листа была слишком прямолинейной и не пережила своего создателя, лишившего себя жизни после неудачи его «геополитической» агитации в Австрии и Венгрии. Обе возникших вскоре после смерти Листа традиции *историзма* в политэкономии — «гелертерская» (Б. Гильдебранд, В. Рошер) и «пролетарская» (Ф. Энгельс и К. Маркс) — отвергли доктрину «воспитательного протекционизма» и предложили собственные, оказавшиеся гораздо более долговечными, схемы поступательного экономического развития. Геополитическому фактору в этих схемах не нашлось места. Фактография университетских экономистов германской исторической школы смыкались с подходом Листа в акценте на своеобразии национального хозяйства в зависимости не только от обозримого опыта прошлого, но и от различий в *географических* условиях; а *формационный подход* Маркса и Энгельса, как и система Листа, базировался на категории *производительных сил*. Эти сближения оказались весьма существенными для российской экономической мысли, которая вносила коррективы в импортированные западные доктрины с неизбежной оглядкой на *географические* масштабы России и

исторические особенности её хозяйственного строя, и развивалась в значительной мере как полемика между приверженцами «линии Смита» — фритредерами — и «линии Листа» — протекционистами. В небогатой российской политэкономической литературе первой половины XIX века вопрос о национальном экономическом своеобразии ставился прежде всего как вопрос о природных предпосылках преобладания того или иного рода хозяйственной деятельности в стране и соответственно места в международном товарообмене.

Глава 2. Российское геоэкономическое пространство в оценке политэкономов первой половины XIX века и периода падения крепостного права

Первый российский академик-политэконом А.К. Шторх не видел ничего предосудительного в том, если земледельческая Россия предоставит «права рукоделия и торговли» более передовым и богатым западным державам. Первый российский университетский профессор политической экономии Х. Шлёцер уподоблял Россию Северо-Американским Соединённым Штатам как обширную страну с плодородными землями, которые «призывают труд земледельца и обещают ему выгоду несравненно большую, чем прочие работы» (Шлёцер 1821, с. 89)⁵. С начала XIX века (и до самого распада Российской империи) зерно с чернозёмной полосы заняло первую позицию среди российских статей экспорта. Растущий вывоз хлеба был результатом переселения немецких колонистов в черноземное Поволжье и особенно освоения Новороссийского края после присоединения Крыма. Бесперебойное обеспечение хлебом столицы Империи было первоочередной целью усовершенствования сети внутренних водных сообщений в европейской части страны.

⁵ Первое издание учебника Шлёцера вышло при президенте Т. Джефферсоне, когда казалось, отошла в прошлое «мануфактурная система» его политического противника — первого министра финансов США А. Гамильтона (насаждение фабрик посредством протекционизма). Но покровительственные тарифы вскоре вернулись в Америку, промышленный рост которой дал импульс для доктрины «воспитательного протекционизма» Ф. Листа и опроверг выводы А. Смита и Шлёцера о неперспективности США как страны мануфактурной торговли.

Автор трехтомного «Опыта о народном богатстве, или О началах политической экономии» (1847) камер-юнкер А.И. Бутовский (1817—1890) указывал на широкую полосу черноземных почв как на «золотое дно» земледельческой России. Примыкая к позициям Сэя и французского манчестерства (Дюнуайе, Бастиа), он, также как Шлёцер и Шторх, отвергал протекционное поощрение «мануфактурных промыслов». В соответствии с формулой трех факторов производства Бутовский довольно подробно остановился на характеристике *производительных сил* природы, но без конкретизирующей сводной оценки применительно к России. Выделяя в первую очередь удобства сообщения, он объяснял превосходство Европы над прочими частями света прежде всего выгодами водного транспорта («иногда в приморском положении кроется вся тайна богатства и могущества нации») при расположении по течениям судоходных рек и особенно там, где море «с любовью омывает материк», образуя большие заливы и притекая вовнутрь земель (Бутовский 1847, т. 1, с. 82, 85). «Обеспечительные выгоды природные» зависят также от климата и состава грунта — внешнего, почвенного и внутреннего, геологического, причём Бутовский особо подчеркнул связь промышленного лидерства Англии и Бельгии с изрядными запасами каменного угля в этих двух странах (там же, с. 90). Называя железные дороги «удивительным изобретением, которому не видим подобного в летописях мира», сближающим «населенности, разлученные пространством, быстрее и дешевле всякого другого пути сообщения» (там же, с. 317, 319), отмечая данный ими импульс «огромному движению промышленности» и «успехам в разделении занятий», Бутовский, однако, остался чужд идее «национальной ассоциации производительных сил» Листа. Признавая, что мануфактурная промышленность «наиболее снискивает силы и могущества» в разделении труда и употреблении орудий и машин, он отрицал необходимость покровительства ей и утверждал, что промышленные успехи отнюдь не обязательны для высокой степени просвещения — её можно достичь и на основе земледелия, как в Китае (!).

Представление о чисто земледельческих перспективах российского хозяйства, выраженное авторами-фритредерами первых российских курсов политической экономии, не было единственным. Энергично возражал против него первый глава Департамента экономии Госсовета (1810—1812) и многолетний президент Вольного экономического общества (1823—1840) адмирал Н.С. Мордвинов (1754—1845), считавший, что самой природой России предназначено быть народом «вме-

сте и земледельческим и ремесленно-фабричным». С одной стороны, «сия пространнейшая из держав» наделена «многообразием угодий» и великими судоходными реками; «в недрах земли богата, изобилуя драгоценными, мало еще дознанными, большею же частью закрытыми металлами»; расположена между просвещённой Европой и одарённой «изящными растениями» Азией, «представляя внутри себя многочисленным народам сих двух частей света для взаимных их обменов пространное торжище». С другой стороны, «оледенелая в течение почти половины года», Россия «пространна землями по географическому токмо исчислению; но скуднее она всех других государств по площадному содержанию нив, вспахиваемых и засеваемых». Посевная земля в иных губерниях может прокормить только половину, в иных не более трети, а где и не более четверти жителей; «по числу же земледельцев наших нет державы, где бы так мало зажинаемо было хлеба». В местах, где отсутствуют водные сообщения, затруднителен сбыт сельских произведений; потребность в дополнительных доходах и невольная праздность ввиду краткого срока земледельческих работ вынуждают крестьян искать на отхожих промыслах дополнительных доходов нередко вдали от родных мест. «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (1815), в которых Мордвинов сформулировал для России задачу перемены в системе «внутреннего хозяйства», т. е. «перехода из земледельческого хозяйства в рукодельное и промышленное», предвосхищают суждения Ф. Листа о необходимости национальной ассоциации производительных сил и «воспитательного протекционизма». «Народ, имеющий у себя в совокупности земледелие, мастерства, фабрики, заводы и торговлю, — писал Мордвинов, — процветает, благоустраивается и обогащается вернее и скорее, нежели народ, имеющий одних токмо земледельцев да купцов, покупающих необработанные произведения». Само земледелие не может совершенствоваться без ремесел и фабрик, которые в свою очередь, требуют «продолжительной опытности», поспособствовать которой можно тарифным ограничением ввоза в пределы страны иноземных мануфактурных изделий. Порицая стекание народных толп в Петербург и Москву для занятий мелким услужением и подсобными работами, Мордвинов рекомендовал занимать деревенский люд «достаточным введением рукоделий посредством разводимых фабрик». Размножение «внутренних мануфактур» не только обеспечивало бы земледельца одеждой, обувью, утварью, улучшенными орудиями, но и вознаграждало некоторым образом, притягивало бы «с величайшим трудом добытые им земные произрастания» вместо

того, чтобы с невыгодой выменивать их на иноземные мануфактурные изделия.

Описание Н.С. Мордвиновым геоэкономических условий России двойственно: не скупясь на велеречивое перечисление предпосылок для народного благосостояния, он указал и на тот вызов, который на значительной части пространства страны бросает природа основной отрасли российского хозяйства — земледелию. Отсюда вывод о необходимости сдвига в структуре хозяйства к увеличению доли промышленности.

Что касается торгового обмена, то российская сеть внутренних вод в качестве природной предпосылки для него также давала основания для двойственной оценки, запечатлённой в специальном исследовании младшего современника Н.С. Мордвинова, академика К.И. Арсеньева (1789—1865)⁶, зачинателя экономического районирования России. Арсеньев начал «Гидрографическое обозрение России» (1836) с риторики о «весьма счастливой естественной системе вод», благотельной для внутренней торговли и народной промышленности (Арсеньев 1836, с. 1—2); однако при конкретной характеристике большинства рек («не судоходна», «судоходна только в полую воду» и т. д.) указывал на их малополезность или вовсе непригодность для сообщения. Это касается, напр., многочисленных рек Днепровской системы, многие из которых, «дабы соделаться судоходными, требуют содействия искусства». И даже в губерниях примыкающего к Балтийскому морю Озёрного округа судоходство сосредоточилось лишь там, где реки сопрягаются с тремя искусственными водными системами (там же, с. 74). Существенно, что Арсеньев подчеркивал «необыкновенной важности мену» с Китаем через Кяхтинский торг и то, что если бы Амур всем течением принадлежал России, судоходство и торговля Восточной Сибири сделались бы весьма прибыльными (там же, с. 390—391).

Н.С. Мордвинов на склоне лет издал в типографии своего бывшего управляющего, поэта-самоучки из крестьян Егора Алипанова, «Правила для получения от земли изобильных урожаев». Одно из главных правил представляло собой резюме опыта английского рационального земледелия, которое Мордвинов в молодые годы наблюдал в Англии, где получил определившее его служебную карьеру прекрасное обра-

⁶ Он был воспитателем цесаревича, будущего императора Александра II.

зование в военно-морском деле: «Трёхпольное разделение пахотной земли не позволяет ни травосеяния, ни корнеплодных растений, столь нужных для прокормления скота, для пищи человека и для снабжения фабрик, принуждает делать единые посевы хлебных зерен, изнуряющих плодородие земли, без размещения между ними удобряющих землю растений. Для сохранения плодородия в земле и очищения оной от сорных трав, необходимо нужно после изнуряющего растения помещать удобряющее; почему земля должна быть разделяема, по крайней мере, на 4 поля. Но чем более разделение сие умножается, тем урожаи бывают изобильнее; ибо замечено, что чем более проходит годов между посевом того же рода зерна, тем более дает оно плода» (Мордвинов 1840).

Акцентируя эффект перехода от традиционного экстенсивного *трёхполья*, обеспечивавшего в лучшем случае лишь простое воспроизводство и истощавшего почву, к интенсивным многопольным и плодосменным системам производства, открывшим возможность наращивать урожаи, Мордвинов не зафиксировал, однако, взаимосвязи этого эффекта с изменениями в животноводстве — переходом к стойловому содержанию скота.

Эта взаимосвязь была отмечена в «Опыте» А.И. Бутовского, который бегло коснулся вопроса об экономическом значении «сжатой населенности земледельческой» — исторической основе европейской образованности, спасенной Россией от монгольских орд. Номады, веками низвергаясь на образованные страны Европы и Азии, поражали размерами войск, превращавших достояние множества народов в одно необозримое пастбище, удобренное кровью жителей и пеплом городов, которое конь мог бы проскакать не споткнувшись. Но кочующая населённость «в отношении к пространству, какое необходимо для её пропитания, всегда малочисленна», и перестала быть страшной, когда осёдлая Европа возмужала и оградилась огнестрельным оружием. Уплотнившаяся населенность европейских стран подтолкнула к соединению земледелия и скотоводства: «животные перестают блуждать по выгонам; они остаются постоянно заключённые в просторных и к тому приспособленных помещениях, чтобы ни малейшая частица их тука не была потеряна для земли» (Бутовский 1847, с. 394-395). В Германии и во Франции уже начинают рассматривать рогатый скот, мызе или ферме принадлежащий, как необходимую составную часть предприятия, и «судить об искусстве и сметливости земледельца по тем стараниям, с которым он содержит навозную кучу», — цитировал Бутовский «Сель-

скую экономию» знаменитого Буссенго⁷. В Англии и Голландии, где трехполье ранее всего уступило возделыванию плодопеременному, «хлеб и пашня сливаются совершенно». Напротив, в странах пространных, как в России, скотоводство в форме выгонов ещё рассматривается как предприятие, отдельное от земледелия (трехпольного), и «часто слышны жалобы на недостаток в землеудобрительных средствах» (там же, с. 402).

Эти жалобы Бутовский, с восторгом писавший о достижениях английских фермеров, относил всецело на счёт безалаберности русских крестьян. «Они живут *на авось*», не заботятся ни об улучшении орудий, ни о выборе семян, не сохраняют навоз в кучах, а в урожайные годы жалуются на неизбежную дешевизну хлеба. Подчеркивая, что «подобно торговцу и фабриканту, земледелец обязан вести правильные счёты своим делам, держать книги в порядке», автор — приверженец «официальной народности» — не задавался вопросом, как такое возможно в условиях неграмотности основного большинства населения.

В том же году, что и курс политекономии Бутовского, вышел 1-й том «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России» А. фон Гакстгаузена — прусского барона, совершившего в 1843 г. по приглашению царского правительства путешествие по центральным и южным областям России. Именно в этом сочинении (на немецком языке, в Ганновере) появилась метафора «*житница Европы*», отразившая факт растущего экспорта русского хлеба за счёт освоения чернозёмной полосы — освоения, консервировавшего систему трёхполья. Но важнее была другая формула — *сельская община*. Как обобщенная характеристика всего хозяйственного и общественного строя России и национальной *самобытности* («хоровое чувство согласия» и т. д.) она легла в основу оформившейся к середине XIX в. историософии и экономической программы славянофильства. Вслед за Гакстгаузенем славянофилы были склонны видеть в сельской общине компактную социальную силу, предохраняющую Россию от главного зла экономических отношений Западной Европы — «язвы пролетариата». Восторгаясь общинным строем России, Гакстгаузен указал и такую его «самобытную» черту, как кустарные промыслы, описывая их как продукт взаимопомощи и разделения труда между большими крестьянскими семьями в пределах

⁷ Буссенго Жан Батист (1802—1887) — один из основоположников агрохимии, исследовал питание растений.

общин, посылающих в город и на рынок товары своего ремесла, не знающего замкнутых цехов. Общий вывод об осуществлении в русской общине «утопий европейских революционеров» дополнялся сравнением кустарных промыслов с «ассоциациями сен-симонистов».

Кустарной промышленности придавал большое значение и автор трактата «О производительных силах России», (вышедшего сначала по-французски в Париже, 1852—55) Л.В. Тенгоборский (1803—1857) — член Госсовета Российской империи, статистик, дипломат, подготовивший либерализацию в 1850 г. российского таможенного тарифа. Настаивая на нерезультативности протекционизма предыдущих десятилетий, поддерживавшего прежде всего русское хлопчатобумажное фабричное производство на дальнепривозных *импортных* полуфабрикатах (английская пряжа), Тенгоборский считал целесообразным поощрение только обрабатывающих отраслей, для которых «наша почва производит в изобилии сырой материал» — вроде льнопеньковой промышленности⁸ — и которые уже укоренились в сельских кустарных промыслах, являющихся средством «против зол, гнетущих западноевропейское население» в промышленных городах. Отрицая пользу от протекционизма, Тенгоборский утверждал, что Россия не в состоянии «сравниться или превзойти другие страны на поприще мануфактурной промышленности»; зато «смешанное состояние наших работников, которые в то же время и земледельцы, предохраняет нас от пролетариата, сделавшегося раной многих стран, и от тех сильных переворотов, происходящих так часто в мануфактурных странах, когда известное число бездомных работников лишается мест вследствие застоя промышленности» (Тенгоборский 1858, с. 17)⁹.

/ ⁸ До начала XIX именно пенька и лён возглавляли список статей русского экспорта, и первые мануфактуры в России были основаны англичанами ещё в конце XVI в. по переработке именно этих продуктов.

⁹ Бутовский, также рекомендовавший употреблять капиталы на устройство льнопрядилен, для которых имеется «обильный первообразный материал, в самом отечестве производимый», приводил широко известные факты распространения кустарного ткачества на привозной английской пряже, но и перерастания во Владимирской губ. отдельных промышленных сёл вроде Шуи и Иванова в фабричные города. Но однако в другом месте Бутовский упоминал также о крушении многих текстильных фабрик — «из-за недостатка хлопки, которой привоз затруднен 6-месячно зимою», или ввиду опрометчиво заказанных в Англии машин «по образцу служащих для прядения руна длинношерстных овец, которых вовсе не имеется в России» (Бутовский 1847, с. 338—339, 346).

Судьбы общинного землевладения, целесообразность промышленного протекционизма и перспективы национальных производительных сил стали ключевыми темами политэкономической полемики, хлынувшей на страницы русской печати с гласностью, дозволенной Александром II. Оформившийся тогда лагерь фритредеров-западников, критиковавших в предреформенных дискуссиях общинное землевладение и одобрявших резкую либерализацию русского таможенного тарифа в 1857 г., группировался вокруг журнала «Экономический указатель». Его издавал переводчик трактата Л. Тенгоборского на русский язык и автор первого российского «Очерка истории политической экономии» (1858) рикардиец И.В. Вернадский (1821—1884). К этому направлению примкнули А.И. Бутовский и автор нового русского учебника «Начала политической экономии» (2 тт., 1859—1862), профессор Петербургского университета И.Я. Горлов (1814—1890).

Горлов более систематично рассмотрел влияние особенностей российского пространства на хозяйственный быт страны. Он солидаризовался с Тенгоборским в критике протекционизма и в указании на возникшие без всякого тарифного покровительства кустарные промыслы как на альтернативу крупным фабрикам, тарифная поддержка которых ведёт к удорожанию изделий — продаваемых в Петербурге и Москве, за некоторыми исключениями, на 60—100% дороже сравнительно с Германией. Что касается основного занятия народа — сельского хозяйства — то, в отличие от Бутовского, сводившего всё к отсутствию «благоразумной расчётливости в нашем отечестве», Горлов отметил ряд неблагоприятных естественных отличий России с её континентальным климатом от Западной Европы: большой перепад температур с крайностями стужи и тепла; сжатые сроки круга полевых работ¹⁰ с многомесячным перерывом и нехватка дней для выпаса скотины, — в противоположность Англии, где умеренность зимы и частые дожди позволяют заниматься земледелием и животноводством круглогодично. К причинам, долго замедлявшим экономическое развитие России, Горлов отнёс также «топографическое влияние». Углубленность внутри

¹⁰ «Кто живал в деревне, тот конечно, замечал, в каком затруднительном положении находится иногда наш сельский житель от скопляющихся работ: он не успел ещё кончить покоса на лугах, примыкающих к ржаному полю, как уже поспела рожь. А там подступают, среди неоконченных работ хлебной уборки, озимая орёба, сев озимого хлеба, жнитво яровое и окончательная косьба лугов в яровом поле» (Горлов 1859, с. 196).

материка; на востоке — соседство «всею длиною» с безлюдными или скудно заселенными азиатскими пустынями; на севере — единственное удобное для судоходства Белое море «и то лишь на короткое время по причине туманов, темных ночей, скоро начинающихся в этих гипербореических странах»; на реках, впадающих в юго-западные моря, — обилие мелей и порогов. Горлов, конечно, оговорил, что было бы односторонне приписывать одним физико-географическим условиям отставание России и прочих территорий Старого Света от Европы, но преимущественному развитию последней несомненно способствовало её «выгодное очертание» с гораздо более высокой долей длины береговой линии в пропорции к площади поверхности и со средиземными морями на севере и юге, множеством заливов и островов, предоставляющих удобные «станции для сношений».

Полагая неизбежно ограниченным «морское значение» России, Горлов видел для неё более скорый способ сближения с Западом по железным дорогам с их быстрым и непрерывным движением. Однако вопрос о железнодорожном строительстве, как и судьба общинного землевладения, стал в эпоху реформ осёлком в разногласиях между западниками и славянофилами. В официальной программе железнодорожного строительства возобладала логика консервации положения России как поставщика продовольствия и сырья с незначительным развитием промышленности. Последовательный фритредер-западник М.Х. Рейтерн, министр финансов в 1862—78 гг., был, убеждён как и Тенгоборский, в отсутствии у России условий для превращения в мануфактурную страну, и стремился направить развернувшееся в империи железнодорожное грюндерство на обеспечение дополнительной транспортной сети для подвоза экспортного хлеба к балтийским и черноморским портам¹¹. Сверхприбыльные концессии на железнодорожное строительство Рейтерн раздавал главным образом прибалтийским немцам и польским евреям, имевшим хорошо налаженные связи с европейскими зерновыми рынками.

Славянофилы, порицавшие министров николаевского времени за упорное сопротивление строительству «чугунок», вызвавших на Западе «великие перемены» (Кошелев 1856, с. 148), выработали свой взгляд на направление строительства железных дорог, приближаю-

¹¹ Под предлогом получения недостающих средств на железнодорожное строительство Рейтерн стал одним из организаторов тайной продажи Аляски (Русской Америки) правительству США в 1867 г.

щийся к логике рассуждений Ф. Листа¹²: национальная система путей сообщения как ключ к подъёму национальных производительных сил через расширение внутреннего рынка. Один из видных идеологов славянофильства И.С. Аксаков (1823--1886) отметил в 1856 г. единый «гул требований эмансипации, железных дорог» по всей России, а в исследовании «Украинские ярмарки» (1858) предлагал ориентировать железнодорожное строительство на потребности *внутреннего рынка* с центром в Москве и подвозом к ней ресурсов с богатых запасами южных и восточных окраин империи. С начала 1860-х гг. Аксаков становится виднейшим славянофильским публицистом, связанным с деловыми кругами Москвы — купцами и текстильными фабрикантами. В круг его единомышленников вошли первый в России глашатай идей германской исторической школы в политэкономии профессор Московского университета И.К. Бабст и основатели Общества содействия русской промышленности и торговле Ф.В. Чижов и А.П. Шипов. А.П. Шипов (вместе с братом) был единственным русским по происхождению владельцем крупного российского машиностроительного завода и автором 2-томного обзора «Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения для России» (1858). Шипов в своей книге о хлопчатобумажной промышленности, подчеркивая её важность как отрасли, наиболее способствующей созиданию новых капиталов в бедном ими русском государстве, обратил внимание, что Англия — главный конкурент России на рынках хлопчатобумажных тканей — начала в своих колониях (Индия, Австралия) выращивать хлопчатник для ослабления зависимости от ввоза североамериканского сырья. Аналогично и России следовало бы «употребить свои усилия чрез искусные коммерческие или иные сношения к водворению и усовершенствованию... возделывания хлопка в Средней Азии, ибо из того должны произойти весьма важные для развития производительных сил России последствия» (Шипов, с. 49). Автор вышедшего тогда же объемистого обзора «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год» А.А. Семенов

¹² Один из зачинателей славянофильства, поборник общинного землевладения Ю.Ф. Самарин сожалел о неизвестности в России книги Листа, критикуя в журнале «Сельское благоустройство» (1858) подход экономистов типа Бутовского и Тенгоборского: «непреложные и общие законы, взятые из курсов политической экономии, применённые к официальным сведениям о России без знакомства с существующим у нас на деле положением вещей» (Самарин 1878, с. 112).

отметил резкое снижение российского экспорта текстильных и металлических товаров с 1830-х гг. и указывал на Среднюю Азию как на обширный рынок сбыта.

В первом же номере основанного Чижевым и Шиповым «Вестника промышленности» была помещена статья лондонского корреспондента, агента Министерства финансов Г.Д. Каменского под характерным заглавием «Англия — страшный соперник России в торговле и промышленности» и с упором именно на упадок некогда «цветущей» российской торговли со Средней Азией ввиду конкуренции британских текстильных и металлических товаров, успешно сбываемых благодаря владению Индией и Турцией. Вскоре на страницах журнала стали раздаваться открытые призывы к превращению Средней Азии в «наш улус», обеспечивающий для московских фабрик верные рынки сбыта и поставку сырья — не только хлопка, но и красителей (марена), и транзитного шёлка.

В последующие годы московские славянофилы с распростертыми объятьями приняли в свой круг зачинателя военного покорения среднеазиатских городов генерала Черняева и участника завоевания Самарканда генерала Терентьева, который в книге «Россия и Англия в борьбе за рынки» (1876) дал такое резюме присоединению Туркестанского края к Российской империи: «вслед за штыком в Азию торжественно вступает и наш шестнадцативершковый аршин». А Ф.В. Чижов (1811—1877), один из колоритнейших деятелей того времени, инициировал сооружение первой «чисто русской» частной железной дороги — Московско-Ярославской, затем хитроумной комбинацией добился перехода в распоряжение «чисто русского капитала» Московско-Курской железной дороги — всё в интересах московских текстильных фабрикантов; а в конце жизни основал Ташкентское акционерное шелкоматоальное общество. Территориальные приобретения на Востоке в правление Александра II вполне логично завершились проектом Среднеазиатской железной дороги, предназначенной для подвоза хлопка-сырца к московским фабрикам. В конце 1870-х происходит и решительный поворот российской таможенной политики в сторону протекционизма, становившегося всё более жёстким в правление следующего царя, Александра III, лекционным наставником которого по политэкономии был И.К. Бабст.

Сторонником сочетания таможенного протекционизма с экспансионистскими методами расширения и освоения геоэкономического пространства для наращивания оборотов российской торговли и ману-

фактурной промышленности был и такой своеобразный представитель позднего славянофильства, как Н.Я. Данилевский (1822—1885). Незадолго до выхода своей знаменитой книги «Россия и Европа» (1869), он опубликовал в «Торговом сборнике» цикл статей «Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности» (1867). Ратуя за большее промышленное развитие России как необходимое средство сохранения её самобытности и независимости, Данилевский требовал тарифного ограждения ещё слабых промышленных отраслей, и приводил в пользу протекционизма дополнительные аргументы, сочетавшие предвосхищение некоторых понятий современной микроэкономики с географической макромасштабностью. Необходимость «разнообразия промышленной организации» России Данилевский аргументировал тем, что возможности расширения сбыта её сельскохозяйственных товаров на мировом рынке ограничены — и не только потому, что другие страны имеют лучшие условия для производства и продажи таких товаров (например, Аргентина и Австралия для кож и шерсти). Главный предмет экспорта — хлеб — продукт, рынки которого имеют «наименее растяжимости» (в современной терминологии — товар низкоэластичного спроса), на потребление которого влияет рост народонаселения, но не увеличение благосостояния. Спрос на другие предметы русского экспорта — жирные вещества — неизбежно падает вследствие вытеснения их товарами тропического или минерального происхождения (субститутами, по современной терминологии): русское сало и масла оказались ненужными для освещения европейских городов, в которых «что каменный уголь сделал для улиц, площадей и магазинов, то делает теперь петролеум для внутренности частных домов» (Данилевский 1890, с. 376). С другой стороны, сохранение исключительно сельскохозяйственного характера Европейской России лишает будущности плодородную юго-западную Сибирь, которой некуда будет сбывать свои земледельческие произведения. Тягоги, налагаемые на потребителей покровительственным тарифом, необходимым для содействия великорусской промышленности, Данилевский уподоблял плате за «страховую премию, обеспечивающую нас в будущем» (там же, с. 377).

Таким образом, изначально западники-фритредеры почти не обращали внимания на природно-пространственное своеобразие России, а славянофилы выдвинули на первый план её институциональное своеобразие — «первостепенный, самородный и бытовой» факт сельской общины (Самарин 1878, с. 171), то к исходу второй трети XIX века

обе стороны признали влияние климатических и топографических особенностей государства на хозяйственный быт. Но выводы были разные. Западники либо не видели предпосылок к изменению аграрного характера страны и её участия в сложившейся международной системе разделения труда (Горлов, Рейтерн), либо полагали, что после отмены крепостного права частная выгода при свободной конкуренции поведёт предпринимателей к развитию необходимых стране отраслей промышленности (Вернадский). Славянофилы настаивали на протекционизме как способе осуществления диктуемой самой географией необходимости, «чтобы Россия была вместе и земледельческим, и мануфактурным государством» (Данилевский 1890, с. 377). В их рассуждениях прослеживается линия, сходная (в том, что не касается аграрного вопроса) с геополитической экономией Ф. Листа: подъём национальных производительных сил через «воспитательный протекционизм», железнодорожное строительство при содействии геополитической экспансии государства. Откликаясь на злободневные проблемы и много рассуждая о культурном несходстве и политическом противостоянии с Европой, славянофильство не уделило должного внимания влиянию географической среды на историко-экономические отличия российской цивилизации от западной. Зачинателями такого сравнительного анализа выступили крупнейшие русские историки 1860–70-х гг. С.М. Соловьёв и А.П. Щапов, а также исследователь кустарной промышленности А.К. Корсак, которого можно считать первым русским экономистом-компаративистом.

Глава 3. Пространственный аспект истории российской цивилизации в исследованиях С.М. Соловьёва и А.П. Щапова

Раскрепощение крестьянства, общественного мнения и экономической мысли в России совпало по времени с научным взрывом конца 1850-х-начала 1860-х гг. на Западе — утверждением материалистического и эволюционного понимания природы, человеческой психики и общественных учреждений. Открытие спектрального анализа и успехи органической химии установили единство элементного состава всего мироздания — небесных светил и земной коры, соединений неживой природы и живых организмов. Открытие закона раздражительности Вебера — Фехнера и

двигательного центра речи в головном мозге обозначило вторжение естествознания в изучение человека, в философию и психологию. В одном и том же 1859 г. вышли трактаты Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» и К. Маркса «К критике политической экономии».

На страницы русской печати хлынула не только политэкономическая полемика, но и струи «торжествующего естествознания» и стадильных теорий общественного развития. Заимствование европейских экономических доктрин переплелось с попытками установления *законосообразности* в истории России в сопоставлении с развитием западной цивилизации. Широкую популярность в России снискал трактат Т.Г. Бокля «История цивилизации в Англии» (2 кн., 1858—1861) — памятник грандиозной попытке обосновать историю человеческого духа на материале естествознания и политической экономии. Из «наук, которые имеют предметом своим внешний мир», Бокль в особенности опирался на географию, считая, что законы природы влияют на «устройство общества и характер отдельных лиц» через климат, пищевые ресурсы, почву и «общий вид природы». Природное влияние на общественные учреждения и итоговое умственное и нравственное развитие человека опосредуется ростом народонаселения, накоплением и распределением богатства. Труд Бокля оказал воздействие на два крупнейших проекта российской историографии второй половины XIX века — многотомную «Историю России с древнейших времен» (1851—1879) С.М. Соловьева и «историю цивилизации в России»¹³ А.П. Щапова, оставшуюся в виде отдельных крупных статей и книги «Социально-педагогические условия русского народа» (1870). Различные по исходным идейным установкам, эти учёные пришли к сходной характеристике поведения своего народа — «расходчивость», увязывая её с огромностью пространства страны и колониационным размахом.

Сергей Михайлович Соловьёв (1821—1879), знаменитый профессор (а в 1860—1866 — ректор) Московского университета, считал, что «история имеет дело с тем, что движется, видно, действует, и потому для истории нет возможности иметь дело с массами» (цит. по: Шапиро 1993, с. 417). Однако, отметив, что для народов Западной Европы природа была матерью, а для народов Великой Русской равнины — мачехой, Соловьёв указал на такую обусловленную географией массовую особенность русского народонаселения, как «привычка к расходу».

¹³ «Щапов теперь пишет историю цивилизации в России», — извещал Н.Ф. Даниельсон К. Маркса в письме от 10 (22) мая 1873 г. (Даниельсон 1967, с. 291).

«На великой восточной равнине нет камня, все ровно... мужам негде вить каменных гнезд, не живут они особо и самостоятельно, живут дружинами около князя и вечно движутся по широкому беспредельному пространству... Нет прочных жилищ, с которыми тяжело было бы расставаться, в которых бы обжилось целыми поколениями; города состоят из кучи деревянных изб, первая искра — и вместо них куча пепла. Беда, впрочем, невелика, движимого так мало, что легко вынести с собою, построить новый дом ничего не стоит по дешевизне материала; отсюда с такой легкостью старинный русский человек покидал свой дом, свой родной город или село; уходил от татарина, от литвы, уходил от тяжелой подати, от дурного воеводы или подъячего; брести розно было нипочем, ибо везде можно было найти одно и то же, везде Русью пахло». Самодержавное правительство, преуспев в стремлении «ловить, усаживать и прикреплять» непоседливое русское народонаселение, создало на восточной половине Европы одно громадное государство — разительную противоположность западной половине. Соловьёв описал испещрённость Западной Европы государственными границами, оформление мощными замками феодальной раздробленности¹⁴ и возникновение вольных городов-коммун, укрывших за свои стенами торгово-ремесленные корпорации. «Камень, так называли у нас в старину горы... разграничил на многие народности; в камне свили свои гнезда западные мужи и владели оттуда мужиками, камень давал им независимость; но скоро и мужики огораживаются камнем, и приобретают свободу, самостоятельность; все прочно, все определено благодаря камню; благодаря камню поднимаются рукотворные горы, громадные вековые здания» (Соловьёв 1991, с. 44—45).

Соловьёв возглавил западническую *государственную школу* русской историографии. Историю «деревянной» России он излагал с централизаторской точки зрения, обобщая факты в идее государственности, строго преследуя эту идею в последовательном порядке княжений и царствований; восторгаясь великодержавной мощью Российской империи и порицая славянофильское осуждение реформ Петра Великого, порушившего, по словам К.С. Аксакова, исконные русские земско-устроительные, общинно-вечевые начала.

Иначе — «не с мыслями о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности» — подошёл к пониманию

¹⁴ Ср.: «Средние века для нас — это блистательная коллекция камней» (Ле Гофф 1990, с. 195—196).

исторического развития России Афанасий Прокофьевич *Щапов* (1831—1876). Он прославился магистерской диссертацией «Русский раскол старообрядства» (1859) и оригинальным «Общим взглядом на историю великорусского народа» (1860) — лекцией по случаю вступления на профессорскую кафедру в Казанском университете. Щапов охарактеризовал ход русской истории как *колонизационное земское саморазвитие* областных сельских территорий: «до конца XVI, даже XVII столетия всюду видим починочный характер культуры, видим энергическую работу русского народа в лесах девственных и непроходимых с *топором, косой и сохой*». С эпохи *московской* централизации первичная *земско-областная* форма общественной жизни великорусского народа сменяется *государственно-союзной* формой, после Смутного времени окончательно восторжествовавшей и развившейся в имперско-сословную. Вольное территориальное растекание по речным системам было поглощено воеводским и приказным, а затем камеральным и губернским управлением, при котором «вся провинция чинами исполнилась», как с чувством довольства говорил Пётр I. Правительственная политика привела к сословному рассортированию народа, резкому раздвоению его на *подлый люд* и высшую образованную касту, казённому монополизму. Разрозненные области не устояли перед натиском московской, а затем петербургской централизации, но в них не погасла память о старой воле и самобытности, таилось чувство неприязни, злобы, ненависти к государственному тяглу, выплескиваемое время от времени в «необузданном народном демократизме». С «земством» как «*idée fixe*» Щапов занял своеобразную позицию в спорах западников и славянофилов. Он не принимал ни западнических крайностей отрицания самостоятельного исторического народного характера, ни славянофильской проповеди национальной исключительности и идеализации московского периода. С почтением относясь к европейским просветительским идеям, Щапов, тем не менее, настаивал на таких русских «самобытных задатках основных стихий социальной народной жизни», как община, сельский сход, артельный раздел прибыли, защищал «инициативу и самостоятельность сил народа в деле его социального саморазвития». Это дало основание причислять в начале 1860-х гг. самого Щапова всё же к «партии славянофилов»¹⁵. Но с 1864 г. акценты исследований

¹⁵ Снискавший широкую известность своей книгой о расколе и вступительной профессорской лекцией, А.П. Щапов был потрясён расправой над крестьянами в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии. Тамошние и окрестные мужики

А.П. Шапова существенно меняются под воздействием идей Т.Г. Бокля и глашатая дарвинизма Д.И. Писарева.

В поисках «строго реальной и экономической» истории российской цивилизации Шапов стремится опереться на идеи виднейших западных географов и натуралистов (А. Гумбольдт, К. Риттер, Ю. Либих и др.), размышляет о взаимоотношении законов человечества, создаёт такие работы, как «Историко-географическое распределение русского народонаселения» (1864), «Естествознание и народная экономия» (1865), «Реализм в применении к народной экономии» (1866), «Общий взгляд на историю интеллектуального развития России» (1867), «Исторические условия интеллектуального развития России» (1868) и др.

А.П. Шапов
(1831—1876)

Шапов переосмысливает с точки зрения «нарушений в народных хозяйствах закона социального равновесия и взаимодействия сил и продуктов трёх царств природы» историко-экономические особенности земской Руси. При разреженности населения и слабом развитии городов среди раскинутых по огромной территории сельских поселений многочисленны *промысловые деревни* в местах бобровых гонов, борт-

в апреле 1861 г. стали стекаться к дому грамотея-старообрядца Антона Петрова, провозгласившего, что в «Положении 19 февраля» по злому умыслу господ сокрыта истинная царская воля об освобождении крестьян с землей. Собравшиеся в Бездне крестьяне отказались разойтись по требованию присланных войск и были расстреляны (около 200 человек), Антон Петров схвачен и спешно казнён. На панихиде по погибшим Шапов произнёс яркую речь, завершив её словами: «Земля, которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла вас мучениками в свои недра. — эта земля воззовет народ к восстанию и свободе. Мир праху вашему и вечная историческая память вашему самоотверженному подвигу! Да здравствует демократическая конституция!»

По распоряжению императора историк был доставлен в Петербург, где арестован и затем прикреплен к Министерству внутренних дел, после чего прожил в столице ещё два года, а в 1864 г. был выслан в Иркутск, где прожил до конца своей недолгой жизни.

ных ухажав, рыбных ловель. Главная «причина медленности, неровности и односторонности развития народов та, что они, устраиваясь первоначально в области животного царства природы, потом в области растительного царства или земледельческой экономии, позднее всего познавали и открывали богатства минерального царства» (Шапов 1907, с. 264). Наиболее примитивны, по мнению Шапова, те народы (северно-сибирские охотничьи и юго-восточные пастушеские), быт которых почти целиком основан на использовании естественных произведений животного царства. Наиболее развиты — те, кто дальше всего продвинулся в освоении минеральных богатств, использовал их (особенно металлы) для взаимного торгового обмена жизненными продуктами и выработки новых разнообразных средств и орудий для дальнейших целей культуры (западные страны). Русский народ оказался в промежуточном состоянии.

Русский колонизационный размах был погоней на охотничьих лыжах за пушным зверем, но также и «страдомой и богатырской земледельческой разработкой». Прежде чем русская колонизация — соединившись в предгорьях Урала, на рубеже Европы и Азии, в цельное движение в союзе северо-поморских новгородских купцов Строгановых и волжско-каспийского выходца Ермака — «прорубила и отворила вековую широкую дверь в Сибирь» (там же, с. 194), народ довольствовался богатыми источниками животной экономии: от беломорского приполярного зверя до каспийского вместилища рыбы. Волга и другие реки, а также многочисленные озёра предоставляли изобилие рыбы всякого рода, и по берегам возникали двигавшие великорусскую колонизацию рыболовные деревни и слободы; вдобавок посреди лесных угодий возникали деревни бобровничи и бортничьи, а позднее, уже по царской прихоти — сокольничьи слободы и кречатьи волости. «Благодаря бобровничьим деревням имели много всякой рухляди, носили бобровые шубы и сбывали множество бобров за границу. Благодаря бортничьим деревням потребляли обильно мёд, торговали мёдом и воском и усердно ставили в церкви восковые свечи. Благодаря рыболовным деревням ели вдоволь рыбу в частые и великие посты и не в посты, содержали множество монастырей и за границу сбывали много рыбы и рыбьего жира» (там же, с. 318). Самого драгоценного зверя, соболя, в великорусских областях в XVI в., уже почти не стало, и толпы торговых промышленных людей — вологжане, устюжане, пинежане, холмогорцы, усть-сылемцы, усть-сысолцы — устремились к низовьям Оби и Енисея, невзирая на отталкивающую и леденящую суровость тундрного

холода и мрака. Соболев провёл русские колонии через всю Сибирь до Камчатки, а обнаруженный там ещё более дорогой зверь — морской (камчатский) бобр — повёл через ряд Алеутских островов до материка Америки, до колонии Росс.

Говоря о «пушной экономии народа», об «эпохе мехового капитала» (там же, с. 311), Шапов отметил, что русский землепроходец, в отличие от сибирских туземцев, не мог обойтись пищей только животного происхождения. Потребность в хлебе стала сильным рычагом пашенного освоения Сибири, куда целыми толпами переселялись жители Великой России, где почва век от века истощалась и урожаи снижались¹⁶. Хотя в описании русской колонизации Шапов часто переходит на эпический стиль, в итоге он оценивает её как причину экономической отсталости страны: растянувшаяся на века напряжённая «мускулярная борьба» и привычка к «непосредственно натуральному» присвоению даров лесных и водных угодий обусловили элементарность экономического процесса, неразвитость «индустриальной изобретательности» и научно-рационального мышления. Шапов, ссылаясь на самого вдумчивого и масштабного аналитика жизни Московского царства Юрия Крижанича, отмечает лучшее материальное положение народных низов в России¹⁷, нежели на торгово-ремесленном Западе, он вслед за наблюдательным хорватом переживает за вековую нечувствительность русского народа к «настоятельной необходимости напрягать ум и изобретать индустриальные средства жизни» (там же, с. 293).

Добыча минеральных богатств долгое время ограничивалась солью, которая была тоже не последним мотивом и магнитом колонизации. С упадком — вследствие истощения великорусских ди-

¹⁶ «Летописные цифры о неурожаях и ценах на хлеб с XI по XIV вв. столетия служат красноречивыми цифрами постепенного упадка плодородия почвы. Цифры хлебных цен начинаются 3 гривнами за кадь, переходят к 4, 5, 6, 8, 10 и доходят... наконец, до 40 гривен за кадь. При этой последней цене пал Новгород Великий с его тощими полями и участвовавшими голодовками: «задержка со стороны Москвы низового подвоза хлеба окончательно рушила самобытное развитие Новгорода и его колоний, и вечевой колокол на берегах Волхова замолк печально и навеки» (Шапов 1907, с. 218, 219).

¹⁷ Шапов цитирует «Политичны думы» Крижанича: «Хотя в богатых землях достаточные люди угоднее и обильнее живут, нежели на Руси, при всём этом, однако ж, на Руси гораздо лучше и угоднее живут, нежели в других пребогатых землях» (там же, с. 559).

колесных богатств — средневековых экономических основ поселений Московское государство, «с сознанием необходимости радикальной экономической реформы в России» стало настойчиво приглашать западных *рудознатцев*, немецких и голландских горнозаводчиков, и началась усердная разведка месторождений цветных металлов и железа. С Петром Великим окончательно пришло понимание того, что «*средства цивилизации*» надо искать в значительной разработке сокрытых богатств ископаемого царства. Петр сгонял много лет кряду десятки тысяч работников ежегодно на строительство новой столицы. Целые деревни он лишал «земледельства, такожде и рукодельства», о чём в обличительной записке царю вопиял старообрядец Илларион Докукин, колесованный в 1718 году. Появились обширные *горнозаводские поселения*¹⁸. Но, разбросанные по громадной территории, они обособились отдельными округами от лежащих подле равнинных и степных поселений и не устранили слабости внутриобластного и межобластного обмена (там же, с. 268).

С.М. Соловьёв и А.П. Щапов заложили основы мощной историографической традиции изучения «колонизации как главного факта русской истории» (В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, М. К. Любавский, Г.В. Вернадский и др.). Своеобразным ответвлением такого исследования стала идеология сибирского областничества (Ядринцев 1886, Потанин 1909). Как веха в геополитической экономии работы Соловьёва и Щапова примечательны тем, что в них на внушительном фактическом, почерпнутом из летописей материале намечен подход к пониманию российских пространств как к месту размещения своеобразной экономической структуры и институтов, отличных от Запада: сильное государство, с одной стороны, община и промысловые артели, с другой.

Первое же специальное исследование того, как особенности российского *геоэкономического пространства*, обусловив историческую

¹⁸ В работе «Русский раскол старообрядства» А.П. Щапов положил начало изучению деловитости русских староверов, осветив хозяйственную деятельность братьев Андрея и Семена Денисовых, основавших Выговскую (Выгорецкую) общину в Поморье — замечательный пример выхода религиозной аскезы на житейское торжище, позднее специально рассмотренный выдающимся историком-экономистом П.Г. Любомировым. В конце XX в. уральский историк И.М. Шакинко показал, что Выговская община стала поставщиком отечественных кадров рудознатцев и горнорабочих не только для близлежащих заводов Олонцкого края, но и металлургической промышленности Урала.

неразвитость внутреннего обмена и ремесленного *разделения труда*, повлияли на общую экономическую отсталость страны, предпринял молодой экономист А.К. Корсак. Его работа «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России» (1861) стала отправным пунктом сравнительных исследований экономической эволюции Запада и России.

Глава 4. А.К. Корсак — первый русский экономист-компаративист

Александр Казимирович *Корсак* (1832—1874), как и А.П. Шапов, был связан с Казанским университетом, где защитил свой труд в качестве магистерской диссертации. Корсак первым в русской экономической литературе использовал понятие *индустриальная революция*, заимствовав его у немецкого химика и социального прожектёра Марло (псевдоним К.-Г. Винкельблеха, 1810—1865). Индустриальную революцию Корсак понимал как двоякий процесс, связанный во-первых, с техническим прогрессом благодаря прежде всего механике и химии¹⁹, и во-вторых, с *расширением кредита*. Её важнейшее социальное последствие — скопление населения вокруг огромных фабрик в городах, где бросаются в глаза тёмные стороны рабочего быта бескапитальной массы. Корсак взял на себя задачу проверки мнения о кустарной промышленности как самобытной черте русского хозяйства, которая может быть средством «против зол, гнетущих западноевропейское население».

Признавая, что каждый народ имеет свою историю, а поэтому и судьбы промышленности у разных народов неодинаковы, Корсак вместе с тем показал, что распространённость кустарной промышленности — следствие замедленного экономического развития России, *укоренённого в её географии и истории*. Протяжённость и однообра-

¹⁹ Различие между «фабрикой» и «заводом» Корсак проводил по критерию преобладания механической (фабрика) либо химической (завод) обработки материалов. Ср. со словарём Даля: «фабриками зовут такие заводы, где огонь (накалка, плавка, варка) не занимает первого места. Чугунный, поташный завод; полотняная, суконная фабрика».

зие территории²⁰; долгое отсутствие крепкой оседлости²¹ и затруднительность торговых сообщений затормозили развитие городской жизни с присущей ей традицией *специализированного* и объединённого в цехи ремесленного мастерства, подготовившей на Западе соединение наёмного труда в мануфактурах и на фабриках. Русские города возникали преимущественно из административных и военных соображений; они не стали, как на Западе, самоуправляемыми общинами с сословно-корпоративным оформлением экономического значения ремесленно-торговых классов и средоточиями обогащающего среднего сословия. Русское ремесло не укрылось за городскими стенами, не оформилось в цеховое мастерство, не стало достоянием отдельного класса населения с монопольными правами и сословной гордостью; оно рассеивалось среди поселян — без плотных союзов, без каких-либо привилегий и цехового совершенствования навыков. Сжатый из-за суровых климатических условий период полевых работ обусловил поиски крестьянами дополнительных — помимо земледелия — занятий на срок до 6–8 месяцев и дополнительных источников доходов. Такую возможность предоставляла *сельская домашняя промышленность*, существовавшая исстари (выделка грубых сукон, холстов, кож и т. д.) и ставшая заметнее в России развиваться в XVII в. Основная часть немногосложных изделий находила только *отдалённый* сбыт, причем целые деревни, лежавшие на больших дорогах, превратились в центры *оптовых ремёсел* — т. е. жители одной деревни целиком занимались кузнечным делом, другой — тележным, третьей — ткацким, четвертой — красильным и т. д. вплоть до более изощренных занятий, например, изготовление замков в с. Павлово на Оке, выделка сафьянов в с. Ягодном на Волге и т. д.

Сопоставляя исследования А.К. Корсака и А.П. Щапова, можно сказать, что оптовые ремёсла исторически пришли на смену *оптовым лесным промыслам* бобровничьих, бортничьих и т. п. деревень и стали

²⁰ «Обширная страна с суровым климатом и непроходимыми лесами, на северо-востоке прорезываемая реками и наполненная озерами и болотами, среди которых блуждали звероловы; на юго-востоке — необозримая степь, населенная кочевниками. Большие реки, разливаясь от таящего снега и льда, превращали во многих местах поля в болота; дороги покрывались стоячей водой и глубокой грязью, не просыхающей до следующей зимы... Человек почти везде находил одни и те же удобства и неудобства со стороны природы» (Корсак 1861, с. 102–103).

²¹ «Леса горят, готовится богатая жатва, но поселенец недолго на ней остаётся: чуть труд станет тяжелее, он идёт искать нового места, ибо везде простор» (Корсак 1861, с. 103).

запоздалым ответом на вызов оскудения даровых богатств «животной экономии» — мехов, пчелиного воска и меда, птицы и т. д. Оба автора упомянули и об ответе жителей некоторых великорусских областей на другой вызов — худородной почвы. Щапов ещё в «Русском расколе старообрядства» обратил внимание на то, что «... художественность почвы Вязниковского, Ковровского и частью Шуйского уездов Владимирской губернии и также некоторых уездов Ярославской губернии была причиною происхождения в этом краю особенного класса торговцев, издавна известных офеней, или ходебщиков» (Щапов 1859, с. 254). Корсак привёл пример тех же местностей как разновидность оптового промысла, когда исключительным стало не ремесло, а торговля — хождение по России с закупом всякой всячины и разноской по дальним странам. Уже с XV в. офени из Вязниковского уезда Владимирской губернии ходили из слободы Холуй и села Палех с иконками вплоть до Польши, Сербии и Болгарии.

Щапов отметил, что, начиная с воцарения Романовых, правительство уводило в Москву многих ремесленников с мест — каменщиков, кирпичников, оружейников, портных, скорняков и т. д. (Щапов 1907, с. 514). Корсак указал, что царская власть сводила ремесленное население в казённые слободы и привлекала иностранцев для промышленных заведений, пока, наконец, Петр I не захотел разом перенести на русскую неподготовленную почву почти все отрасли промышленности, существовавшие в то время на Западе. Искусственность многих петровских фабрик с импровизированными фабрикантами и монополиями, достигшими ужасающих размеров при императрицах Анне и Елизавете, получила у Корсака жёсткую оценку. «Одной из самых несчастных мер» он назвал приписку крестьян к фабрикам, усугубившую крепостные отношения — многие купцы строили фабрики только для виду, а на самом деле для того, чтобы владеть крестьянами; на Западе промышленные заведения стали начатками свободы — «у нас они только усилили рабство». Петровское устройство обширных промышленных заведений, игнорировавшее народные привычки и нормы жизни, имело и другое последствие — утверждение в некоторых, в основном, текстильных, отраслях, *домашней системы производства*. Она поначалу благотворно повлияла на крестьянское довольство (село Иваново Владимирской губ., село Вохны Богородского уезда Московской губ. и др.) и дала основание надеяться на «смешанное» ремесленно-земледельческое состояние русских работников, предохраняющее от «язвы пролетариата».

Корсак выяснил, однако, что домашняя система производства не является уникальной особенностью России. Эта форма и на Западе, где процесс промышленного развития от цехового ремесла к мануфактуре и фабрике не был линейным, возникла из побочных занятий сельских жителей, превратившись в исполнение мелкими производителями работы по заказам капиталовладельцев-скупщиков. Отличие между ремеслом и домашней системой производства состоит в том, что для первого главное условие жизненности заключается в *качестве* изделий, а для второй — в *дешевизне*. Для мануфактуры и фабрики (которая отличается от мануфактуры тем, что соединяет *многих* взрослых и малолетних рабочих вокруг *единой* системы механизмов, приводимых в действие центральной двигательной силой) обязательно и то, и другое. Поэтому первые мануфактуры, которым трудно было производить недорогие изделия, возникали в странах с географически удобным местоположением для привоза заграничного сырья и выгодного экспорта (Италия и Фландрия) и ориентировались на отдалённый международный сбыт предметов роскоши (прежде всего — тонких сукон и шелков). Позднее, умножились отрасли «изысканной промышленности» мануфактурного типа под покровительством монархов (особенно во Франции и германских княжествах), а с другой стороны, — из занятий, согласных с условиями сельской жизни, развилась домашняя система производства наиболее употребляемых изделий из местных материалов. Дешевизна её продукции обеспечивалась тем, что домашняя выработка была побочным трудом земледельцев, работавших по заказу скупщиков-предпринимателей. Так возникла, текстильная и металлическая промышленность вокруг английских городов Лидса, Шеффилда, Галифакса, Бирмингема, Вулверхэмптона, о которой писал А.Смит в «Богатстве народов».

Решающие преимущества фабричности для удешевления качественной продукции обеспечиваются *масштабом* производства и обширного сбыта однородных произведений, включая непрерывность действия и взаимодополнение большого количества разнообразного труда внутри предприятия (от бухгалтеров до надзирателей) и применение новейших машин и естественнонаучных открытий. В ходе индустриальной революции на Западе фабрика более или менее вытеснила как старое ремесло и мануфактуру, так и домашнюю систему (*domestic-system*, по-английски). Русская домашняя система производства — *кустарная промышленность* — оказалась более живучей и распространилась «ничтожными в отдельности, но сильными в массе промыслами на-

ших крестьян» (Корсак 1861, с. 48). Причины этого: 1) частая недостижимость дешевизны фабричной продукции; 2) отсутствие цеховых стандартов качества и разнообразия сельских рукоделий, часто покрывающих иные потребности, чем товары, производимые фабричным способом; 3) необходимость дополнения полевых работ с их укороченным периодом. Корсак отметил, что холодный и континентальный российский климат является естественным препятствием для перехода к тем улучшенным *плодопеременным* системам, которые делают необходимым и выгодным специализацию работников *исключительно* на земледелии. Отсутствие условий для распространения интенсивного земледелия в стране одновременно создавало предпосылки для распространения домашней промышленности, ибо главному условию её прочности — дешевизне изделий — ни один класс населения не может удовлетворить так, как класс мелких землевладельцев, посвящающих рукодельям время, свободное от обработки небольшого участка пространства земли (там же, с. 209).

Корсак считал такое преимущество домашней промышленности временным явлением — и указывал на участвовавшие и в России факты подавления фабричностью кустарей. Корсак высмеивал немца Гакстаузена, вообразившего, что русские сельские ремёсла суть ...«ассоциации, которые напоминают собою учение сен-симонистов». Якобы община помогает своим членам и делает им ссуды капиталов; крестьяне сообща покупают сырые материалы и таким же образом продают готовые изделия. для этого они учреждают в городах складочные материалы и содержат агентов, которым поручают продажу. «Как раз этого и недостает нашим крестьянам!» (там же, с. 272—273).

Эта критика прусского барона — единственное место в книге Корсака, где упоминается русская община! А ведь книга вышла в год отмены крепостного права. Автор, установивший, что домашняя система производства «была везде в известную эпоху экономического развития», был явно чужд славянофильской идеализации экономического строя сельской России. Но не торопился признать городскую фабрику единственно возможной формой промышленного прогресса, считал обоснованными тревоги по поводу её «всепоглощающего могущества», воспроизводства «многочисленного класса беспомощных людей, который мы называем пролетариатом» (там же, с. 68). Российский экономист, подчеркивал *насильственный* характер образования безземельного пролетариата в крупных странах Запада (Англия, Герма-

ния²²), с другой — предлагал искать условия обеспечения большего простора развитию домашней формы производства, опять-таки приводя примеры успешного развития таковой на Западе, преимущественно в малых странах (Швейцария, Швеция). А.К. Корсак солидаризовался с проектами таких западных авторов, как француз А. Одиганн (1814—1875) и немец Ф. Шульце-Делич (1808—1883), полагавших возможной эволюцию фабричного производства к «ассоциациям, чуждым корпоративному духу средних веков и основанным на свободном участии труда и капитала в выгодах новой формы промышленности, в слиянии мелких сбережений». Необременительный *кредит* и ассоциация мелких ремесленников для оптовой покупки материала и для сбыта произведений; устройство показательных общественных мастерских, чтобы сдвинуть технику с унаследованной рутины. Это, по мнению Корсака, возможные пути к созданию новой формы промышленности, которая подтянула бы сельские промыслы к уровню фабричного производства. Сохранив за кустарями права самостоятельных хозяев и избавив их от двух главных зол — некультурности и паразитического диктата монополистов-кулаков²³ (из купцов или самих крестьян) над связью

²² Только в Англии, отмечал Корсак, power-loom полностью вытеснил hand-loom, исчез самостоятельный крестьянский класс и образовалась масса рабочего сословия, предоставленная самой себе, имевшая доступ к средствам существования только лишь наёмную работу. Этот социальный переворот осуществился через несколько этапов насильственного лишения селян земли, причем заключительный этап был вызван переходом к интенсивной и рациональной системе сельского хозяйства, при которой владение землей и пользование ею требует больших капиталов.

В Германии есть государства с обширными поместьями, есть и такие, где поземельная собственность и пользование землей раздроблены на мелкие участки. Раздробление наиболее заметно на западе, а концентрация — на востоке. Поэтому на западе народонаселение устремилось в промышленные округа (особенно в Саксонии, где осталось 20—25% земледельцев), на востоке осталось преимущественно земледельческим (65% в Баварии). Как образование крупных поместий, так и чрезмерное дробление поземельной собственности равно лишают большинство народонаселения возможности прокормиться за счёт земледельческого труда на своём участке. В то же время развитие фабричного производства (а в германских землях — ещё и вырождение цехов, уступавших в городах одну отрасль промышленности за другой, но в то же время препятствовавших её распространению в сёлах) лишали эту массу народа ремесленных занятий, доступных для маленького капитала, и вынуждали находить единственный приют на фабриках.

²³ Готовое изделие доходит до потребителя через руки четырёх-пяти посредников, в кармане которых и оседает основная часть заработка; материалы для

непосредственных производителей-кустарей с рынками сбыта своей продукции.

Трактат Корсака снискал автору репутацию «быть может, самого крупного русского ученого-экономиста 1860-х гг.» (Туган-Барановский 1899, с. 851). Беспристрастное сравнительно-историческое исследование форм промышленного производства стало этапным в полемике о своеобразии хозяйственного строя России. Автор не примкнул ни к славянофильскому противопоставлению идеализированных и часто надуманных «исконно русских» земско-общинных начал суровым реальностям западного экономического развития с неприглядной очевидностью фабричного быта, ни к западническому согласию с неотвратимостью пришествия этого самого быта в отсталую Россию. Трезвый взгляд на российскую экономическую отсталость — с выяснением обусловленности её характером геоэкономического пространства — сочетался с рекомендациями поиска возможных лучших форм в *западном* опыте. Это было предвосхищением центрального направления российской политэкономии ближайших десятилетий — *легального народничества*.

Глава 5. Геоэкономическое пространство России в оценке легального народничества и катедер-социализма

5.1. Народническая геополитическая экономия: В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон

Комплекс идей, обобщаемых понятием «народничество», с одной стороны, был отрицанием и одновременно продолжением и славянофильства, и западничества; с другой стороны, вместил в себя как радикальные «три течения в революционном народничестве 1870-х гг.», так и легальное направление пореформенной общественной мысли и журналистики, оказавшее значительное влияние на университетскую политэкономю. Пытаясь обосновать *некапиталистический* путь развития России, отыскивая эволюционные альтернативы как в отече-

обработки поставляют те же кулаки (прасолы, барышники); кредит обращается в грубую эксплуатацию, влечёт неизбежную кабалу.

ственных учреждениях, так и в «наиболее прогрессивных» («во всей их общечеловеческой чистоте») идеях и элементах опыта Запада, легальное народничество *подобно* славянофильству возлагало надежды на общинное землепользование русского крестьянства, *подобно* до-реформенному западничеству — на мелкое кустарное производство; *в противоположность* пореформенному фритредерству-западничеству сугубо отрицательно относилось к европейскому капитализму, *в противоположность* пореформенному славянофильству отрицало протекционное покровительство русской фабричной промышленности. Сформировавшись окончательно в годы «серого террора» после трагедии 1-го марта 1881 г., легальное народничество сделало политико-доктринальный зигзаг в сторону раннего славянофильства²⁴, поставив под сомнение целесообразность борьбы за политические свободы в стране, но при этом проповедовало возможность «обхода» Россией антагонистических форм экономического прогресса, «коль скоро в понятиях ее интеллигенции сложилось представление о формах, более идеальных» (Воронцов 1883).

Аникапиталистическое кредо народничества восходило к наследию основателей и редакторов популярнейшего журнала «Отечественные записки» — поэта Н.А. Некрасова, публициста Г.З. Елисеева²⁵, сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина, не жалевших красок для изобличения «плутократии» и «ликующего хищничества». Их преемник Н.К. Михайловский (1842—1904) приветствовал на страницах журнала выход русского перевода 1-го тома «Капитала» К. Маркса, найдя в «обстоятельной критике доктрин школьной политической экономии» и «искусно обработанной истории экономического развития Англии» материал для подкрепления своих формул: о «приближении к целостной личности» как критерии социального прогресса и о противоположности «народного богатства и благосостояния масс». Описанные Марксом эксцессы экспроприации сельских производителей и патологии «частичного рабочего» добавляли впечатляющие краски к критике самим Михайловским — в программной статье «Что такое прогресс?» — дегуманизирующих последствий капиталистического разделения труда и побуждали к развернутой аргумента-

²⁴ «Русский народ есть народ негосударственный, не требующий для себя политических прав», — провозглашал наиболее эмоциональный из зачинателей славянофильства, К.С. Аксаков.

²⁵ Елисеев ещё до выхода русского перевода «Капитала» обильно цитировал Маркса в своей известной статье «Плутократия и её основы» (1872).

ции в пользу «самобытных» общинных порядков пореформенной России, при которых большинство состоит из самостоятельных хозяев, сочетающих земледелие с кустарными промыслами. Михайловского не смутило категоричное обобщение автора «Капитала», что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» (Маркс и Энгельс, т. 23, с. 7). Ссылаясь на другую мысль Маркса — о возможности «сократить и смягчить муки родов» нового общества — Михайловский нацеливал русскую общественную мысль на «предотвращение неправильностей европейской цивилизации», на изыскание путей обхода «средних стадий» — то есть капиталистического способа производства.

Русское издание 1-го тома «Капитала» нашло заинтересованную читающую публику — вплоть до забайкальской тайги, где угасавший А.П. Шапов, получив экземпляр от переводчика Г.А. Лопатина, сослался на прочитанную книгу в одной из своих последних статей — «Что такое рабочий народ в Сибири». Интеллигенция и студенчество быстро усвоили категорию прибавочной стоимости, понятия об эксплуатации наёмного труда и капиталистическом накоплении. Но не спешили делать выводы о неизбежности капиталистической стадии в хозяйственной эволюции России. Н.К. Михайловский поспешил указать на сельскую общину как на «огромный зародыш» экономических начал, уступающих по ступени развития европейскому крупному производству, но превосходящих его по типу (Михайловский 1875, с. 171). Политэкономическое наполнение этой мысли взял на себя приглашённый Михайловским в 1879 г. к постоянному сотрудничеству в «Отечественных записках» Василий Павлович Воронцов (1847—1918), писавший под псевдонимом «В.В.» и утвердивший в языковом обиходе русской общности слово «капитализм» (редкое в экономическом лексиконе Запада вплоть до начала XX в.). Систему идей Воронцова, развернутую в книге «Судьбы капитализма в России» (1882) — произведении, «бесспорно выдающемся» (Туган-Барановский 1899, с. 853), — можно охарактеризовать как негативную политическую экономию капитализма.

Капитализм в трактовке Воронцова — частнопредпринимательский строй крупнопромышленного расширенного воспроизводства, сложившийся в Западной Европе. Его «беспочвенность» для русского хозяйства Воронцов выводил из двух ключевых предпосылок. Во-первых, развив на Западе обобществление труда и расширенное производство богатства, капитализм осуществил это в форме, непригодной для рабочей массы. Во-вторых, капиталистический строй утверждает тем

труднее, «чем позднее начнёт какая-либо страна развиваться в промышленном отношении» (Воронцов 1882, с. 14), поскольку она сталкивается с непосильной теснотой рынков сбыта: внутренний рынок слишком узок из-за бедности большинства населения, а внешние уже захвачены передовыми странами. Особенно остра проблема реализации товара рабочая сила с трагическими последствиями голодного перенаселения, если только избыточной массе вытесняемых крупным капиталистическим производством (с заимствованием передовых технологий) местных рабочих рук не удастся эмигрировать. «Капиталистический пессимизм» В.В. соединял отрицание перспектив расширенного капиталистического воспроизводства для отсталых стран с указанием на неадекватность «чумазой» и политически инертной русской буржуазии («колупаевы, разуваевы, сладкопевцевы») культурно-историческому шаблону западного либерализма.

Политэкономическая концепция В.П. Воронцова, или «народническая теория рынков» широко известна, но главным образом сквозь призму критики её М.И. Туган-Барановским и В.И. Ульяновым-Лениным (Вл. Ильиным). Критики, во-первых, теоретической, акцентировавшей создание капиталистическим расширенным производством внутреннего рынка за счёт опережающего роста «производительного потребления», во-вторых, эмпирической, относительно статистических подсчётов численности (у Воронцова выходило — стационарной или даже снижающейся) фабричных рабочих в пореформенной России. В целом, взгляды Воронцова отнесены к разновидности «теории третьих лиц» С. де Сисмонди, или «экономическому романтизму» и были оставлены без внимания его указания на осложнение воспроизводственных процессов в России климатом «в союзе с огромными пространствами нашего отечества» и всем известным русским бездорожьем.

Апеллируя к трудовой теории стоимости Маркса, Воронцов отмечал, что в России завышенными оказываются и затраты на воспроизводство рабочей силы (более дорогие постройки, их зимнее отопление и освещение; теплая одежда, обогрев жилья и т. д.), и чистые издержки обращения — лишаящие возможности постоянного скорого и дешевого перемещения массовой продукции из одного конца страны в другой²⁶. А крупное

²⁶ Самые дешёвые пути — водные — закрыты для движения более половины года. и готовые громоздкие продукты лежат на заводах всё это время в ожидании навигации. а сырые заводы могут получать только раз в год: из Москвы до Самары привести товар втрое дороже, чем из Англии в Москву.

производство требует удобства путей сообщения для массового сбыта; именно в организации перевозки проявился более всего «промышленно-капиталистический гений» западноевропейских наций²⁷. Вследствие этого на российском пространстве «свободному полёту капитализма положены довольно тесные пределы», но при государственной поддержке крупного производства и импорте технологий укореняется монополизм. Примерами гротескного характера российского промышленного капитала для Воронцова были узкогрупповое «жуирование» с вздуванием цен на частных железных дорогах, задолжавших казне миллиард рублей, и технический застой металлургии

В.П. Воронцов
(1848—1918)

Урала — «любимого детища правительства». Близлежащие леса вырублены, ввозить дрова или каменный уголь издалека не позволяло бездорожье, но при этом заводчики отказались применять бессемеровский процесс, сберегающий топливо в 2—2,5 раза.

«Иной путь промышленного прогресса» Воронцов предлагал искать в сочетании двух форм: *артельной* организации кустарных промыслов и *государственного* («казённого») управления машинной индустрией до тех пор, пока не удастся видоизменить сельскую общину таким образом, чтобы она была в состоянии сделаться подходящим орудием для организации крупной промышленности. Подразумевалось, что опорой социального преобразования России станут не обреченная на несамостоятельность буржуазия и не фабрично-заводской пролетариат, а

²⁷ Современник В.П. Воронцова А. Маршалл, выпустивший свой первый крупный трактат «Экономия промышленности» в том же году, когда появились первые статьи В.В. о капитализме (1879), в своём главном труде (1890), в главе «Общее воздействие экономического прогресса» специально подчеркнул, что «главным экономическим событием нашего века является развитие не обрабатывающих, а транспортных отраслей». Именно усовершенствование перевозок внесло наибольший вклад в увеличение богатства Англии (Маршалл. 2007. С. 628).

сельские общинные массы и интеллигенция как *идейно-рабочая сила*, организующая для крестьянства распространение технических знаний, систему сбыта и мелкого кредита. Надежды на широкое развитие в России мелкого народного кредита и производственных артелей были унаследованы легальным народничеством от надежд 1860-х гг. Ещё А.К. Корсак почти поэтизировал швейцарскую домашнюю систему часового производства; В.П. Воронцов считал возможной новую систему промышленных единиц, «сходной, например, с той, которая практикуется в швейцарском часовом производстве». «Артельные начинания» увлекали будущих видных деятелей как общественно-экономической, так и научно-технической русской мысли. Напр., в 1869 г. А.И. Чупров и Н.А. Умов организовали «Общество распространения технических знаний» для помощи крестьянам и кустарям (Гранат 1930, стб. 19); в 1875—1878 гг. А.Н. Лодыгин (изобретатель лампы накаливания) и С.Н. Кривенко (с 1873 г. — сотрудник «Отечественных записок») возглавляли артель-колонию под Туапсе. О научно-техническом служении как форме проявления инновационной «местной инициативы» А.И. Чупров продолжал размышлять и много позднее, изучая опыт «странствующих кафедр» агрономов-кооператоров в Италии (Мозойро 1994).

Характерно, что область классического капитализма В.В. ограничивал не всем Западом, но лишь передовыми странами Западной Европы, отмечая, что в США положение наемного фабричного рабочего есть переходное к самостоятельному земледельческому занятию: вновь приехавший из Европы остается в этом положении несколько лет, после чего, накопив, достаточную сумму денег, приобретает участок земли и становится земледельцем, «очищая таким образом сцену наемного труда для своих преемников»²⁸ (Воронцов 1958, с. 441).

В целом можно сказать, что В.П. Воронцов пытался сконструировать альтернативу частному крупнопромышленному производству не только ввиду опасностей радикальных ломов национального строя²⁹, но и потому, что полагал водворение капитализма неадекватным условиям внутреннего геоэкономического пространства. Другой видней-

²⁸ Современный историк американской цивилизации Д. Бурстин отмечает, что «создание фабрики без постоянного класса фабричных рабочих» было частью американского идеала «социального круговорота» с неопределенностью классовых перегородок» (Бурстин 1993, с. 42—43).

²⁹ Как отмечается в современной политэкономической литературе (напр.: Рязанов 1998, с. 191—192).

ший экономист-публицист легального народничества Н.Ф. Даниельсон («Николай — он») центральное внимание уделил давлению капиталистических условий процесса обращения извне — со стороны мировой торговли, в которой Россия была вынуждена наращивать своё участие в качестве экспортёра зерновых по ценам, снижаемым конкуренцией стран с заведомо лучшими агроклиматическими и транспортными условиями.

Николай Францевич Даниельсон (1844—1918) был не только русским переводчиком «Капитала», но и главным русским корреспондентом К. Маркса и Ф. Энгельса на протяжении более 25 лет.

Публикацию своих «Очерков нашего пореформенного хозяйства» он начал в 1880 г. (журнал «Слово», № 10), а завершил в 1893 г., издав отдельной книгой и указав в предисловии, что хотел лишний раз «обратить внимание общественной мысли на те тяжёлые последствия, которые неизбежны, если наша общественно-хозяйственная жизнь будет продолжать развиваться в том же направлении, в каком она развивалась за последнее тридцатилетие». Под «тяжёлыми последствиями» Даниельсон имел в виду голод 1891—1892 г., явившийся следствием краха протекционной «блестящей системы» министра финансов Вышнеградского — научного светила в механике, оборотистого дельца в экономике и прожжённого циника в политике, гнуснопрославленного собственной фразой *«недоедим, но вывезем»*.

Даниельсон не был столь категоричен, как Воронцов, в отрицании простора для российского капитализма. Он признавал, что процессы расслоения сельской общины и капитализации кустарных промыслов зашли в пореформенной России достаточно далеко. Но полагал, что несовершенство всей капиталистической формы производства так очевидно, влияние её так разрушительно, что прямо-таки вынуждает русское общество искать иной выход, «а выход этот может быть найден только в развитии тех институтов, которые мы унаследовали от нашей прежней истории» (Даниельсон 1967, с. 629). В этом Даниельсон пытался убедить и Маркса с Энгельсом, которых обильно цитировал — включая и фрагменты их писем к нему — в своих «Очерках».

Н.Ф. Даниельсон
(1844—1918)

Первую часть «Очерков» Даниельсона Маркс прочёл как раз тогда, когда получил от Веры Засулич письмо с просьбой разъяснить свои воззрения «на судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что в силу исторической неизбежности, все страны мира должны неизбежно пройти через стадию капиталистического производства». Ответив Даниельсону одобрением его «оригинальной в лучшем смысле этого слова» работы, Маркс направил Засулич рождённое в напряжённом переборе вариантов письмо с выводом об ограниченности «исторической неизбежности» капитализма *странами Западной Европы* и с признанием того, что «анализ, представленный в «Капитале», не даёт, следовательно, доводов ни за, ни против сельской общины. Но специальные изыскания, которые я произвёл на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла свободно функционировать как таковая, нужно было бы, прежде всего, устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития».

«Первоисточниками» для Маркса, несомненно, служили материалы, присланные Даниельсоном, исходившим из того, что принцип Манифеста 19 февраля 1861 г. — освобождение с земельным наделом крестьян, привыкших распределять рабочее время между сельским хозяйством и промыслами, — «стоял в безусловном противоречии с принципом, на котором зиждется хозяйственный строй западноевропейских государств». Однако, после 1861 г. все законодательные акты и вся хозяйственная деятельность правительства была направлена в противоположную сторону — на содействие отделению производителя от средств производства и отдалению продукта от производителя. Факторами «разъединительного процесса» стали железнодорожное учреждение и кредитно-денежная эмиссия. Эти искусственно насаждаемые государством капиталистические условия процесса обращения отвечали не национальным потребностям роста производства, а военным — казны и спекулятивным — непроизводительных слоёв.

Вследствие чрезмерного роста сферы обращения сосредоточение капитала сопровождалось застоем земледельческой производительности и увеличением числа «упалых» хозяев. Придавленное податными тяготами крестьянство с каждым годом отчуждало возрастающее количество продуктов земледельческого труда, поэтому народное потребление сокращалось, а капитализация внеземледельческих промыслов усугубляла этот процесс.

Даниельсон указал на неэквивалентный обмен на всемирном рынке в условиях разноступенчатости капиталистической культуры: страны с более высоким уровнем производительности труда имеют возможность пользоваться своим исключительным положением и продавать продукт выше его индивидуальной стоимости, другими словами — присваивать добавочную стоимость подобно тому, как предприниматель присваивает часть продукта труда своих рабочих. Русский голод 1891 г. Даниельсон рассматривал как результат эксплуатации менее развитой страны передовыми капиталистическими нациями: продукты труда крестьян, выброшенные на мировой рынок, теряют в цене прямо пропорционально производительности труда их конкурентов; при этом рост производительности промышленных отраслей, пользующихся особым покровительством и быстро внедряющих технические усовершенствования, ускоряет искоренение кустарных промыслов и тем самым — усугубление народной бедности.

Как известно, 2-й том и 3-й том «Капитала», подготовленные к печати Энгельсом уже после смерти Маркса в 1884 и 1894 гг. были оперативно переведены на русский язык неутомимым Даниельсоном, издавшим отдельной книгой свои дополненные «Очерки нашего пореформенного хозяйства» (1893). Однако Энгельс в начале 1890-х гг. оставил в прошлом допущения покойного друга по поводу «общинного» шанса России и говорил своим русским собеседникам, что «шестерня капитализма уже крепко врезалась местами в русскую экономику» (Русанов 1988, с. 72), а Даниельсону писал: «Боюсь, что нам придётся рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией. Несомненно, таким образом, будет утрачена великая возможность, но против экономических фактов ничего не поделаешь». Разрушение русской общины Энгельс считал предопределённостью эпохи, когда «обработка земли в крупном масштабе с применением машин становится единственно возможным способом сельскохозяйственного производства», а крестьянин обречен. «Нам же остаётся утешать себя мыслью, что всё это, в конечном счете, должно служить делу прогресса человечества».

Даниельсон принять такую цену прогресса отказывался: «пока солнце взойдёт, роса очи выест». Не рассчитывая его переубедить, Энгельс отмечал, что развитие более высокой социальной формы из русской общины было бы возможно лишь в случае возникновения образца этой высокой формы на Западе из «капиталистической формы производства и создаваемого ею социального антагонистического дуализма». Но поскольку

ку трансформации на Западе не произошло, то и у России не осталось иного направления развития, нежели капитализм. В последний год своей жизни Энгельс оказался в довольно щекотливом положении: высказав к нему своё почтение как к учителю, лидер российских социал-демократических эмигрантов Плеханов обрушился на Воронцова и Даниельсона, пытающихся обосновать ссылками на Маркса ту мысль, что Россия не пройдёт через капиталистическую стадию развития. Со своей стороны, Даниельсон просил Энгельса разрешить использовать их переписку в полемике со своими молодыми критиками — сторонниками неотвратимости капитализма в России. «Генерал», как почтительно (по примеру семьи и соратников Маркса) величал Энгельса Плеханов, не поддался на уговоры ни того, ни другого. Ограничился тем, что в последнем письме Даниельсону дал развернутое изложение своей позиции по поводу *наступившей* капиталистической фазы развития России. С аналогичных позиций на Воронцова и Даниельсона вскоре обрушилась сокрушительная критика за их «славянофильские суеверия» (П.Струве), «экономический романтизм» (В. Ульянов-Ленин — Вл. Ильин) «негодную статистику» (М. Туган-Барановский) и «псевдомарксизм» (М. Филиппов). Самым уязвимым местом пропагандистов «народного производства» было допущение реализации их экономической программы существующим самодержавным государством («полицейский социализм», по определению Плеханова). Полемика «неомарксистов» с легальными народниками стала не просто новой версией разногласий между теми, кто верил в «самобытность» России, и теми, кто отстаивал общеевропейские закономерности её развития («европеизация» — Плеханов, «национал-европеизм» — Струве). Спор впервые был переведён в плоскость соответствия российского пути конкретным *стадиям* формационного экономического развития. «Нота» геополитической экономики была обертоном дискуссии, быстро заглухнув за злободневными дебатами — не только экономическими, но политическими, социологическими и философскими. Однако есть основания вслушаться в неё спустя более чем век.

5.2. Два предвосхищения: периферийный капитализм и евразийское неудобье

Воронцов и Даниельсон явно уступали своим более молодым оппонентам-«неомарксистам» в полемическом задоре, черпавшем силу из заманчивой определённости исторической схемы, в которую можно

было вписывать и усилившееся благодаря «системе Витте» втягивание страны в сеть мирового капиталистического хозяйства, и обнаружившийся потенциал организованности и протеста немногочисленного, но сконцентрированного на крупных предприятиях индустриального пролетариата. П. Струве, порицая «сентиментализм в политико-экономических вопросах», настаивал на исторической связи между народничеством и славянофильством. Г. Плеханов, твёрдо решивший сделать «Капитал» Маркса «прокрустовым ложем для вождей русской революции», противопоставил радикальное народничество (своей молодости), с которым он был связан участием в подпольных организациях «Земля и воля» и «Чёрный передел», *легальному народничеству* как «реакционному утопическому социализму». Схожее противопоставление проводил и В.Ульянов-Ленин, но он, во-первых стал именовать легальное народничество *либеральным*, а во-вторых, определил его главную черту как «представительство интересов и идей русского мелкого производителя», туземный «сисмондизм»³⁰ (Ленин, т. 1, с. 422). Хотя работы подвизавшегося в антинародничестве 1890-х гг. «начинающего тогда писателя» Ульянова-Ленина «не могли получить сколько-нибудь широкого распространения» (Кареев 1996, с. 240), впоследствии обладали его оценки «мелкобуржуазности» народничества, к которым было добавлено ярлыковое понятие «неонародничество», объединившее и идеологию революционной партии эсеров и экономическую школу аграрников-кооператоров. Это обновленное русское народничество начала XX в. было смято политико-государственной машиной большевиков в потрясениях «военного коммунизма» 1917—1921 и «великого перелома» 1929—1930 гг.

Возрождение интереса к идейному наследию народничества связано с двумя значимыми процессами второй половины XX столетия: опытом (часто неудачным) промышленной «модернизации» аграрных стран «третьего мира», и новой капиталистической пертурбацией России (после крушения режима в 1991 г.). «Третий мир» в третьей четверти XX в., с одной стороны, выдвинул из своих рядов идеологов, по существу воспроизводящих народнические оценки капитализма как регресса и неэквивалентного обмена на мировом рынке, с другой стороны, поставил проблему

³⁰ В «Коммунистическом Манифесте» Маркса и Энгельса Сисмонди фигурирует как идеолог, стоящий во главе «мелкобуржуазного социализма». По характеристике Ульянова-Ленина Сисмонди как «горячий сторонник мелкого производства» представляет особое течение в политической экономии

изучения крестьянского хозяйства как особого социального института, экономическое поведение в рамках которого не поддается логике рыночного интереса. Крестьяноведение как самостоятельное направление экономико-социологических исследований оформилось благодаря открытию на Западе работ разгромленной в СССР «неонароднической» школы А.В. Чаянова. Чаянов высоко ценил работы Воронцова, особенно книгу «Прогрессивные явления в крестьянском хозяйстве» (1892). В «Очерках нашего пореформенного хозяйства» Даниельсона им было подмечено то своеобразие экономического поведения, которое легло в основу чаяновской модели «устойчивости крестьянского хозяйства». Из статистических материалов о русской деревне Даниельсон сделал вывод об отсутствии — вопреки законам спроса и предложения — обратной зависимости между высотой урожайности и хлебными ценами. «Несмотря на повторяющийся урожай, цена главного продукта крестьянского потребления — ржи — повышается». Происходит это потому, что крестьянин, уплатив долги и недоимки в первый урожайный год, во второй год не стремится извлечь больше прибыли отчуждением зерна на продажу, а оставляет больше ржи для покрытия собственных потребностей. На рынок поступает относительно меньше хлеба.

Не менее важен акцент Даниельсона на деформирующем экономические отношения внутри отсталых стран давлении международного капиталистического процесса обращения. В первой части своих «Очерков» Даниельсон привёл весомые суждения на эту тему не кого иного, как Маркса (опубликовав без указания имени его письмо от 10 апреля 1879 г.). Это была характеристика влияния средств сообщения и «космополитической деятельности ссудного капитала» на ситуацию в отсталых странах, где «капитализм ютился только в верхних слоях общества», но государство быстро создало и расширило в непропорциональных размерах *капиталистические надстройки*, в то время как производство продолжало осуществляться по проторённому пути. Железные дороги дали сильный импульс развитию внешней торговли; но в странах, вывозящих главным образом сырые продукты, эта торговля усилила нищету народных масс — притом не только потому, что на них легло налоговым прессом бремя новой (ради железных дорог) задолженности правительства. «С того момента, как всякий продукт местного производства может превращаться в космополитическое золото; многие товары, бывшие ранее дешёвыми из-за отсутствия широкого сбыта — вино, фрукты и пр. (у нас — высшие роды хлеба), — дорожают, исчезая вследствие этого из народного потребления; между тем

как, с другой стороны, само производство (т. е. специальных родов продуктов) изменяется сообразно их большей или меньшей пригодности для вывоза, тогда как раньше оно применялось главным образом к местному потреблению» (Даниельсон 1958, с. 492). В этой оценке Маркса, с которой всецело согласился Даниельсон, содержится описание иного *«социального дуалистического антагонизма»* капиталистической формации, чем тот, что обсуждался в более позднем эпистолярном диалоге Даниельсона и Энгельса. А именно *дуализма*, описанного в модели *периферийного капитализма*, или «зависимого способа производства», выдвинутой экономистами ЭКЛА (аргентинец Р. Пребиш, бразильцы Т. дус Сантус, С. Фуртаду и др.), отметившими *двойственную динамику* своих стран, обусловленную их «периферийным» положением в международном разделении труда (МРТ) и зависимостью от развитого капиталистического «центра». Импульсы центра, расходясь к периферии, рассекают ее экономическую структуру на два сектора — отсталый традиционный и современный капиталистический, интегрированный в мировое хозяйство для обслуживания воспроизводственного процесса именно стран центра. Сила центра позволяет ему навязать периферии *структурные взаимосвязи*, предопределяющие воспроизводство её как аграрно-сырьевого придатка. Мировая торговля становится механизмом обогащения центра за счет периферии при содействии туземных элит, подражающих моделям потребления центра.

Именно Даниельсон и Воронцов на опыте России первыми проанализировали «буксование» капитализма как закономерность, характерную для стран с запоздавшим развитием на периферии международного разделения труда, пытающихся осуществить модернизацию в условиях сосуществования с передовыми странами. Результат зачастую сводился к образованию «островков» современного капиталистического производства для удовлетворения потребностей высших классов при разорении основной массы производительного населения. Русские «сисмондисты» правомерно усомнились в том, что отсталые страны должны просто-напросто повторить этапы развития передовых стран — как полагали догматически упитанный Плеханов и наглый рыжий Струве, а две трети века спустя — самонадеянные теоретики модернизации. Воронцов и Даниельсон болезненно сознавали, что в своем развитии отсталые страны не только не должны, но и не могут повторить классическую английскую схему расцвета крупнопромышленного производства на основе экспроприации мелких сельских производителей. Считая себя, а не своих критиков, марксистами, они

не только предприняли теоретическую попытку защитить крестьян — «судьбу которых многие социалисты того времени слишком уж быстро сочли «предрешенной» (Walicki 1969, p. 129) — но и предвосхитили поиски идеологами «третьего мира» некапиталистических моделей индустриализации, отводящих государству роль ограничителя притязаний частного капитала и координатора интересов различных секторов хозяйства и групп населения.

Этим предвосхищения народнической политэкономии не исчерпываются. Распад СССР в 1991 г. привёл к очевидному сжатию геоэкономического пространства России. Во времена полемики марксистов с народниками экономической географии как научной дисциплины в России не существовало, а позднее она развивалась в стеснительных рамках истмата. Разрыв этих рамок способствовало появлению концепции *«евразийского неудобья»* — территории, исторически создававшей естественные преграды пластичности жизненного уклада населения и переходу к рыночному хозяйству (Гладкий, Доброскок, Семёнов 1999, с. 88). Это чрезмерные в сравнении с подавляющим большинством развитых государств издержки «ледяных» изотерм, связанные с защитой от холода (повышенный расход энергии на обогрев зданий в производственной и коммунально-бытовой сферах; большой объём используемых конструкционных материалов; производство тёплой одежды, обуви и т. п.); поддержанием в надлежащем порядке дорожно-транспортной сети, разрушаемой замерзающими грунтовыми водами; укреплении инженерных сооружений из-за обильных снегопадов; обледенением и деформациями металла, вызываемыми перепадом температур; ликвидацией ежегодных последствий ледостава и ледохода, паводковых наводнений, снежных лавин и т. п. (там же, с. 89). Россия является страной с наиболее неравномерным в мире агроклиматическим режимом (там же, с. 526), наложившим исторический отпечаток на рискованный характер сезонного земледелия и стереотипы народного поведения, включая общинность (там же, с. 95–96).

Эти обобщения современных российских экономико-географов можно аттестовать как веские дополнения к «капиталистическому пессимизму» В.П. Воронцова, хотя его экономические трактаты и публицистика остались вне внимания авторов концепции «евразийского неудобья», также как и работы профессоров И.И. Иванюкова, А.И. Чупрова, А.А. Исаева — представителей «кафедрального» легального народничества, или российского катедер-социализма.

Перечисленные политэкономы принадлежали к тому же поколению, что В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон и олицетворяли новое поко-

ление русской профессуры, относившее себя к *историко-реалистическому направлению*. Они разрабатывали эволюционную концепцию форм хозяйства, сочетавшую влияния германской новой исторической школы и марксизма. Отрицая универсальность принципа свободной конкуренции и «постулат о невмешательстве государства», они включали в политэкономия *«обязанность указать, с точки зрения понятий о культурных задачах нашего времени, общую ближайшую цель развития народного хозяйства и меры для осуществления её»*, понимая эту цель как «согласование наибольшего производства с возможно более справедливым распределением». Будучи в стороне от революционного движения, Иванюков, Чупров, Исаев изучали опыт промышленных товариществ и коммунитарных экспериментов на Западе и «артельные начинания» в России; проводили мысль о внутренней преемственности классической теории трудовой ценности и учений социализма. Применение марксистского категориального аппарата как адекватного *капиталистической форме производства* (прибавочная ценность, накопление капитала, мануфактурное и крупное машинное производство и т. д.) соединялось с народническим основоположением, что «на высоте основного вопроса русской жизни» находятся *семейные формы производства*, связанные с общинным землевладением и кустарной промышленностью (Иванюков 1891, с. 61). А с германской новой исторической школой сближали требования широких социальных реформ государства («катедер-социализм»), детальных статистических исследований народного быта и внимания к *географическим* условиям национального хозяйства.

Иван Иванович *Иванюков* (1844—1912) в бытность профессором Петровской сельскохозяйственной академии разработал курс «Политическая экономия как учение о процессе развития хозяйственных явлений» (1885), в котором указал на 4 главных географических фактора народного хозяйства (местоположение страны относительно других территорий и близость моря, распределение внутренних вод, геологическое и геогностическое строение земной коры, климат). Профессор Демидовского лицея в Ярославле Алексей Алексеевич *Исаев* (1851—1924) в своих «Началах политической экономии» (1894, 7-е изд., 1908) две главы специально посвятил зависимости народного труда от внешних природных условий и от политико-географического положения государства. Центральное внимание оба автора уделили *распределению воды и суши*, включая:

1) величину береговой линии и, следовательно, доступа к морю, относительно общих размеров государства;

- 2) впадение рек в открытое или закрытое море;
- 3) степень порожистости рек и продолжительность их замерзания;
- 4) направление рек относительно ресурсоносных местностей;
- 5) густоту населения в местностях, прорезываемых реками;
- 6) удобство сообщений между бассейнами различных рек.

Во всех указанных отношениях положение не только Российской империи в целом, но даже одной лишь Европейской России оказывается менее выгодным сравнительно с западными государствами. Огромные реки Сибири и такие большие реки, как Северная Двина, Печора, Мезень, впадая в отдалённые ледовитые моря, имеют мало значения для судоходства, притом они большей частью своего течения принадлежат местности безлюдной, с суровым климатом; судоходство по Днепру и Дону замедлено порогами; Волга — главная торговая артерия — впадает в закрытое море и покрыта льдом почти 150 дней в году, тогда как Эльба 62, а Рейн всего 26. Количество речных путей на единицу площади Европейской России меньше, чем в полуостровной Италии и примерно втрое меньше, чем в Англии, Франции и Германии. Не вполне благоприятно направление русских рек: для страны выгодно, чтобы места, изобильные хлебными и минеральными ресурсами, лежали в верховьях рек, а главные районы сбыта приходились на устья: тогда распределение товаров по стране совершается наиболее удобно с наименьшей затратой времени и дешёвизной перевозки. В России скорее наоборот: из плодородных южных губерний земледельческие продукты отправляются вверх по течению Волги; черноземная полоса и местности с обилием минерального топлива (например, Донецкий бассейн) также расположены почти у самых устьев рек; удачнее положение с транспортировкой главного груза по Днепру — древесины из лесов Белоруссии — в устьевые безлесные области (Иванюков 1891, с. 69).

В.П. Воронцов в своей поздней книге «Судьба капиталистической России» (1907) также остановился на водно-транспортных преимуществах государств Западной Европы, прилегающих к океанам и открытым морям, во внешней и внутренней торговле. Приморские страны рано начали завязывать торговые отношения с отдалёнными землями, что облегчило им захват рынков. Внутренняя же торговля развивается позднее, когда население уже вырабатывает средства преодолевать сопротивление, представляемое неустроенными грунтовыми дорогами. Россия же долгое время имела лишь сухопутные границы да выход к морям Ледовитого океана.

Приморско-торговый фактор содействовал *структурному преобразованию* западного сельского хозяйства в такую систему, при которой земледелец находит производительное применение своему труду в течение круглого года. Эта система основана на преимущественном значении *интенсивного животноводства* и подчинении его интересам зерновых севооборотов — не традиционно русского (и много веков господствовавшего и на Западе) трёхпольного, а травопольного и плодосменного. Сдвиг к разведению рогатого скота, овец и свиней предоставляет сельским хозяевам возможность приложения своего труда и летом и зимой, и поставки на рынок продуктов (мясо-молочных) и извлечения дохода в течение круглого года. Это является тем благоприятным случаем улучшения положения земледельческого населения в условиях, когда оно теряет кустарные зимние заработки вследствие уничтожения промыслов крупной обрабатывающей промышленности.

Как типические примеры преобразования во второй половине XIX в. сельского хозяйства в направлении из экстенсивного зернового в интенсивное животноводческое Воронцов выделил две страны: Германскую империю и Данию. В первой — крупной по размерам — потери, связанные с капиталистическим разъединением промыслов и земледелия, были восполнены «на базисе расширения внутреннего спроса вследствие быстрого роста индустрии» (Воронцов 1907, с. 28). Резкий подъём промышленности обусловил значительное увеличение городского населения, что привело к *изменению сравнительного спроса* на продукцию сельского хозяйства. Городские слои как более состоятельные потребляют больше сахара, вина и, главное, мясо-молочных продуктов, стимулируя спрос на них и позволяя земледельцу расширить производство животных продуктов за счет растительных, т. е. занятость в течение круглого года и даже обеспечение более высокого дохода сравнительно с культурой зерновых хлебов. Дания, напротив, — *небольшая* приморская страна, преобразовавшая своё сельское хозяйство благодаря изобилию естественных лугов и *внешним рынкам*, которые обеспечили ей: — успешный *вывоз* мясо-молочной продукции в близлежащую высокоиндустриальную Англию; с другой стороны — *ввоз* хлебопродуктов и кормов (кукуруза, жмыхи), что избавило от необходимости выращивать зерно для всего своего населения и дало дополнительные средства для развития интенсивного животноводства за счет соседей (там же, с. 30).

Таким образом, неравенство в международном капиталистическом разделении труда заключается в том, что передовые нации используют

другие государства как источник не только промышленного сырья, но и кормовых средств для интенсивного животноводства. «Чужие страны не только открывают передовым нациям арену для широкого размаха промышленного капитализма, но и ... для излечения ран, нанесенных последним земледельческому населению страны» (там же, с. 31).

Воронцов отметил, что поставки на внешний рынок зерна и кормов вроде отрубей и выжимок могут быть для страны-экспортёра и «очень выгодной коммерческой операцией» — но только в том случае, если она, владея огромными площадями неистощенных земель и применяя к возделыванию полей новейшую технику, сама получает зерно очень дешево. В таком положении оказались к началу XX в. молодые заатлантические страны — поставщики в Европу зерновых продуктов. Другое дело — когда капиталистическая страна не находит достаточно ёмкого рынка для преобразования зернового хозяйства в животноводческое, между тем как её население, лишённое подсобных промысловых доходов и вынужденное приобретать разнообразные предметы своего потребления на рынке, нуждается в деньгах. У такой нации не остается иного выхода, кроме поиска сбыта земледельческих произведений на внешних рынках. А поскольку последние охотно принимают только зерно, то за данной нацией закрепляется невыгодная роль поставщика зерновых. Хлебный экспорт Российской империи, столкнувшись с понижением цен заокеанскими странами-экспортёрами (США, Австралия), закрепил неблагоприятные тенденции в структуре сельского хозяйства с перекосом в сторону однообразия зерновых культур, истощающего почву и предопределяющего низкие урожаи.

Книга «Судьба капиталистической России» была написана более ярко и убедительно, чем «Судьбы капитализма в России», но прошла, по существу, незамеченной³¹ как напоминание об оставшейся в XIX веке позиции старого народничества. Однако век спустя взгляды Воронцова и других экономистов его поколения³² — Даниельсона, Исаева,

³¹ Ещё в биографической статье о Воронцове для Нового Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона видный экономист-аграрник начала XX в. А.А. Кауфман резонно писал, что из-за политических моментов «научные работы В.В. оказались оценёнными далеко менее, чем заслуживают» (Кауфман 1912, стб. 661).

³² К этому поколению принадлежал и основатель научного почвоведения В.В. Докучаев (1846—1903). Его капитальное исследование «Русский чернозем» вышло годом позже (1883), чем «Судьбы капитализма в России» Воронцова, ссылавшегося на «наиболее мыслящих из наших агрономов», сомневающихся в благоприятном

Иванюкова, — могут рассматриваться как недооценённый вклад в осмысление³³ исторического влияния на российские экономические институты «евразийского неудобья» — геоэкономического пространства, существенно отличного от той природной среды, что сформировала институциональные условия капитализма Западной Европы. Учёт неблагоприятных пространственно-природных условий России был предпосылкой для выводов о нецелесообразности «подражательного типа развития» (Воронцов) и поиска нестандартных решений с обобщением опыта различных тенденций эволюции капитализма, указанием на альтернативы социально-экономического реформирования (Рязанов 2003, с. 160—161).

Глава 6. Стадийный историзм и геополитическая экономия

6.1. Пространственные факторы капиталистического развития России

Марксизм властно вмешался в политическую и интеллектуальную жизнь России конца XIX века одновременно как доктрина капиталистического развития страны, как идеология борьбы за «политическую эмансипацию» и как социологическая теория прогресса. В качестве методологии *стадийного историзма* он впервые предстал в работах Николая Ивановича *Зибера* (1842—1888) «Очерки первобытной экономической культуры» (1883) и «Давид Рикардо и Карл Маркс в

значении большого отпуска русского хлеба за границу. Докучаев подчёркивал губительность для чернозема постоянного возделывания одних и тех же культур. К концу XIX в. в передовых странах Западной Европы благодаря внедрению минеральных туков завершился переход к многопольным системам, обеспечивавшим посевное разнообразие. Однако российские севообороты застыли на «выбалтывающем землю трехполье» (определение эссеиста М.А. Энгельгардта (1861—1915), сына агрохимика-практика А.Н. Энгельгардта (1832—1893), опубликовавшего в «Отечественных записках» знаменитые «Письма из деревни»).

³³ В числе результатов такого переосмысления — концепция особой природы российского социума, изложенная в известной монографии Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (1998).

их общественно-экономических исследованиях» (1885). Зибер оценивал Марксов анализ 3-х стадий развития производительных сил в 1-м томе «Капитала» (простая кооперация — мануфактура — фабрика) как «философию истории капиталистической эпохи в её целом», «так сказать, остеологию общественной науки», рассматривая не только капиталистический способ производства в целом, но и его отдельные стадии как *естественные фазы*, сменяющие одна другую «в силу необходимого и неизбежного закона внутреннего развития общества», а потому «невозможно перескочить из ремесла, помимо мануфактуры, в фабрику» (Зибер 1959, с. 385—386, 406). Зибер подверг двоякой критике концепцию «народного производства»: на основе привлечения этнографического материала, показывавшего наличие общинно-коллективного хозяйства у всех народов на ранних стадиях развития и неизбежное разложение общины под воздействием прогрессирующего разделения труда, и в анализе российских кустарных промыслов как разновидности мануфактуры, а не альтернативы капиталистическому машинному производству.

Обоснование стадияльной тождественности (и, следовательно, переходящего характера) русской кустарной промышленности с западной мануфактурной стадией, к которой крупный капитализм относится как высшая стадия общественной формации — к низшей, было продолжено в двух наиболее обширных трактатах *марксистского антинародничества* в канун XX в. — докторской диссертации М.И. Туган-Барановского «Русская фабрика» (1898) и исследовании ссыльного В.И. Ульянова-Ленина (Вл. Ильина) «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» (1899). Как уже было отмечено, эти авторы в критике народничества сочетали теоретическую проработку вопроса о капиталистическом воспроизводстве с пересмотром данных официальной и земской статистики о динамике занятости на промышленных предприятиях в России. Опровергая выводы В.В. об убывании числа фабричных рабочих с наращиванием капиталистических оборотов в стране, Туган и Ильин настаивали, что притяжение рабочих рук крупным машинным производством сопровождается неизбежным разложением семейного кустарничества как части отживающего общинного уклада. Ильин сформулировал «закон параллельного разложения мелких производителей в промышленности и в земледелии» (Ленин, т. 3, с. 546) и отметил появление в русской деревне деталей-кустарей, «виртуозов и калек разделения труда» — следствия того же процесса уродования «частичного рабочего», что был

описан в «Капитале» Маркса при анализе мануфактуры. Руководствуясь жёстким классовым критерием политэкономического исследования, Ильин уподобил расслоение кустарей на высшие и низшие разряды «высачиванию» из земледельческой массы предпринимателей-«кулаков» под воздействием проникновения товарно-денежных отношений («что такое кулак, как не кустарь с капиталом?» или «хозяйственный мужичок»³⁴). Но это разложение крестьянства на «сельскую буржуазию и сельский пролетариат» — двоякий процесс образования внутреннего рынка. Отделение одного за другим видов переработки сырья в особые отрасли промышленности расширяет спрос на средства производства, или постоянный капитал, а оставшиеся без них низшие слои вынуждены покупать на рынке средства существования, которые становятся вещественными элементами переменного капитала (Ленин, т. 3, с. 322, 341, 365).

Туган-Барановский, выясняя своеобразие стадий капиталистического развития России в «Русской фабрике», вышел на знаковую для русской общественной мысли тему оценки подготовленности и последствий реформ Петра I. В конце XIX в. наиболее значительными работами по этой проблеме были «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого» (1892) и «Очерки по истории русской культуры» (ч. I, 1896) Павла Николаевича Милюкова (1859—1943). Опираясь на выдвинутые ещё в 1860-е гг. А.П. Щаповым и А.К. Корсаком положения об оптово-промышленной элементарности экономической жизни Московской Руси, о противоположности городской и сословной истории Запада и России, Милюков делал вывод об искусственности насаждения Петром крупной промышленности. Она в «стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и покупателей» могла держаться только благодаря «продолжительному и усиленному покровительству» (Милюков 1896, с. 84). Возражая Милюкову, Туган-Барановский указал на наличие достаточно крупного торгового капитала в Московской Руси, не склонного, однако, захватывать промышленность, где царило мелкое производство (Туган-Барановский 1998, с. 80). Этот торговый капитал и явился базисом, на котором основалось крупное производство в эпоху Петра. Большинство первых фабрикантов вышли из русских купцов,

³⁴ «Мелкий буржуа своими мелкими средствами стремится отстоять в сущности те же самые классовые интересы, для защиты которых крупный фабрикант жаждет протекционизма, премий, привилегий и пр.» (Ленин, т. 3, с. 335).

капиталы которых были привлечены по государеву почину к промышленным предприятиям. Насажденные таким образом фабрики и крупные мастерские стали школами мастерства. Набираясь в них опыта, смекалистые люди с даром предпринимательства, вроде уроженца села Иванова Осипа Сокова, стали заводить у себя в селах промышленные станы. Именно в этих центрах новых производств, а не в старинных доморожденных промыслах, Туган-Барановский усматривал истоки кустарной промышленности XIX в.: «фабрики раздробились в кустарную промышленность». Но лишь до тех пор, пока основой крупной промышленности оставался ручной и крепостной труд. С возникновением машинного фабричного производства набрал силу процесс утраты кустарной продукцией конкурентоспособности относительно фабричных изделий, потери кустарями прежней промысловой самостоятельности и превращении их в наемных рабочих на дому.

Струве, увенчавший свои броские «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» (1894) фразой *«признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму»* (не менее хлесткой, чем реплика покойного Зиберы *«мужик должен вывариться в фабричном котле»*, которую вспомнил в середине 1890-х гг. Михайловский), в статье «Научная история нашей крупной промышленности» (1898) резюмировал выводы Туган-Барановского новым понятием *«децентрализованное товарное производство»*. Оно развивалось на основе не местных рынков, связывающих городское корпоративное ремесло с сельской округой, а деревенских *оптовых ремёсел*, подчиненных действующему на громадной территории торговому капиталу³⁵. Западноевропейское ремесло — искусное и специализированное — технически подготавливало капитализм, но при этом сопротивлялось ему корпоративным правом, ограничивавшим свободу предпринимательства. Децентрализованное товарное производство было технически отсталым, но зато свободным от цеховых стеснений предпринимательства и, следовательно, экономически выигрышным при приближении к капитализму. «При крепостном праве полное *laissez faire*, смягченное высоким помещичьим оброком и чиновничьими взятками» (Струве

³⁵ Концепция «децентрализованного товарного производства» Струве отчасти предвосхищает подход к генезису европейского капитализма современной новои-
нституциональной экономической истории, акцентирующей рост специализиро-
ванных навыков благодаря колонизации и развитию торговли с более отдалёнными
областями (North, Thomas 1973, p. 22—26).

1903, с. 443). Общекультурная отсталость обострила отрицательные стороны капитализма, которые сказались в России с особой остротой.

Смягчения этой остроты Струве ожидал только от дальнейшего роста русского капитализма, указывая на пример другого обширного территориально-государственного целого — США, где капитализм опирался на внушительный внутренний рынок. Струве даже утверждал, что дифференциация крестьянства на представителей сельского капитала и батрацкие элементы приближает российское сельское хозяйство к американской фермерско-хуторской системе³⁶: создание предъявляющего внутренний спрос на продукцию национальной промышленности, «экономически крепкого, приспособленного к товарному производству» деревенского слоя, интересы которого совпадают с интересами промышленной буржуазии (Струве 1894, с. 240, 253, 281). Такое видение перспектив внутреннего рынка отвечало уже не столько марксизму как доктрине необходимого перехода от «недостаточного» к «достаточному» уровню развития капитализма в России, сколько учению Ф. Листа об ассоциации национальных производительных сил. Восторгаясь доктриной Листа как «победной песнью торжествующего товарного производства, во всеуслышанье провозглашающей его культурно-историческую мощь и победоносное шествие по всем языкам» (там же, с. 123—124), Струве в полном соответствии с ней возлагал

³⁶ Струве договаривался до того, что историческая миссия капиталистической формы производства в России состоит в нивелировании разницы между долей земледельческого населения в России (80%) и в США (40%). Неправомерность такого уподобления двух стран был отмечена в переписке Энгельса и Даниельсона (Даниельсон 1967, с. 660, 663). Любопытно, что Энгельс, прочтя ещё в конце 1893 г. в берлинском «Социально-политическом листке» («Socialpolitisches Centralblatt») критиковавшую Даниельсона большую статью «некоего» Струве «Оценка капиталистического развития России», склонен был согласиться с автором относительно наличия у русского капитализма достаточного рынка для крупной промышленности, но счёл явно ложной аналогию с США относительно «лёгкости» преодоления «пагубных последствий современного капитализма». Как указал Энгельс в письме Даниельсону (попросив того, однако, не цитировать прямо эти мысли в полемике со Струве), США были основаны как изначально буржуазное общество с быстро установившимся денежным хозяйством — мелкими буржуа, сбежавшими от европейского капитализма. В России переход «к капиталистическому индустриализму» от патриархального натурального хозяйства «не может произойти без ужасной ломки общества» с огромной растратой человеческих жизней и производительных сил — ещё большей, чем это было в Западной Европе.

главные надежды на паровой транспорт (фактор «почти безграничной возможности сбыта»), подразумевая прежде всего железные дороги. С ними Струве связывал перспективы русской обрабатывающей промышленности и *внешних* рынков — по восточноазиатским границам, в Передней Азии и на Балканах — ссылаясь на строительство Транссибирской магистрали и указанную знаменитым химиком и протекционистом Менделеевым «Будущую силу, покоящуюся на берегах Донца» (каменный уголь). Зная, что Менделеев и Витте были поклонниками «национальной системы» Листа, Струве лишь под давлением своего тогдашнего друга А.Н. Потресова — которого отпугивало «совпадение с буржуазно-националистическими идеями» — вычеркнул из своей книги сочувственную ссылку на «мощный» русский протекционизм, который проповедовал Менделеев и проводил Витте (Струве 1991, с. 216—217). Для самого Струве это совпадение было существенной предпосылкой стремительного пути от «экономического материализма» и авторства первого Манифеста Российской Социал-демократической Рабочей партии к полному замещению марксизма как доктрины «классового самосознания» великодержавным экспансионизмом в разработке «экономической проблемы Великой России».

Нельзя сказать, как это иронически сделал историк общественной мысли Д.Н. Овсяннико-Куликовский, что Струве поспешно переходил «от одной немецкой теории к другой» — он отнюдь не ограничивался немецкими теориями. Он был инициатором русского издания книги профессора Кембриджского университета Р. Сили «Более великая Британия» — «евангелия английского империализма». А в некрологе-пиетете британскому министру колоний Чемберлену Струве писал о поучительности для России примера бывшего мэра промышленного Бирмингема (чью речь о тяжелом положении рабочих цитировал Маркс в 1-м томе «Капитала»), ставшего глашатаем британского империализма и в то же время творцом английской социальной реформы (включая пенсии старикам). Струве призывал интеллигенцию пропитаться «духом государственности» и не смущаться требованиями геополитической экспансии в интересах российского капитализма.

Ретроспективную характеристику своего *марксистского антинационализма* как «учения об основном тождестве русского экономического развития с западноевропейским» (Струве 1915), Струве совместил с выводом, что «империализм по существу не может не быть течением демократическим и социально-прогрессивным» (Струве 1914).

Иной была «отмарксистская» траектория другого видного критика народничества, а затем ревизиониста рубежа веков — С.Н. Булгакова. Хотя он и участвовал вместе со Струве в нашумевших сборниках «Проблемы идеализма» и «Вехи» и тоже отдал предпочтение Ф.Листу в трактовке производительных сил, обращаясь к старым разногласиям в своём курсе истории экономических учений, Булгаков признал, что «в сущности, обе стороны были по-своему правы: если рассматривать дело в исторических перспективах, то, по мере того, как натуральное хозяйство уступает меновому, развивается и создаётся внутренний рынок; начальные же стадии менового хозяйства нуждаются во внешнем рынке или искусственно создаваемом сбыте» (Булгаков 1910, с. 299). Стадиальное различие значимости внешних рынков легло в основу предложенной Булгаковым типологии капитализма с учётом пространственного фактора.

6.2. Пространственные факторы разных типов капитализма

Сергей Николаевич *Булгаков* (1872—1944), сын священника и недоучившийся семинарист, предпочтя в отрочестве «принудительному благочестию» нигилизм, специализировался по политической экономии в бытность студентом Московского университета. Включившись в полемику с народниками книгой «О рынках при капиталистическом производстве» (1897), С.Н. Булгаков затем вознамерился доказать «всеобщую приложимость закона концентрации производства и вообще тождественность эволюции промышленности и земледелия», уехав собирать материалы в Германию, где тесно общался с социал-демократами во главе с Карлом Каутским, считавшимся среди марксистов «папой ортодоксии» и главным знатоком аграрного вопроса. Его монография «Аграрный вопрос» (1899) была посвящена обоснованию «параллельности» процессов капитализации, вытесняющих мелкие формы крупными, в промышленности и в сельском хозяйстве. Каутский отметил критику подхода к концентрации производства как к универсальной тенденции, раздававшуюся, в частности из рядов Социалистической партии во Франции — стране с преобладанием мелких («парцеллярных») сельских хозяйств, ориентированных прежде всего на удовлетворение собственных потребностей, и обнаруживших устойчивость перед лицом затяжного западноевропейского аграрного кризиса 1874—1895-х годов, вызванного падением рыночных цен на хлеб от наплыва дешевой

заокеанской пшеницы и повлекшего массовое разорение крупнокапиталистических фермерских хозяйств. Напротив, Э. Бернштейн одобрил аргументы в пользу признания жизнеспособности мелкого сельского хозяйства, приведенные молодым австрийским социал-демократом Ф. Герцем в книге «Аграрные вопросы с точки зрения социализма» (1899) своим двухтомником «Капитализм и земледелие» (1900).

Сопоставление аграрной эволюции главных стран Запада с привлечением обширного круга статистических источников склонило Булгакова в сторону «аграрных ревизионистов». Он пришёл к выводу, что развитие Англии, вопреки Марксу, не составляет «нормального типа» капитализма: созданное там экстренными средствами крупное производство в земледелии было наследием средних веков и самой ранней формой крупного предприятия. Некоторое время оно шло во главе хозяйственного прогресса, «сопровождаемого, однако, самой беззащитной эксплуатацией нищенского и беззащитного населения» (Булгаков 1900, т. 2, с. 148). Насильственная экспроприация крестьянства с превращением мелкого производителя в наемного рабочего отчасти повторилась только в Пруссии в первой половине XIX в.³⁷, и крупное прусское земледелие процветало (пик 1850—60-е гг.), пока рынок индустриальной Англии и рост неземледельческого населения обеспечивали сбыт. Но этот расцвет не был связан с техническими преимуществами, и после «перелома цен» вследствие экспансии дешевого заокеанского хлеба и начала бурной индустриализации объединенной Германии, ряды крупного землевладения дрогнули. Оно стало — где относительно, а где и абсолютно — уступать место крестьянскому хозяйству; не удерживало рабочей силы, оказавшись не в состоянии обеспечить ей уровень, сопоставимый с тем, что могли дать фабричный быт городов и мелкие крестьянские хозяйства. Распространилась продажа крупных владений «взраздробь».

Таким образом, заключил Булгаков, Маркс оказался неправ в своём мнении о крестьянском хозяйстве как историческом пережитке, обреченном на вымирание и замещение крупнокапиталистическими формами земледелия. Более того — Марксом не было понято значение народонаселения (и перенаселения) «как могучего фактора социального

³⁷ Тогда при отмене крепостного права селяне в большинстве своём были либо вовсе лишены возможности выкупить наделы, либо разорены грабительскими условиями выкупа (уплатить помещику-юнкеру 25-кратную стоимость годичной ренты или уступить ему от трети до половины надела).

развития» (там же, с. 232), а аграрное перенаселение неправомерно сведено к формам проявления «всеобщего закона капиталистического накопления». Булгаков не только противопоставил Марксовой теории собственную концепцию *первоначального предкапиталистического перенаселения*, но и использовал для её обоснования взгляды двух самых одиозных для марксизма авторов — Мальтуса и Дюринга, не согласившись с уничижительной оценкой взглядов первого («буржуазно-поповская» теория бедности) и заимствовав у второго понятие «емкости населения».

Развитие капитализма, полагал Булгаков, возможно и без помощи экспроприации — «просто на развалинах натурального хозяйства, оказавшегося несостоятельным ввиду роста населения». Это не означает безболезненности — первые шаги капитализма неизбежно ознаменованы бедствиями. Источником наибольших страданий и одновременно «своего рода теплицей для крупного земледелия» является абсолютное предкапиталистическое перенаселение. Его причина — «распрявление пружины» размножения народной массы после отмены крепостного права. Будучи орудием производства своего господина, крепостной не имел свободы размножения — хозяин определял, в каком количестве это «орудие» нужно. Раскрепощение сразу увеличивает деторождение и создает, таким образом, абсолютное перенаселение, избыток рабочей силы. Там, где произошла экспроприация крестьянства типа английской, абсолютное перенаселение особенно велико, поскольку «пролетарии без всякого настоящего и будущего размножаются быстрее других классов населения вследствие безнадёжности их положения» (там же, с. 35). Избыток пролетариата, чрезмерный прилив из деревни рабочих сил с низким уровнем навыков и потребностей и без способностей к сопротивлению позволяет удерживать на минимуме заработную плату, удлинять рабочий день — рост капиталистического народного богатства происходит в антагонизме *народному благосостоянию*.

Булгаков считал это положение неизбежным для ранней стадии капитализма — господства *абсолютной прибавочной ценности*. К периоду «полного расцвета капитализма» — по мере того, как предкапиталистическое перенаселение «мало-помалу рассасывается в народнохозяйственном организме», — появляются возможности изменений к лучшему: успешное развитие рабочих организаций всякого рода (политических, хозяйственных, профессиональных), поднятие заработной платы, сокращение рабочего дня и т. д. Но если в промышленности тенденция к постепенному отмиранию самых тяжелых и грубых форм эксплуата-

ции человека человеком проявляет себя, концентрируя производство и подчиняя его общественному контролю, то в земледелии, по мнению Булгакова, на крупное предприятие наступает крепкое крестьянское хозяйство. «И в добрый час! Цивилизация только выиграет, если исчезнут эти свитые крепостным правом и до сих пор напоенные его ядом гнезда, благополучие которых основано на невежестве, бесправности и нищете рабочих масс» (там же, с. 231).

Булгаков дезавуирует выводы автора «Капитала», что промышленный прогресс в земледелии, связанный с применением машинной техники³⁸ и агрохимии, «уничтожает оплот старого общества, крестьянина». Русский политэконом приходит к выводу, что крестьянское хозяйство не только имеет особую природу, но и более, чем любая другая форма, отвечает интересам общества: оно не претендует даже на среднюю прибыль и довольствуется тем, что развитие неземледельческой сферы облегчает крестьянам доступ к благам цивилизации. Однако, рассматривая судьбы крестьянского хозяйства в контексте истории европейского капитализма, Булгаков вынужден признать, что насильственное лишение мелких производителей земли «с сопровождающим его горем, нуждой и бедствиями» оказалось необходимым условием «создания теперешней цивилизации», «перехода к высшей форме производства». Франция благодаря Великой революции не знала позора экспроприации мелких сельских хозяев. Революционное и послереволюционное аграрное законодательство позволило стране, распространив мелкую земельную собственность, избежать массовой пролетаризации населения, а заодно и покончить в XIX в. с теми голодовками, которыми отмечено XVIII столетие. Но именно в отсутствии массового обезземеления и замедленной пролетаризации Булгаков видел «корни теперешнего экономического угнетения Франции» — её отставания не только от Англии, но и от Германии.

Эти выводы о «цене прогресса», о том, что «великие перемены в хозяйственной жизни народов делаются под давлением жестокой необходимости, а не свободного выбора», отяготили Булгакова. Удручённый тем, что «история не знает справедливости», он ощутил себя «потерявшим почву» и пережил душевный надлом. Получив за свое

³⁸ Замечание Булгакова о «столь распространенном, особенно в марксистской литературе, предрассудке, согласно которому нужно видеть прогресс во всякой машине», вызвало особое возмущение В. Ульянова-Ленина, обрушившегося на ревизионизм в цикле статей «Аграрный вопрос и критики Маркса» (1901).

исследование эволюции капитализма в земледелии возможность занять должность профессора политэкономии в Киевском университете (1901). Булгаков поспешил перейти к разрыву с материалистическим пониманием истории как самой яркой разновидностью *теории прогресса* — «основной веры XIX века». Критическая статья С.Н. Булгакова «Основные проблемы теории прогресса» открыла знаменитый сборник статей «Проблемы идеализма» (1902). Написанный им в 1906 г. для серии «Религиозно-общественная библиотека» «Краткий очерк политической экономии» отразил не только переход Булгаков «от марксизма к идеализму», но и сближение с позициями раскритикованного народничества. Булгаков не отказался от прежних позиций, что в 1890-е гг. капитализму не было альтернативы, кроме отсталости, и вновь подчеркнул угнетающе тяжёлое положение «пасынков капитализма» — кустарей. Однако Булгаков не только не отрицал климатического фактора живучести кустарничества, но и по существу стал повторять программу «народного производства» в призывах к «воздействию интеллигентных сил» (помощь в кредите и устройстве складов и магазинов) на «соединение промыслов с земледелием» в будущем хозяйственном строе России (Булгаков 1906, с. 79—81). По существу народнические оценки воспроизводились и в характеристике безвыходного круга, созданной бюрократической политикой для русского хозяйства: «Постройкой железных дорог создаётся рынок для металлургической промышленности, которая развращается казёнными заказами, приучается к жирным пирогам и совершенно не интересуется народным рынком. А деревня — без лишнего гвоздя, остаётся соломенная и деревянная» (там же, с. 128).

Решительно возражая против того, чтобы выкраивать, «как это с особенной охотой делалось в русской литературе», «закон движения» капитализма из опыта одной страны — Англии, Булгаков сделал вывод, что Англия представляет собой тип развития промышленности, более не повторившийся: страна с островным положением, верховенством на морях, ранним выступлением на капиталистическом поприще, «односторонним развитием экспортирующей индустрии за счёт земледелия» и доминирующей ролью в мировой торговле и денежном обороте. Крупнейшие страны материковой Западной Европы — Германия и Франции — уже другой тип, с гораздо более значительной ролью внутреннего рынка. Наконец, резко отличается «колониальный», или переселенческий тип развития капитализма в США. с наличием большого массива свободных земель. Там — не перенаселённость,

а недостаточная населённость и недостаток рабочих рук; поэтому, с одной стороны, изначально установилась высокая заработная плата, с другой стороны, население, приносимое прибоем иммиграции из Старого Света, имело широкие возможности для заведения собственного хозяйства; и «единственным способом получить труд для крупного производства было так или иначе закабалить рабочего или же прямо обратить его в рабство», для чего нашёлся контингент в лице негров (там же, с. 115). Правда, по мере заселения и исчерпания фонда свободных земель американские рабочие столкнулись с угрозой достигнутому ими уровню благосостояния и проявили себя как поборники законов, почти исключających иммиграцию китайцев и ограничивающих иммиграцию европейцев (там же, с. 116).

Типология С.Н. Булгакова охватила лишь самые крупные передовые промышленные страны, да и то лишь в самых общих чертах, но она обозначала выход российского политэкономического дискурса за пределы сосредоточенности на соответствии/несоответствии стадияльных закономерностей западного капитализма национальным особенностям развития. Этому повороту способствовали два процесса в рамках отечественной экономической науки, отражавшие мирохозяйственные изменения в начале XX в.: обособление в самостоятельную дисциплину экономической географии и выделение русскими последователями германской «новой исторической школы» стадии *мирового хозяйства* как следующей за стадиями домашнего, городского и народного хозяйства.

Первая в российской политэкономии монография «Мировое хозяйство» (1910) была написана А.А. Исаевым и дополняла его известный курс «Начала политической экономии», где уже было проведено различие между народным хозяйством и общественным хозяйством, охватывающим международные экономические отношения. В их числе Исаев в новой книге выделил: 1) трудовую и колониальную *миграцию*; 2) *специализацию в мировой торговле* и рост зависимости густонаселённых западноевропейских стран от импорта сырья; 3) соперничество на мировом рынке, где становится «общим законом» всё большее значение вывоза машин и других «товаров, для которых нужен труд наиболее искусных работников»; 4) стремительное возрастание к началу XX в. *экспорта капитала* в различных формах, в том числе из сравнительно отсталых и небогатых стран — России, Австро-Венгрии, Италии и даже Чили. В отличие от Булгакова Исаев не ограничился западными странами-лидерами, весьма оптимистично оценив, в частно-

сти, перспективы промышленного прогресса Японии³⁹, поставил важный вопрос о шансах «многостороннего развития» культурных стран, небольших по территории или (и) не имеющих достаточных минеральных ресурсов. Особое внимание Исаев обратил на Италию, которую отсутствие минерального топлива лишает тех «главных устоев современной промышленности», что обусловили превосходство Англии, США, Германии, Бельгии. Однако это не может помешать Италии (то же касается скандинавских стран и Швейцарии), во-первых, развивать обрабатывающую промышленность, «особенно в тех отраслях, где нужен изящный вкус», во-вторых, «направить свою предприимчивость на службу путешественникам» (там же, с. 290—291). «Своеобразные особенности территории народа и памятники его исторической жизни» являются «фондом, который может пополнять пробелы его естественных богатств» (там же, с. 292).

Исаев предугадал грядущий рост туризма и его влияние на сдвиг занятости в сферу услуг: «к концу 20 века рост благосостояния и любознательности значительно увеличит число людей, которые будут иметь досуг и имущественные средства, дабы ежегодно проводить несколько времени вдали от постоянного местожительства. А это вызовет спрос на гораздо большую массу труда в тех отраслях, которые работают специально для путешественников» (там же, с. 291).

Исаев верно оценил тенденцию высокоразвитой и густонаселённой Западной Европы к демографическому переходу: «вследствие уменьшения рождаемости и усиления эмиграции население достигнет почти неподвижного состояния» (там же, с. 481). Вместе с тем Исаев проявил поразительную близорукость в оценке ближайших перспектив влияния милитаризма на мировое хозяйство. Отметив многовековые насилия колонизаторов над туземцами, он склонился к признанию культуртрегерской миссии за северо-западным империализмом, а военные столкновения между великими державами в конце XIX — начале XX вв., оценил положительно. Он полагал, что уровень экономического развития Франции к 1900 г. не был бы выше в отсутствие катастрофического поражения от Пруссии: «убаюканные престижем, который приобрело их отечество при Наполеоне III, французы меньше бы напрягали свои силы, чем то было после и под влиянием несчастной войны» (там же,

³⁹ Правда, в промышленном росте тогдашней Японии была уловка дешёвизны при низком качестве — «производства плохой имитации» фабричных товаров, будь то шелковые ткани, велосипед или простые спички (Исаев 1910, с. 386).

с. 19). Тогда как Германия без военной победы явно не подняла бы столь быстро многие отрасли производства на тот высокий технический уровень, который сделал их образцовыми для всего мира. Последствия испано-американской войны Исаев считал благотворными не только для победителей (США) но и для бывших испанских колоний в Тихом океане (Филиппины) и Карибском бассейне (Куба и Пуэрто-Рико), но и для самой Испании, где после поражения началось «как бы экономическое обновление» с развитием образования, сооружением железных дорог и ростом внешнеторговых оборотов (там же, с. 20–21). Наконец, и «русско-японской войне следует дать такую же оценку» (!), хотя она и сопровождалась огромными потерями, а выиграла от неё только Япония. Зато выиграла много — не за счёт захватов, а за счёт полученной репутации «седьмой великой державы», обеспечившей миллионные притоки европейского капитала (там же, с. 21–22).

Исаев явно не предполагал, что политика захвата колоний и территориальных войн между великими державами приведёт к столь опустошительной мировой войне с последующей дезинтеграцией мирового хозяйства. Старейшему профессору довелось увидеть последствия этой войны, но её влияние на мировое хозяйство анализировали уже политэкономы других поколений и взглядов, разработавшие экономические концепции с глобальным охватом, исходя из опыта империализма начала XX века, мировой войны и Великой русской революции. Анализу этих концепций будет посвящена вторая часть настоящей работы.

Часть 2. ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В

Глава 1. Геополитическая экономия империализма

Со времени «Коммунистического манифеста» идеологи-марксисты считали необходимым базировать практику политического действия на *глобальном* видении экономического развития, а точнее — мирового рынка. Системообразующее значение «торговой войны европейских наций, ареной для которой служил весь земной шар» (Маркс, Энгельс, т. 23, с. 694) были подчеркнуты К. Марксом в его анализе первоначального накопления капитала. Подчеркивая неотделимость создания «класса праздных ратье», «биржевой игры и современной банократии» от истории колониальной системы, Маркс, однако, не осуществил своего намерения разработать *специальное учение о мировом рынке*⁴⁰. В начале XX в. эту задачу взяли на себя германские и русские социал-демократы, обосновав категорию *финансового капитала* как унификации капитала банковского, промышленного и торгового с охватом аспектов:

— структурно-отраслевого — опережающий рост «тяжелых индустрий» с длительными сроками обновления основного капитала;

— организационно-институционального: с одной стороны — превращение акционерных обществ в основную организационную форму промышленных предприятий, утверждение картелей, синдикатов, трестов; с другой — изменение отношения класса капиталистов к государственной власти и торговой политике; новый протекционизм;

— ресурсно-мобилизационного — стремление к обеспечению монополии на природные ресурсы, патенты и средства транспорта, к господству над сухопутными и водными путями сообщения;

⁴⁰ В письме к Энгельсу в октябре 1858 г. (в период восходящего в общеевропейском масштабе фритредерства) Маркс писал, что «действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка ...и производства, покоящегося на базисе этого рынка. Поскольку земля кругла, то, по-видимому, с колонизацией Калифорнии и Австралии и открытием дверей Китая и Японии процесс этот завершен» (Маркс, Энгельс, т. 12, с. 295).

— военно-политического — империалистическая экспансия, захват колоний, милитаризм и маринизм.

Трактат ведущего теоретика-экономиста германской и австрийской социал-демократии Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910) был переведен на русский язык в 1912 г. видным большевиком Иваном *Степановым-Скворцовым* (1870—1928). Незадолго перед этим Степанов-Скворцов осуществил вместе с В. Базаровым новый русский перевод всех трех томов «Капитала» К. Маркса (1907—1909) и вместе с А. Богдановым приступил к созданию марксистского курса политической экономии в широком смысле (1-й т., 1910). Вскоре он выступил в партийном журнале «Просвещение» с самостоятельной работой «Империализм. Общетеоретическое истолкование» (1913), уделив основное внимание втягиванию финансовым капиталом в орбиту мирового рынка экономически отсталых стран с недавно ещё натуральным хозяйством; новым территориальным захватам и разделам, сложению и распаду новых группировок держав. Степанов-Скворцов соглашался с Гильфердингом в том, что финансовый капитал «хочет не свободы, а господства», преследует цель создания возможно более обширной хозяйственной территории, огражденной от иностранной конкуренции таможенными заслонами и эксплуатируемой национальными монополистическими союзами; одновременно в обход протекционистских барьеров усиленно развивается *экспорт капитала* — вывоз стоимости, предназначенной производить за границей прибавочную стоимость. Новая фаза капитализма характеризуется нарастающей быстротой противоречий: как внешних — между национальными группами буржуазии в их стремлении к новым и новым «исправлениям» сложившихся границ, так и внутренних — классовых (Скворцов-Степанов 1931, с. 287).

Более систематичное исследование «империализма как интегрального элемента финансового капитализма» было осуществлено с началом мировой войны молодым сотрудником журнала «Просвещение» Николаем *Бухариным* (1888—1938). Бухарин, слушавший лекции по политэкономии в Венском университете, быстро выдвинулся как экономист-теоретик и «любимец» партии большевиков. В книге «Мировое хозяйство и империализм» (1915) он сконцентрировал внимание на глобальном противоречии между процессами интернационализации и национализации капитала. С одной стороны — «великое переселение капиталов», международная миграция рабочей силы, образование интернациональных картелей и интернациональных трестов. С другой

стороны — «замыкание национальных тел» в «государственно-капиталистические тресты», связанность монопольных организаций с государством и его границами, обеспечение сверхприбылей за счет вращения винта охранительных пошлин. Финансовый капитал проникает во все поры мирового хозяйства, но при этом сталкиваются интересы национальных групп, и великие державы «взапуски» устремились нахватать максимум рынков. С 70—80-х гг. территориальные приобретения пошли лихорадочным темпом, так что почти весь мир оказался поделенным между хозяйствами великодержавных наций; но тем острее стала всё чаще подкрепляемая силой военного кулака борьба за сферы вложения капитала. По аналогии с категориями вертикальной и горизонтальной концентрации производства Бухарин вводил понятия *вертикальной* и *горизонтальной аннексии*: включения в метрополию хозяйственно-дополняющей единицы (захват Англией аграрного Египта в 1870-е гг.) и поглощения более мощной и крупной хозяйственной единицей себе подобной (захват Германией Бельгии в начале мировой войны). Предисловие к книге Н. Бухарина написал В. Ульянов-Ленин, отметивший, что «владыкой мира стал финансовый капитал, который особенно подвижен и гибок, особенно переплетен внутри страны и интернационально... особенно легко концентрируется» (Ленин, т. 27, с. 95). При этом усиливается неравномерность роста различных частей всемирного хозяйства, что ведет к новым противоречиям, разрешаемым силой оружия. Обсуждая проблему империализма как предпосылки международной социальной революции, Ульянов-Ленин и Бухарин сошлись на том, что мировая война стала следствием расширенного воспроизводства капиталистической конкуренции в мировых масштабах, нагнетающей усиленный антагонизм и одновременно толкающей массы к борьбе «за экспроприацию буржуазии».

Формулируя собственную концепцию империализма как «чего-то переходного» — «от полной свободы конкуренции к полному обобществлению» — В. Ульянов-Ленин выдвинул далее тезис о том, что война превратила капитализм в «высшую планомерную форму его — государственно-монополистический капитализм» и тем самым «необычайно приблизила человечество к социализму». Среди «материальных предпосылок социализма» глава большевиков отметил возможность «произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) в данной стране, и даже в ряде стран, во всем мире», а также распространение стандартизации труда

в форме тейлоризма⁴¹. Отсюда — «шаг к регулированию экономической жизни в целом, по известному общему плану», шаг *политический* — установление революционной «диктатуры пролетариата», обращающей «на пользу всего народа» государственно-капиталистическую монополию: систематическая организация перевозок сырья, необходимого для десятков миллионов человек, в наиболее удобные пункты производства, отдаленные один от другого иногда на сотни и тысячи верст; распоряжение из одного центра всеми стадиями последовательной обработки материала для получения целой серии разновидностей готовых продуктов; распределение этих продуктов между десятками и сотнями миллионов потребителей — всё «на основании точного учета массовых данных».

В атмосфере мировой войны и ожидания «революции в России для пролетарской революции на Западе и одновременно с ней»⁴² была написана книга В. Ульянова-Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» (1917), после Октябрьского переворота и создания III Интернационала канонизированная советской политэкономией и мировым коммунистическим движением. Автор наиболее известного современного западного курса истории экономических учений М. Блауг отмечает трудность в отделении Маркса от «ленинизированного его образа» (Блауг 1995, с. 207). Однако, почётному профессору Лондонского университета не пришло в голову, что с «ленинизированным образом» может не совпадать не только классический западный, но и *российский* марксизм. Касаясь теории империализма, Блауг обрушивается на «заплесневелый ленинский миф», будто колонии жизненно необходимы развитым капиталистическим странам; указывает, что Япония, Германия и Нидерланды достигли высоких темпов роста тогда, когда были лишены колоний, а «доход вообще выше там, где развиты базовые отрасли, транспорт и энергетика, а не в развивающихся

⁴¹ «Прекрасный образец технического прогресса при капитализме к социализму» был найден В.Ульяновым в изложении виднейшим тейлористом Фрэнком Джилбретом «хроноциклографического» метода рационализации трудовых движений (Ленин, т. 28, с. 134).

⁴² Бухарин полагал, что революция должна разбить национально-государственные границы в Европе, причём задача включения революционной России в будущую «общеевропейскую социалистическую систему» облегчается тем обстоятельством, что очень развитая крупная синдицированная индустрия России развилась на основе иностранных инвестиций и организационно связана через западноевропейские банки (Бухарин 1994, с. 168).

странах. В отсутствие развитой инфраструктуры — автомобильных и железных дорог, гаваней, доков, плотин и энергетических установок — потенциально высокую прибыль в бедных странах получить невозможно. Ленин рассуждал так, будто инфраструктура, которую он называл «естественные условия для промышленного развития», в отсталых странах уже существовала. Но в тех случаях, когда это действительно было так, например, в Канаде и Аргентине, эти страны недолго оставались слаборазвитыми» (Блауг 1995, с. 241).

Пример с Аргентиной, отсталость России относительно которой отмечал первый в России идеолог «либерального империализма» П. Струве, явно неудачен: эта южноамериканская страна, открытая для мирового рынка английским финансовым капиталом, «недолго» оставалась слаборазвитой по меркам XIX в., но развитой не стала по критериям XX в. Что же касается упреков Блауга в упущении инфраструктурного аспекта и отождествлении экономического процветания с наличием колоний, то они если и приложимы к книге В. Ульянова-Ленина (написанной как популярная и агитационно заостренная брошюра), то не к экономическим выводам российских марксистов в целом. И. Степанов-Скворцов отмечал, что всякую вновь захваченную страну капитал прежде всего опутывает, как щупальцами, железнодорожными линиями, которые должны или ускорить разложение её предкапиталистического, натурально-хозяйственного строя (дороги коммерческого назначения), или закрепить её подчинение и «замирение» (дороги стратегического назначения). И, разумеется, фритредеры старого стиля совершенно правы, когда они доказывают, что ни одно государство не получает от своих колоний того, что оно затрачивает на них. Они только не видят, что дефициты государственного хозяйства как раз и превращаются в высокие прибыли картелированной тяжелой промышленности (Скворцов-Степанов 1931, с. 275).

Специально остановился на критике упрощенного взгляда «колонии — источник обогащения метрополии» М. Павлович — автор наибольшего числа работ по теории империализма и первого советского учебного курса «Империализм» (1918). Франция, в которой Павлович прожил свыше 10 лет, была приведена им как пример метрополии, индустриальное развитие которой тормозилось именно затратами на удержание колоний. Президенты и министры Третьей Республики лишь с помощью дутых цифр и фальсифицированных данных могли доказывать якобы великую роль колоний для французской промышленности: отдаленные от Франции азиатские и африканские колонии вроде Индокитая

и острова Мадагаскар поглощали деньги, но не имели значения ни как источники сырья, ни как рынки сбыта; Франция выиграла бы, если бы освободилась от таких колоний и вместо них вложила бы капиталы в устройство портов, углубление старых внутренних каналов и сооружение новых — подобно тому, как это сделала Германия сооружением Кильского канала. Нарастившая колониальную империю, Франция проигрывала другим промышленным державам в развитии внутренних путей сообщения, хотя существовала техническая возможность превращения Парижа в морской порт — реализации мечты Джона Ло и Наполеона Бонапарта.

Михаил Павлович Вельтман (1871—1927), взявший псевдоним *«М. Павлович»*, в начале XX в. сотрудничал в газете «Искра», а в 1905—1907 гг. как эсдек-меньшевик участвовал в революционных событиях в Петербурге. Во французской эмиграции сблизился с деятелями национально-революционного движения азиатских стран (Ирана, Турции, Индии, Китая), был приглашён А.А. Богдановым и А.В. Луначарским в качестве лектора по национальному вопросу в социал-демократическую школу в Болонье (1911). В своей первой большой книге «Великие железнодорожные и морские пути будущего» (1913) Павлович осветил империалистическую «рельсовую политику» западных держав, толкающую к мировой войне⁴³. По возвращении в Россию осенью 1917 г. Павлович вступил в партию большевиков; после Октябрьского переворота был приглашён в Наркомат иностранных дел, в 1918 г. был инициатором создания и руководителем Комитета государственных сооружений и общественных работ; позднее — одним из организаторов съезда трудящихся Востока в Баку (1920) и первым ректором Московского института востоковедения (1921—1927). Основная часть его экономических работ и публицистики вошла в собрание сочинений под общим заглавием «Империализм и мировая политика конца XIX и первой четверти XX века» (9 тт., 1925—27). М. Павлович не мог использовать появившуюся лишь в середине XX в. — а в наше время ставшую ключевой⁴⁴ для метатеорий общественного развития — категорию «инфра-

⁴³ В рецензии в русской печати на эту книгу, полную «шумной энергией мирового процесса», Луначарский с присущей ему цветистостью писал о предмете исследования: «Эти гигантские персонажи нашей эпохи разыгрывают на мировой сцене хитросплетённую комедию, готовую ежеминутно обратиться в трагедию» (Луначарский 1914, с. 121).

⁴⁴ Пример — историко-инфраструктурный анализ глобальных трансформаций (Хелд и др. 2004, с. 68—72, 109—111, 206—207, 250—252, 403—408) и т. д.

структура», в его концепции империализма акцентирован именно тот инфраструктурный аспект, на котором останавливается в своей весьма поверхностной критике марксистской теории империализма М. Блауг. Инфраструктурные приоритеты властно сказываются и в современных *постиндустриальных* и геοэкономических концепциях. Ведущий теоретик постиндустриального общества Д. Белл, в обновлённой версии своей концепции обративший внимание на «столкновение геополитики и геοэкономики» в современном мире, предложил классификацию *3 главных типов инфраструктуры*, связывающей общество:

— 1-я инфраструктура — транспортная — реки, дороги, каналы, железные дороги, автострады, авиалинии;

— 2-я инфраструктура — энергетическая: электростанции, линии электропередач, нефте- и газопроводы;

— 3-я инфраструктура — коммуникационная: почта, телеграф, телефон, радио, а «сегодня — целый арсенал новых технологий, от микроволн до спутников» (Белл 1999, с. ХСIII, ХСVIII, СХVII). Создание *третьей инфраструктуры* Белл считает главной в техническом смысле проблемой постиндустриального общества: с резким увеличением числа компьютеров и информационных терминалов на первое место в экономической и социальной политике выходит проблема соединения воедино различных средств и путей передачи информации.

В условиях современного геοэкономического универсума с *третьей инфраструктурой* теснейшим образом связана спекулятивная, фантомная постэкономика квази-Севера, извлекающая прибыль из неравновесности мировой среды, но в ней же обретающая особую, турбулентную устойчивость («турбокапитализм», по терминологии Э. Люттвака). Как отмечает А.И. Неклесса, преимущества комплексной инфраструктурной среды обеспечивают, несмотря на сравнительно высокие издержки производства, притягательность североатлантического ареала его для мировых финансовых потоков, создающих гораздо более выгодные условия для крупномасштабной экономической деятельности (Неклесса 2001).

Ключевое противоречие современного этапа — разрыв между возросшими потоками обращения ключевых ресурсов и проводящими возможностями локальных, региональных и глобальных инфраструктур. Различие участия развитых и отсталых стран и регионов в геοэкономических обменах заключается в том, что в потоках, генерируемых первыми, преобладает виртуальная составляющая, а вторые за участие в этих обменах вынуждены расплачиваться реальными вещами, в ко-

торых доминирует природно-естественная составляющая. В неэквивалентном геоэкономическом обмене «рента отсталости» выражается в утечке из страны валютных запасов и угрозе расставания с природными ценностями: населением (как правило, лучшей, наиболее мобильной, квалифицированной его частью) и территорией (Щедровицкий 2003). Э.Г. Кочетов указывает на новые противоречия, порождаемые «наслоением» инфраструктур в кругообороте интернационализации воспроизводства (Кочетов 1999, с. 20). Критики Кочетова за сведение геоэкономики к разработке основ национальной внешнеэкономической стратегии «без должной опоры на территорию», отмечают конституирующую роль ключевых инфраструктурных систем — транспорта, энергетики, связи — в геоэкономическом пространстве (Гладкий, Никитина, Маруненко 2002, с. 6). При этом они ссылаются на А. Смита, Ф. Броделя, известного советского экономико-географа Э.Б. Алаева и американца И. Такера (1886—1982), анализировавшего ещё в 1920 г. связь между нововведениями на транспорте и восхождением империй. Однако, не упоминают ни Ф. Листа, обосновавшего приоритетную роль развития транспорта в системе «воспитательного протекционизма», ни М. Павловича, показавшего ключевое для империалистической стадии капитализма глобальное значение мировых транспортных магистралей индустриального типа — железных дорог и паромных сообщений — и борьбы за них между великими державами.

Глобальную борьбу за инфраструктуру и подстёгивание гонки вооружений Павлович исследовал как двустороннее последствие *структурных* изменений в промышленности к началу XX в. — перемещения центра тяжести в металлургическую индустрию с опережающим ростом постоянного капитала, расходов на машины, станки, инструменты, здания из железа и стали. Металлоиндустрия, с одной стороны, более других отраслей приспособлена к картелированию и синдицированию, с другой стороны — самым тесным образом связана с военной промышленностью. Военщина и «металлургическая олигархия» обоюдно заинтересованы: технический прогресс в металлургии — во многом функция прогресса военного дела. В борьбе между атакой и обороной противники обращались за оружием именно к металлургии; история её полувекового развития заполнена борьбой между непробиваемой броней и всепоглощающим снарядам (Павлович 1925, с. 21). Один год войны дает металлопромышленности больше заказов и, следовательно, доходов, чем многие годы мирного периода. Поэтому Павлович счёл возможным определить империализм как политику «синдицированной

металлургической промышленности»: непрерывное увеличение расходов на военно-сухопутные и морские силы, на создание новых армейских корпусов и сооружение новых сухопутных и береговых крепостей, новых эскадр и т. д. Но с интересами металлургии напрямую связано также развитие железных дорог и пароходостроения, а от процветания всех трёх перечисленных отраслей прямо зависит и каменноугольная промышленность.

Итогом стало отступление фритредерской текстильной Англии Манчестера перед империалистической Англией Бирмингема — центра металлургии и родины глашатаев великобританского империализма: министра колоний Чемберлена и основателя компании «Де Бирс» Родса. Именно Чемберлен и Родс вынашивали замысел железнодорожного пути через Африку, который бы прорезал всю восточную половину черного континента и соединил оккупированный англичанами после захвата Суэцкого канала (1873) Египет с захваченной после войны с бурами (1899-1902) алмазно-золотоносной площадью Трансвааля и Оранжевой реки. Грандиозный проект «двух К» (Каир—Кейптаун) гарантировал металлургической олигархии Англии многомиллионные заказы.

То же самое обещал олигархам Германии, обогнавшей Англию и всю Европу в развитии тяжелых индустрий, железнодорожный проект трёх В (Berlin—Byzantium—Baghdad) — железной дороги длиной около 4500 км через Восточную Европу и Османскую империю до Персидского залива.

Это был вызов контролируемому Англией морскому транзитному маршруту через Суэцкий канал. Объявление на рубеже XIX—XX вв. о получении подконтрольным германским банкирам «Оттоманским Имперским Обществом Багдадской железной дороги» концессии на строительство магистрали, которая должна была пройти тем же путем, каким шел Александр Македонский (!), вызвало «колоссальный по своему историческому значению сдвиг владычицы морей Великобритании в сторону России и Франции, ее вчерашних врагов» (Павлович 1925, с. 39). В результате было достигнуто «сердечное соглашение» (Антанта) между тремя величайшими империями Старого Света, а крупнейший российский политик Витте объявил о потере смысла российско-английского противостояния в «индо-персидском коридоре» перед лицом угрожающей немецкой похвальбы о «мече, направленном в Индию». Ещё в 1901 г. в статье «По поводу участия России в предприятии Багдадской железной дороги» знаменитый министр финансов

доказывал, что германское начинание в корне противоречит интересам России, претендующей на кратчайший и естественный путь из Европы в Индию и на Дальний Восток через сооружаемые магистрали Челябинск-Владивосток (Транссиб) и Оренбург-Ташкент—Кушка. Кроме того, постройка Багдадской линии открывала бы доступ в Европу анатолийскому зерну, создав дополнительную конкуренцию русскому хлебу. Витте выступил с идеей противовеса Багдадской дороге в виде более короткого транзитного индоевропейского пути через Россию — от Кушки через Афганистан (Герат). Планы Витте не были реализованы, но Англия и Россия перед лицом амбициозного германского рельсового проекта приняли военно-союзнические обязательства, и окончательно договорились о разделе Ирана на сферы влияния⁴⁵. После мировой войны М.П. Павлович сделал правильный вывод, что в то время как XIX столетие было веком паровой машины и твердого угля, XX столетие становится веком двигателей внутреннего сгорания и нефти. Однако, отмечая, возрастающее значение вопроса о нефти в политике мировых держав и всякого рода международной закулисе, Павлович ошибочно считал, что не только над каменным, но и над жидким (нефть), а также белым (электроэнергия) углём при дальнейшем развитии капитализма будет господствовать металлопромышленность.

Глобальная по охвату концепция М.Павловича исторически была ограничена рамками *первой инфраструктуры*. С решающим в то время элементом второй инфраструктуры — электростанциями и линиями электропередач — марксисты связывали технико-экономическое обеспечение плановой экономики (подробно об этом: Гловели 2005). Характерно, что популярный политэкономический комментарий к знаменитому плану ГОЭЛРО написал не кто иной, как И. Степанов-Скворцов (Степанов 1922). Н. Бухарин, развёртывая понятие мирового хозяйства, смог оценить значение для глобального капитализма и *третьей инфраструктуры*, указав на выравнивание благодаря новой телеграфной технике связи регистрируемых биржами цен на товары и ценные бумаги (Бухарин 1915). Это было сказано применительно к глобальному капитализму *начала XX в.*; применительно к глобальному капитализму *конца XX в.* роль *новейшей* техники связи, новых эле-

⁴⁵ К 1913 г. весь север и северо-запад Персии сориентирован на Россию, а «гордость и слава новой экономической политики, перебросившей взор за барьер территориального расширения государства и направившей отечественную промышленность на внешние рынки» (Остапенко 1913, с. 78).

ментов третьей инфраструктуры — телекоммуникаций — стала уже общим местом (Сорос 1998).

Инфраструктурно-геоэкономические нюансы, отмеченные М.П. Павловичем, И.И. Степановым-Скворцовым и Н.И. Бухариным, не были эксплицированы в дальнейшей разработке теории империализма в СССР. Сами перечисленные политэкономы, став видными советскими функционерами, вошли в идеологическую тень В.И. Ульянова-Ленина, разделяя его убеждение в том, что империализм — *последняя* стадия капитализма и *переходная фаза* мирового хозяйства — переходная к мировой социалистической системе. Жёсткие и выдвинутые сомкнутым строем формулировки Ульянова-Ленина о 3 фатальных особенностях (монополистический, паразитический и загнивающий, умирающий) и 5 признаках империализма в 1920-е гг. стали не только хрестоматийными, но и каноническими; любые поправки отменялись. На исходе 1920-х гг. Н. Бухарин, настаивавший на VI Конгрессе Коминтерна (лето 1929), что ближайших потрясений следует ожидать не от классовых революционных конфликтов, а от внешних империалистических противоречий, был обвинён в защите «теории организованного капитализма» и «смазывании» противоречий внутри капиталистических стран и смещен с руководящих позиций в Исполкоме Коминтерна и Политбюро ЦК ВКП(б) за «правый уклон» (см. Коэн 1986, с. 303). После этого появилась программная партийная формулировка об *общем кризисе капитализма*, довлевшая над советской политической экономией вплоть до конца 1980-х и сводившая главное проявление «общего кризиса капитализма» к «расколу мирового хозяйства на страны капитализма и страны борющегося социализма».

Опора доктрины «общего кризиса капитализма» на формулировки В. Ульянова-Ленина привела к отождествлению марксистских теорий империализма с ленинской теорией «кануна социалистической революции». Как было показано выше, такое представление является упрощённым, и даже работы «большевиков-ленинцев» содержат положения, выходящие за рамки ленинской теории империализма и сохраняющие эвристический интерес для геоэкономических моделей. В ещё большей степени это касается концепций самого масштабного марксистского теоретика в России — А.А. Богданова. Разошедшийся с ленинизмом и отклязавшийся от положения в группе партийных «вождей», Богданов оценивал империализм начала XX в. как переходную фазу, но не к социализму, а к стадии национально-государственного капитализма с выработкой форм централизованного регулирования национальной экономики и изменением властной структуры господствующего класса.

Глава 2. А.А. Богданов: тектологическая концепция мирового хозяйства и национально-государственного капитализма

Александр Александрович *Богданов*-Малиновский (1873—1928) выдвинулся как идеолог-марксист благодаря громкому успеху своей первой книги — «Краткого курса экономической науки» (1897). Популярное руководство, выйдя из занятий в рабочих кружках Тулы, попало в самую точку запроса на сжатое изложение марксистского мировоззрения; вскоре последовало второе издание (1899), а в первой четверти XX в. «Краткий курс экономической науки» стал самым массовым экономическим учебником в России (3-е изд., 1902; 7-е изд., 1906; 10-е изд., 1920; 15-е изд., 1924).

А.А. Богданов
(1873—1928)

Парадоксально, но ни одна из многочисленных последующих, в том числе гораздо более оригинальных и основательных — включая совместный с И. Степановым «Курс политической экономии» (1-й т., 1910; 2-й т. вып. 1, 2, 4; 1918—1919) — книг А. Богданова не снискала такого признания. Во многом этот парадокс объясняется острым идейно-политическим конфликтом А. Богданова с В. Ульяновым-Лениным, добившимся отлучения от РСДРП (б) бывшего ближайшего соратника как

«махиста-ревизиониста». В 1898 г. В. Ульянов в журнальной рецензии высоко оценил «Краткий курс экономической науки» и даже отказался от намерения писать собственный учебник, поскольку «трудно конкурировать с Богдановым». Последовавший за партийным «блоком» 1904—1908 гг. раскол с Богдановым в 1908—1910 гг. предопределил враждебно-предвзятую оценку Ульяновым-Лениным капитальных трудов Богданова «Эмпириомонизм» (3 тт., 1904—1906), «Всеобщая организационная наука: Тектология» (3 тт., 1913—22), «Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки» (1914); а принципиальная критика Богдановым «военно-коммунистического» Октябрьского переворота и расхождения с цекистско-совнаркомовским декретированием в вопросах «пролетарской культуры» поставили

самого масштабного марксистского теоретика в России в положение официального «дьявола», на которого «дуют и плюют, как полагается при обряде крещения» (Богданов 2003, с. 423).

Другой парадокс: И. Степанов-Скворцов, соратник А. Богданова по рабочим кружкам и многолетнему творческому сотрудничеству, всегда оставался преданным В. Ульянову-Ленину — настолько, что едва не стал по поручению вождя масоном ради пополнения партийной кассы (Старцев 2003, с. 202—204). В то время как А. Богданов в 1917 г. порицал большевизм за «миражный» максимализм и «демагогию-диктатуру» с опорой на солдатские штыки, И. Скворцов-Степанов принял деятельное участие в Октябрьском перевороте и занял пост наркома финансов в первом советском правительстве. Однако и в годы политического отдаления (1908—10 и 1917—19) шла совместная работа над двумя томами «Курса политической экономии», в котором историко-экономическую проблематику взял на себя И. Степанов, а общую методологию — А. Богданов (Богданов, Степанов 1910, с. XII).

Годы создания главной работы А.А. Богданова — «Всеобщей организационной науки: тектологии» — падают на время от первых взрывов на балканской «пороховой бочке» Европы (1912—1913) до оформления послевоенного нового мироустройства в рамках Версальско-Вашингтонской системы (1922). Общая типология кризисов как часть универсальной методологии миропонимания была дана Богдановым лишь в заключительном 3-м томе «Тектологии» (1922), но к изложению теории мирового военного кризиса Богданов обратился ещё 1916 г. в цикле статей в журнале «Летопись», а затем в завершающем выпуске 2 тома «Курса политической экономии» — «Общая теория капитализма. Коллективистический строй». Причём часть последней работы в её 1-е издание (1918) не вошла из-за разногласий с И. Степановым⁴⁶. При-

⁴⁶ Степанов возражал против категории военно-экономические формации, которой Богданов объединил «военно-государственный капитализм» и «военный коммунизм трудовых классов» (Богданов, Степанов 1924, с. 5, 256), причём за первым из указанных явлений Богданов отказался признать «материальную предпосылку», а за вторым — «осуществление» народнохозяйственной плановости. Критике представлений В. Ульянова-Ленина и М. Лурье (Ю. Ларина) о возможности наполнить «пролетарским классовым содержанием» организационные формы германского военно-государственного капитализма посвящена основная часть книги Богданова «Вопросы социализма» (1918), на которую Н. Бухарин от имени большевиков отреагировал резко отрицательной рецензией с обвинением тектолога в «оппортунистическом культурничестве» (Бухарин 1918, с. 19).

меняя организационную методологию для анализа изменений в мировом хозяйстве до, в течение и после мировой войны, Богданов очертил в двух докладах, сделанных в 1922—1923 гг. в Социалистической академии, геополитическую экономию послевоенного мира. Первый доклад — «Версальское устроительство» (прочитан 24 января 1922 г.) был подготовлен для российской делегации, отправлявшейся на Генуэзскую конференцию, и вскоре опубликован в первом выпуске «Вестника Социалистической академии». Второй доклад — «Общественнонаучное значение новейших тенденций естествознания» (прочитан 24 мая 1923 г.) — опубликован не был и в печатном виде увидел свет совсем недавно (Богданов 2004).

И.И. Степанов-Скворцов
(1870—1928)

Разделяя концепцию финансово-го капитала при характеристике капитализма начала XX в., Богданов выдвинул новое и более общее положение о двух фазах капитализма, из которых первая характеризуется быстрым и лёгким расширением рынка, вторая — возрастающим его стеснением (Богданов 1916, № 3, с. 140). Историческими преимуществами в наличии почти неограниченного простора для реализации производимых стоимостей обладали Англия в Старом Свете и США в Новом Свете; континентальному капиталистическому господству этих стран, достаточно укрытых морями, не могла угрожать сколько-нибудь серьёзно и организо-

ванная военная сила других государств (там же, № 4, с. 138). В странах материковой Европы, особенно в Германии, капитализм довольно быстро натолкнулся на пределы насыщения рынков, преодолеваемые за счёт беспримерного развития национальных вооружений.

Прилагая к теории рынков два универсальных организационных понятия — цепной связи элементов и «слабого звена», сдерживающего рост и движение системы в целом, Богданов отверг концепцию Туган-Барановского о возможности расширения промышленного производства при сужении потребительского рынка, который и является лимитирующим «слабым звеном» капиталистической системы. Основу

возрастания рынка в его целом составляет рост потребительского рынка. Другое дело, что ввиду цепной связи отраслей и малое расширение потребительского рынка (но вовсе не его абсолютное сужение) может служить основанием гораздо большего расширения рынка в целом: так и происходит с прогрессом капитализма.

Касаясь вопроса о цикличности промышленных кризисов, Богданов отметил, что с перемещением центра тяжести от текстильных отраслей к тяжёлым индустриям удлиняется цепная связь и, следовательно, период скрытого перепроизводства, пока «первичная волна» сокращения достигнет удалённых от потребительского рынка отраслей; зато сам кризис оказывается более разрушительным. После 3-х первых международных промышленных кризисов с почти правильной периодичностью (1836, 1847, 1857) следующий полномасштабный кризис разразился только в 1873 г.; зато превзошёл грандиозностью все предыдущие и фактически растянулся до 1878 г. Затем более 20 лет кризисы носили локальный характер — вплоть до нового общеевропейского потрясения в 1900—1903 гг., слабо затронувшего, однако, США. За океаном новый кризис состоялся лишь в 1907 г., в свою очередь, мало затронув Европу. Богданов выделил замедляющие и ускоряющие факторы капиталистического цикла: первые связаны главным образом с ростом обширности и сложности самой системы вширь (открытие новых рынков, развитие колоний в капиталистическом направлении) и вглубь (производственный аппарат); вторые — прежде всего с прогрессом техники сообщений и сношений, а также с интеграцией предприятий. Кредит может содействовать и замедлению, и ускорению. В период почти «равномерной» периодичности (1825—1857), отмечал Богданов, противодействующие факторы действовали уравнивающим образом: с одной стороны — значительное расширение тогдашнего капиталистического мира, охватившего отставшую от Англии центральную Европу и США, с другой стороны — создание железнодорожных сетей, широкое распространение речного и морского пароходства, проведение телеграфа в массе местностей, а для последнего цикла — открытие новых источников золота, особенно в Калифорнии. В дальнейшем равновесие между замедляющими и ускоряющими моментами нарушается в пользу первых; в том числе потому, что не происходит новых больших переворотов в технике сообщений. В 1860-е гг. вместо мирового кризиса разразились два частных, разделенных во времени: в Англии вследствие прекращения подвоза хлопка из-за гражданской войны в США (1864) и в самих США из-за биржевых спекуляций (1868). Ещё

больше таких кризисов — несопоставимых с масштабом 1873 г. — случилось в 1880—90-е гг. В начале XX в. перевес оказался уже на стороне ускоряющих моментов. Новый виток роста железных дорог и морского транспорта, «стоит вспомнить хотя бы сказочное развитие германского торгового флота и железнодорожные пути, прорезавшие обширнейшие территории Азии, Африки, Канады, Южной Америки. Народился автомобильный транспорт»; увеличилась скорость почтовых сообщений благодаря старому телеграфу, и возник новый беспроводный телеграф (там же, № 5, с. 115). В ускоряющем направлении действовала и интеграция предприятий трестами и банками.

Развитие потребительского рынка не поспевало за ростом техники производства и обмена, и новый мировой кризис был неизбежен, однако его упредила мировая военная катастрофа. Богданов выводил её из той специфической формы, какую на фазе стеснения рынков принимает противоречие между цепной связью отраслей и анархической разрозненностью капиталистического производства на уровне не конкуренции отдельных предприятий, а борьбы за доли мирового рынка с участием национальных государств. Государство, хотя и не в такой степени, как отдельное предприятие, есть организованная единица, система планомерного действия. Причём капиталистическое государство, обладая широкими возможностями для наращивания технически специализированной военной силы в разных её видах, способно доставлять дополнительный потребительный рынок посредством милитаристического спроса, а благодаря цепной связи отраслей — ещё больший рынок вообще. Но соперничество организованных единиц, порождая их расширение и усовершенствование, доводит до момента, когда силы конкурентного давления перевешивают силы цепной связи, и наступает перепроизводство. В случае давления мирового рынка на капиталистические государства милитаризм, вызванный стремлением гарантировать всё более ёмкий рынок для национального капитала, привёл к перепроизводству организованной военной силы и втягиванию в истребительный процесс, причём вслед за первоначальным резким падением промышленности и параличом кредита с разрывом интернациональных связей финансового капитала обнаружилась сила милитаристического рынка, с избытком заменившего для национальных капиталов спрос только что утерянных ими рынков. «Разорванные связи международного рынка сомкнулись вновь на рынке национально-милитаристическом» (там же, № 5, с. 124). В результате истребительная война затянулась на годы, породив целый ряд специальных приспособлений — «внед্রে-

ние в капитализм элементов военного коммунизма». Однако, «скрытое самоубийственное противоречие милитаризма» проявилось в демократизации социального состава армии, способной повернуть свои штыки против господствующих классов. Так это произошло в России, где власть большевиков утвердилась благодаря «серой разлагавшейся массе» солдатских низов, большей частью крестьянского происхождения, тяготевших к выходу из войны и «социализму дележа» (Богданов, Степанов 1923, с. 264). Разношерстная солдатская масса проявила себя как *класс исторического момента*, но это произошло лишь благодаря участию крестьянских низов.

В докладе «Версальское устроительство» Богданов, с одной стороны, критиковал Р. Гильфердинга и его школу за переоценку связующей силы финансового капитала и смешение понятий *организованности и власти* (Богданов 2003, с. 452); с другой стороны, — скорректировал своё понимание *географического двоецентрия* довоенного капитализма, противопоставив открыто *милитаристический* империализм Европы в целом, включая Англию с её «родсами» и «чемберленами», относительно мирному империализму Америки, сделавшей одно время своим знаменем идеи президента Вильсона о разоружении. Капитализм Нового Света долго был свободен от рыночной тесноты; его главные финансовые группировки складывались в рамках *одной* мощной системы «страхования капитала» — США; и система эта простирала свой реальный протекторат на весь континент. Главные финансовые комплексы тесной Европы формировались в пределах *различных* государственных систем и, в своих усилиях расшириться, наталкивались на нелегко проницаемые для конкуренции границы: причём каждый из этих механизмов страхования, по мере того, как ухудшались условия конкуренции в целом, развивал всё больше противодействия активности чужих капиталов. При рыночной тесноте, капитализм Старого Света усваивал милитаризм и создавал себе дополнительный рынок путем гонки вооружений; многомиллиардный американский же капитализм, имея огромный и всё растущий внутренний рынок массового потребления, в таком суррогате мало нуждался, и хотя против военнo-захватных методов ничего не имел (Куба, Филиппины), но настоящего «милитаризма» не развивал.

И США не только эксплуатировали мировую войну как нельзя успешнее, но и примкнули в итоге к одной сторон. Их относительная обособленность уступила место теснейшим связям кредита и широкой экономической поддержки, а вот расчёт распространить на Европу

«принципы американской конституции и доктрины Монро» в Версале не оправдался. Версальский Конгресс был первым в истории собранием, представлявшим настоящую «мировую власть»: по сумме своих полномочий и по фактической силе, стоявшей за ними, делегаты на самом деле могли «вершить судьбы мира». США, увязнув в изощрённом своекорыстии Англии и Франции, не приняли на себя лидерства в послевоенном восстановлении мировых экономических отношений; Англия и Франция не договорились достаточно ни о разделе бывшего османского Ближнего Востока, ни о сумме репараций с побеждённой Германии; глубокое разорение Германии и исключение фронтами и блокадой Советской России из системы международных связей сузили потребительское звено мирового рынка, снизив потребление широких народных масс при дороговизне сырья. Общий вывод Богданова относительно Версальского договора сводился к тому, что преодоление дезинтеграции мирового хозяйства оказалось заблокированным; не удалось восстановить глубоко расстроенную систему связей буржуазного мира и закрепить ее в таких формах, которыми устранялась бы возможность нового аналогичного крушения. Напротив, была законсервирована тенденция к хозяйственной автаркии с видами на возможные будущие войны.

Автаркические тенденции в ведущих индустриальных странах Богданов связывал с осознанием финансово-промышленными кругами того факта, что есть капиталистическое государство есть система коллективного страхования капитала, и с усилением позиций социальной группы технической интеллигенции. В докладе «Общественнонаучное значение новейших тенденций естествознания» в первый и единственный раз в произведениях Богданова появилась категория «элита», не знакомая российской общественной мысли XIX и начала XX века (Богданов 2004, с. 13). Богданов употребил термин «элита», говоря об объединении национальных научных сил Франции для решения насущной технической задачи государственного масштаба, а именно — обеспечения страны жидким топливом. В плане возвышения научно-технических задач до государственного коллективно-страхового аспекта Богданов рассмотрел их применительно ко всем капиталистически передовым странам, указав на стремление к сознательной интенсификации производительных сил — естественных и человеческих. С одной стороны — детальное исследование относительно природных богатств, учет их запасов и поиск новых источников минеральных и энергетических ресурсов; с другой стороны — возможно более рациональное исполь-

зование наличных рабочих сил («тэйлоризм»; психотехника), причём не только исполнительских, но также и организаторских. Создание объединяющих техническую интеллигенцию государственных обществ, институтов, учреждений в большом масштабе Богданов расценивал как тенденцию к капитализму в иной форме, что существовала до и во время войны — к национально-государственному капитализму с преодолением гипертрофии рентьерства и возвышением коллективно-страхового аспекта техники и экономики до масштабов централизованного регулирования, опирающегося на техническую интеллигенцию.

Идеологическим выражением этой новой тенденции Богданов считал взгляды автора книги «Новое государство», председателя правления электротехнического концерна АЭГ и министра иностранных дел Веймарской Республики В. Ратенау и автора памфлета «Экономические последствия Версальского договора» Дж.М. Кейнса. Оба они участвовали в Генуэской конференции и вели переговоры с советскими представителями; причём В. Ратенау подписал с Г.В. Чичериным Рапалльский договор, прорвавший экономическую блокаду Советского государства (вскоре по возвращении в Германию был убит). В макроэкономике Кейнса, сформулированной в окончательном виде в 1930-е гг. на принципиально иной, чем у Богданова, методологической основе, есть целый ряд совпадений с идеями создателя «тектологии»: анти-рентьерская направленность; описание расширения рынка по цепной (мультиплицирующей) связи; признание потребления масс ограничительным звеном, растяжение которого способно дать существенный импульс приращению производства. Обнаруживается и сходство «организационного анализа» Богдановым технической интеллигенции с проектами основоположника институционализма Т. Веблена и группы его эпигонов (С. Чейз, В. Раутенштраух и др.), провозгласившей в 1933 г. лозунг «технократии»⁴⁷.

«Технократические» взгляды Веблена, выраженные в трактате «Инженеры и система цен» (1921), сформировались под воздействием идей

⁴⁷ При обсуждении в Комакадемии доклада А.А. Богданова «Общественнонаучное значение новейших тенденций естествознания» в мае 1923 г. В.А. Базаров, поддержав вывод докладчика о новом классе технической интеллигенции, отметил «глубокий антагонизм между технически-рациональными и финансово-прибыльными приёмами организации промышленности» (Архив РАН, ф. 350, оп. 2, № 4, л. 39). Это в точности соответствует формуле Т. Веблена о противоположности рационального «мира индустрии» и спекулятивно-иррационального «мира бизнеса».

одного из зачинателей научного менеджмента Г. Гантта (1860—1919), книга которого была переведена и в СССР (Гантт 1923). Социальный идеал Веблена и Гантта в точности соответствовал тому, что был описан Богдановым в 1916 г. как идеал технической интеллигенции, или «государственного социализма». Ещё в 1906—1909 гг. Богданов отмечал численный рост технической интеллигенции — промежуточной социальной группы обладателей специализированных знаний. После мировой войны он пришёл к выводу, что настало время превращения технической интеллигенции в «класс для себя» и в новую форму «существования буржуазии, как господствующего класса», с ассимиляцией «акционерно-рантье-ских паразитических элементов» (доклад «Мировая война и революция», 1921). Возвышение технической интеллигенции Богданов связывал с её способностью взять на себя роль *социал-бюрократии* и провести на уровне государственной политики системы прикладных научных исследований. Первоначально Богданов рассматривал техническую интеллигенцию вкуче и ожидал фазы её господства в рамках мирного государственного капитализма. В середине 1920-х гг. мнение тектолога изменилось — он понял ошибочность своего предположения, что «милитаризм в его старых формах не будет давить человечество». Богданов счел необходимым принципиально разграничить собственно техническую (инженерно-научную) интеллигенцию и интеллигенцию «нормативно-государственную», непосредственная база которой — не производство, а разбухший государственный аппарат с включенным в него милитаристическим (Богданов 2000, с. 45—46).

В своём последнем докладе «Линии культуры XIX и XX вв.» Богданов заключил, что две несхожие функциональные группы нового организаторского класса объективируют две различные «культурные линии новейшего капитализма» — линию «буржуазно-интеллигентского техницизма» и линию «норматизма», причём если техническая интеллигенция политически тяготеет к парламентской демократии и пацифизму, то нормативно-государственная — к агрессивному национализму и различным формам военной диктатуры, вплоть до фашистской.

Уклонявшийся в последние годы жизни от разговоров на политические темы (после ареста и «пяти недель в ГПУ» осенью 1923 г.), Богданов прямо не прилагал свой организационный анализ возвышения технической и нормативно-государственной интеллигенции к советскому опыту. Однако, тектолог не мог не замечать, что и «напряженная работа по линии научной организации труда в разных областях» (Богданов 2004, с. 22), и «тенденция к автаркии, самостоятельности

государственно-национального хозяйства во всём его масштабе» (там же, с. 23) проявляются в СССР с гораздо большим размахом, нежели в главных западных странах. Описание Богдановым того, как пролетариат подчиняется линии «норматизма», выглядит характеристикой советской модели номинального социализма: государственно-регулятивный подход к задачам хозяйственной плановости — «масштаб максималистский, но без осознания внутренних закономерностей организуемого процесса»; приобщение к общей культуре плюс жесткое идеологическое доктринёрство, доступ к власти, гражданские привилегии, блага «твёрдого руководства и дисциплины»; достижение конечной цели как результат благоприятного соотношения *боевых* сил, «пацифизм государственно-условный, с уклоном в прямой антипацифизм по отношению к гражданской войне». «К этой линии тяготеют широкие неквалифицированные слои пролетариата, слабо затронутые научным техницизмом, но сильно чувствующие потребность в твёрдом руководстве, в простых ясных и боевых доктринах, дающих выход стихийной революционности» (Богданов 2000, с. 51).

К этому нужно добавить, что советский строй как национально-государственная организация смог состояться благодаря *уникальному геоэкономическому пространству*, предопределившему успешность «самого напряженного исследования относительно природных богатств» (Богданов 2004, с. 13) именно в СССР, но освоенного с массированным применением принудительного труда и черпанием людских ресурсов внутренней колонизации из раскулаченной деревни.

Последний великий социалист-утопист, разработавший в рамках марксистской идеологии системную познавательную модель, А.А. Богданов до конца жизни не перечёркивал надежд на «консолидацию пролетариата на единой, своей собственной культурной линии — всеорганизаторского коллективизма» (там же, с. 48). Но пока этого нет, рабочий класс имеет такой «социализм», какого заслуживает. Социал-демократия в её реформистском варианте сводится к сотрудничеству с капиталом в «прогрессивном буржуазном жизнестроительстве» (повышение экономической и культурной годности рабочих масс). Революционный авторитаризм⁴⁸ способен организовать широкие народные

⁴⁸ «В революционные эпохи особенно часто и особенно ярко выступает процесс преобразования организаций с зародышевой эгрессией, в виде едва заметной авторитарности в организации вполне выраженной эгрессии, строгой авторитарной дисциплины, «твёрдой власти» (Богданов 1927, с. 144).

массы не более чем в форму государственного капитализма, прикрываемую «фирмой истинного социализма», но по сути подчиняющей «национализированные индустриально-финансовые комплексы» власти «нового класса» — организаторской интеллигенции, получающей прибавочную стоимость в форме сверхжалований и тантьемных премий (там же, с. 47).

Организационный подход к структуре общества позволил Богданову в концепции национально-государственного капитализма выйти за рамки теории «империализма как последней стадии капитализма» и предвосхитить получившие широкое распространение с середины XX в. теории «нового класса» (Биггарт 1993) применительно к властно-хозяйственной системе номинального социализма. Проанализированная А. Богдановым эпоха мирового военного кризиса и неудачного версальского устроительства была *переходной фазой мирового хозяйства*. Но не в смысле всемирного перехода от «загнивающего капитализма» к социализму, как полагали вслед за В. Ульяновым-Лениным И. Степанов и Коминтерн, а в смысле перехода от неустойчивого *географического двоецентрия* мировой экономики к гегемонистской стабильности с центром-США. Причём мировая система номинального социализма во главе с СССР была вынуждена следовать как полупериферия логике капиталистической мир-экономики (Валлерстайн 1995, с. 31).

Для построения *современных* глобальных моделей ещё больший интерес, чем концепция национально-государственного капитализма, представляет общенаучная системная познавательная модель Богданова (тектология), особенно категории универсальных организационных механизмов: *ингрессии* (вхождение посредствующих звеньев для цепного соединения различных комплексов — основной тип организационной (симметричной либо асимметричной) связи активностей), подбора (отбора) и *системного расхождения* с тенденцией к образованию дополнительных связей и двумя особыми случаями — *дегрессией* (организационная пластичность и «схождение вниз») и *эгрессией* («выхождение из ряда» центрального комплекса).

Исследование Ф. Броделем «игр обмена» по миро-экономическим правилам убедительно выявило природу рынка как асимметричной *ингрессии* сделок и капитализма как *эгрессии* — концентрации деловой активности вокруг непрозрачной зоны иерархических структур, искажающих в свою пользу ход обмена через «изворотливость и право сильного» (Бродель 1988, с. 120). «Процесс капитализма обозначается тем отчетливее, чем длиннее становятся торговые цепочки между не-

посредственными производителями и конечными потребителями, когда от разрыва прямой связи решающими преимуществами обладает купец, и исключительно ярко этот процесс проявляется в торговле на дальние расстояния» (Бродель 1993, с. 58—59). Проанализированная Броделем динамика капитализма — это процесс использования Европой преимущества организованных рынков и распространения иерархии обменов на весь мир. Из торгующей массы выделяется дистанцированный от неё слой крупных предпринимателей, связанных с торговлей на дальние расстояния и присваивающих всё, что в радиусе досягаемости оказывается достойным внимания. Занимая экономические вершины, капитализм с необыкновенной настойчивостью опирается на средоточия экономической власти — монополии де-факто; *организация приводит рынок в действие* (там же; с. 118—119).

О том, что подлинная судьба капитализма разыгрывается в сфере социальных иерархий, говорили исследователи и финансового капитализма начала XX в., и периферийного капитализма второй половины XX в. *Миро-системный анализ* построил модель возникшей в ходе заокеанской экспансии Запада современной капиталистической миро-системы с базовой логикой неравного распределения накопленных прибылей в пользу тех, кто в состоянии достичь различных видов временных монополий в рыночных сетях (Валлерстайн 2000). Тектологически говоря, товарные потоки, захваченные глобальной асимметричной ингрессией, сгущаются в эгрессию организованных рынков и закрепляются депрессией международного разделения труда. МРТ складывается как трехъярусная иерархия центра, полупериферии и периферии. «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики. Он является плодом авторитарной организации явно чрезмерного пространства. Он не дал бы столь густой поросли в ограниченном экономическом пространстве. Он и вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда» (Бродель 1993, с. 98).

На ранней стадии капиталистической миро-системы стягивание товарных цепочек к центрам-гегемонам «цивилизованного мира» и включение остальных стран в периферийный и полупериферийный ярусы международного разделения труда и мирового рынка предопределило насаждение плантационного рабства в колониях и бремя вторичного закрепощения крестьянства с тяжелейшей барщиной в европейских странах к востоку от Эльбы. Во второй половине XX в. в условиях всемирного геостратегического противоборства США как гегемон (эгрес-

сивный центр) капиталистической миро-экономики гарантией рынков содействовали экономическому подъёму Западной Европы, Японии, восточноазиатским НИС и Чили. Одновременно глобальная депрессия экономически консервировала «развитие недоразвитости» (по определению А.Г. Франка, второго, наряду с И. Валлерстайном, ведущего теоретика миро-системного подхода) зависимой латиноамериканской и афро-азиатской периферии. Наконец, асимметрия глобальной ингрессии ведёт к системному расхождению хозяйственных организмов с тенденцией к дополнительным *«извращенным связям»* (М. Кастельс) — через наркобизнес, подпольную торговлю оружием, поставку женского товара, отмывание денег и иные формы криминальной экономики; также как сегментация общества на группы в зависимости от их способности или неспособности действовать в производственной системе, основанной на информатике, дополняется вспышками повседневного насилия вплоть до немотивированных убийств в качестве утверждения личности (Кастельс 1992, с. 54).

Геоэкономике XXI в. не избежать глобального вопроса, поставленного тектологией: как овладеть организационными законами в культурной сфере, «чтобы не получалось такого равнения по низшему, которое подчиняет цивилизацию пережиткам дикости, хотя бы они были гораздо слабее накопленных ею активностей» (Богданов 2003, с. 166).

Глава 3. Значение пространства для аграрной эволюции: вклад обновлённого народничества в геополитическую экономию

3.1. Сельскохозяйственная экономия как эволюционная концепция

Развернутый вариант марксистской политэкономии в широком смысле создавался А. Богдановым и И. Степановым с учетом работ нового поколения германской исторической школы, с переходом от эмпирических описаний отдельных городов, стран, эпох и институтов в «историко-хозяйственных монографиях» к более широким обобщениям. Этот поворот был связан с именами Карла Бюхера (1847—1930) и Вернера Зомбарта (1863—1941). С первым из них никто из западных экономистов-современников не мог сравниться по количеству изданий

его трактата в России («Происхождение народного хозяйства», 1893), со вторым — и по числу русских переводов его сочинений.

Бюхер на основе классификации форм промышленности выдвинул стадийный критерий для оценки экономической эволюции как процесса возникновения и распространения сферы влияния *капитала* — вплоть до полного охвата национальной экономики: длина пути, проходимого продуктом от производителя до потребителя. За ступенью замкнутого *домашнего хозяйства* (1), где капитала нет, а предметы потребляются в том же хозяйстве, где произведены, следует ступень *городского хозяйства*, где произведенные предметы непосредственно поступают в потребляющее хозяйство — работа бродячих ремесленников на заказ домохозяина (2) и затем цеховое ремесло (3). С удлинением пути обмена до масштабов *народного хозяйства* развивается промышленность в надомной (4) и фабричной (5) форме. В бродячем ремесле капиталом в руках работника являются инструменты; в цеховом — инструменты, помещение и сырье; в надомной системе производства капиталом становится и продукт — но не работника, а купца-предпринимателя. Надомник не имеет ничего общего с рынком сбыта своих изделий — раньше, чем перейти к потребителю, продукт становится средством наживы одного или нескольких посредников-купцов. Наконец, в фабричной системе все составные части капитала сосредоточены в руках фабриканта-предпринимателя, который сам занимается и сбытом своих товаров — тогда как рабочая масса лишена какого-либо капитала.

Зомбарт в снискавшем широкую известность трактате «Современный капитализм» (1902) раскритиковал схему Бюхера, противопоставив «дистанционному» критерию выделения экономических стадий *мотивационный*, возрождающий учение Аристотеля о хрематистике. Классифицируя хозяйственные формы по признаку соотношения в них мотива удовлетворения потребностей в конкретных благах и деятельности ради приобретательства, Зомбарт в понятии «народное хозяйство» усмотрел неудачную подмену категории «современный капитализм», которой он сам придавал основополагающее значение для политэкономии. Российским материалом Бюхер и Зомбарт в своих исследованиях пренебрегали; но это не помешало влиянию этих двух авторов на оформление в России как самостоятельных научных дисциплин не только экономической истории (или истории хозяйственного быта), но также экономической географии и экономики промышленности.

Первым профессором экономической географии в России стал последователь исторической школы в политэкономии Владимир Эдуардо-

вич Ден (1867—1933) — на экономическом (первом в стране) факультете Петербургского Политехнического института, открытого в 1902 г. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте. Приняв за отправной пункт необходимость соотнести разнообразие явлений с «типическими стадиями хозяйственной жизни и формами хозяйственной организации», Ден отстаивал четырёхзвенную структуру предмета политической экономии, включая систему основных категорий, *экономическую историю* как изучение «закономерности среди изменчивости явлений прошлого», *экономическую географию* как изучение современного состояния отдельных отраслей в их географическом распространении и *отраслевые экономии* сельского хозяйства, промышленности, торговли, денежного и банковского дела и т. д. (Ден 1908, с. 3—4).

В приведённом перечне совершенно особое место занимала сельскохозяйственная экономия, или *агрономическое обществоведение* (Фортунатов 1900, с. 387), — уже устоявшаяся к тому времени дисциплина со своим категориальным аппаратом, основанным на различении *систем хозяйства*, «из которых каждая интенсивнее предыдущей» (Карышев 1894). Учение о системах (зернового) хозяйства экстенсивного и интенсивного типа возникло в ходе распространения в Западной Европе усовершенствованных севооборотов, сменившим многовековой порядок трехполья (озимые — яровые — пар) травосеянием и плодосменом с добавлением к традиционным злакам (пшеница, ячмень, овес) кормовых трав и клубнекорнеплодов. Это позволило значительно повысить валовые сборы, поскольку площадь пахотной земли используется полностью, а чередованием разного рода растений в таком порядке, что одно готовится почва для другого, «устраняется утомление почвы — результат однообразной, однородной культуры». Классические формы улучшенного севооборота — с добавлением к пшенице и ячменю клевера и кормовой репы (турнепса) и 2—3-кратным ростом урожайности — сложились в английском графстве Норфолк, где новые приёмы земледелия, позволявшие собирать больше зерна, вводили владельцы обширных ферм, укрупнённых благодаря огораживаниям. В Пруссии, где глашатай плодосменной системы А. Тэер (1752—1828) выделил агрономию из круга «камеральных наук», в структуру полей к хлебным злакам были добавлены посевы картофеля (с конца XVIII в.) и сахарной свеклы (первая треть XIX в.). Предтеча предельного анализа Й.Г. Тюнен (1783—1850) в знаменитом трактате «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии»; т. 1, 1826; тт. 2—3, 1850—1863) расши-

рил сельскохозяйственную экономию до рамок народнохозяйственного масштаба, выделив паровое трехполье, травосеяние и плодосмен как три последовательно сменяющие друг друга системы рационализации земледелия. Сравнительно с политической экономией сельскохозяйственная в своём развитии гораздо теснее была связана с учётом особенностей геоэкономического пространства — как расстояний, так и почвенно-климатических условий.

К концу XIX в. трёхполье было оставлено почти всей Европой — этим «почти», наряду с некоторыми землями балканских славян, была Россия, в пределах которой новая система «водворилась лишь в остзейских и привислинских губ., а в остальных частях страны встречается лишь изредка». Как разъяснил популяризатор Тюнена во Франции и России Матвей Волков (1802—1875), плодосменная система требует крупных капиталовложений (содержание хорошего рабочего и породистого мясомолочного скота, затраты на механизацию и удобрения), которые окупаются лишь при наличии выгодного сбыта — т. е. при низких издержках транспортировки и при высоких ценах на разнообразные продукты полеводства и скотоводства (Волков 1872). Наиболее восторжествовал плодосмен в Бельгии — компактной стране с наибольшей в Европе густотой городского промышленного населения (и железных дорог), предъявлявшего устойчивый спрос на продукцию сельских окрестностей. В России, где «население редко, денежный оборот не развит, машиностроение только начинается, расстояния огромны, а средства сообщения находятся в самом неудовлетворительном виде — увлекаться плодосменом неуместно» (Горлов 1872, с. 12). Экспортный сбыт по заниженным ценам мирового рынка консервировал систему трехполья.

На рубеже веков русские агрономы и публицисты выражали обеспокоенность, с одной стороны, — господством «выбалтывающего землю трехполья» (Энгельгардт 1899), другой стороны, — судьбами *мелкого земледелия* (Чупров 1907). Тэер и Тюнен задали ориентацию на крупное частнопредпринимательское предприятие прусского образца; в России её резче других выразил профессор Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства в Варшаве А.И. Скворцов (1848—1914) — его трактат «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» (1890) был единственным произведением, записанным П.Б. Струве в актив отечественной экономической литературы — как обоснование неизбежности и прогрессивности капитализма, разложения сельской общины и отсложения крупного, приспособленного к товарно-

му производству крестьянства. Иной подход был представлен учеником А.И. Чупрова А.Ф. Фортунатовым (1856—1925), заведовавшим кафедрой сельскохозяйственной экономики в Московской Петровской академии. Фортунатов считал необходимой разработку теории организации для крестьянского хозяйства *мелких размеров* — с учётом перспектив объединения таких хозяйств в кооперативы различных форм.

В первом десятилетии XX в. с ускорением развития рыночных отношений и с изменением тенденции мировых цен в благоприятную для сельского хозяйства сторону наметился «коренной перелом в самых основных устоях нашего земледелия» (Чаянов 1989, с. 197). Расширение под воздействием промышленного роста внутреннего рынка для продукции сельского хозяйства и изменение в благоприятную для неё (повышательную) сторону мировой динамики цен предопределили рост товарности крестьянского хозяйства. С другой стороны, широко развернулись кооперативные начинания и различные формы сельскохозяйственной помощи населению. «Идейно-рабочая сила» — интеллигенция — уже не склонна была искать в общинах и артелях «твердыни», могущие противостоять надвигающемуся «бедствию капитализма», но была готова решать вместе с крестьянством «множество полутехнических, полуэкономических проблем» (там же, с. 198).

Такова была «подпочва» самобытного, но хорошо осведомленного о достижениях экономической мысли Запада теоретического направления, лидерами которого стали автор «Очерков сельскохозяйственной экономики» (1909—1910) Александр Николаевич *Челинцев* (1874—1962) и ученик А.Ф. Фортунатова Александр Васильевич *Чаянов* (1888—1937), призвавший в феврале 1911 г. на Московском агрономическом съезде создать науку об организационном плане крестьянского хозяйства. Их ближайший соратник Н.П. Макаров (1887—1980) предложил именовать новое направление «организационно-производственной школой», разъяснив, что интерес к внутренней организационной стороне жизни индивидуального крестьянского хозяйства отвечает активному настроению, родившемуся «в результате здоровых процессов как в недрах крестьянства, так и в рядах русского интеллигентного общества»; «любование здоровым хозяйством» отодвигает на второй план вопросы социального расслоения и экономического противопоставления богатых и бедных (Макаров 1920, с. 12). Примат производственного, а не распределительного, начала — вот «социально-этический пункт, который выведет ход русской аграрной мысли из ее земельных тупиков» (Макаров 1918, с. 28—29). Подразумеваемый здоровый хозяин не

был, однако, тождествен тем «крепким мужикам», которые стали предметом забот столыпинской реформы. Её «ставке на сильных» организационно-производственная школа противопоставила кооперирование семейно-трудовых хозяйств. А.Н. Челинцев, сменив на профессорской кафедре в Ново-Александровском институте А.И. Скворцова (с 1913 г.), взялся за разработку курса организации сельскохозяйственного предприятия как *мелкого крестьянского хозяйства, кооперативно объединенного*. Челинцев доказывал, что глубже форм собственности и землепользования лежит организационно-территориальная структура, и реорганизация площади по заданному шаблону бесполезна для повышения производительности (Челинцев 2001, с. 18).

Формулируя критерий сельскохозяйственного районирования Европейской России, Челинцев предлагал исходить из локальных сочетаний генетических признаков разных систем полеводства, а именно: 1) способов поддержания плодородия почвы (залежь, пар, навоз, туки, лучшее чередование); 2) доли пахоты относительно естественных кормовых угодий; 3) положения и роли нерабочего (продуктивного) скотоводства.

Переложное хозяйство характеризуется ростом пространства пашни за счёт естественных кормовых угодий. Паровое хозяйство сосредоточено почти исключительно на хлебной продукции и имеет минимум нерабочего скота. Интенсификация хозяйства с ходом эволюции означает сокращение пара, подсев более трудоёмких незерновых культур (волокустных и клубнекорнеплодов), усиление потребности в удобрении; что же касается скота, его поголовье увеличивается также за счёт более трудоёмких форм (мясомолочный крупный рогатый скот, свиньи).

Челинцев сгруппировал российские губернии в 8 сельскохозяйственных районов, очертивших своими границами стадии аграрной эволюции — от залежной до плодосменной систем. Подчеркивая второстепенную роль природно-географических факторов и приспособляемость культурных растений к местным почвенно-климатическим особенностям, он не отрицал, однако, обусловленности структуры посевов и животноводческого профиля таким фактором, как *земельный простор*. Хозяйство на обширной территории (следовательно, при малой плотности населения) неизбежно должно вестись с теми культурами, животными и техническими приёмами, которые экономят труд на единицу площади. Если простор настолько велик, что вся земля не может быть вспахана и тем более засеяна силами одной семьи, земледелие имеет вид залежного зернового; посевы хлебных злаков доводятся до наибольших размеров

и обеспечивают поступления продукции не только для покрытия потребительских и хозяйственных нужд, но и для продажи (при наличии рынка), так что не возникает необходимости обращения к другим растительным культурам или животноводству для рыночного сбыта. При сокращении площади, когда земля распахивается уже целиком, хозяйство получает вид парового зернового (трехполья), как в большинстве губерний Европейской России. Европейские страны под воздействием сгущения населения одна за другой «ломали» своё трехпольное зерновое хозяйство и переходили к более интенсивным формам земледелия, большей дифференциации занятий и индустриализации населения с соответственным расширением и разнообразием местного спроса как на земледельческие, так и на животноводческие продукты (там же, с. 8).

Разработки «организационно-производственной школы» по сельскохозяйственному районированию стали весомым вкладом в экономическую географию, задачей которой А.В. Чаянов считал поиск формулы «равновесия между местной плотностью населения, положением района в отношении рынка и его естественно-историческими особенностями» (Чаянов 1923, с. 146). Сам Чаянов в этом поиске ввёл (по аналогии с теорией размещения промышленности Альфреда Вебера) понятие сельскохозяйственного штандарта — типа состояния населённости страны и расположения в ней сельскохозяйственного производства.

Понятие сельскохозяйственного штандарта была подключено Чаяновым к теории аграрной эволюции как проливающее свет на альтернативы преобразования аграрного строя. Крупнокапиталистическое фермерство — тип сложения сельскохозяйственного штандарта, всецело определяемого рынком, и особенно характерного для Америки и Австралии: дешевая земля, дорогой труд, экстенсивное малотрудоемкое земледелие с большим вложением капитала и широко проведенной механизацией. В России, как и в странах Востока и в большей части Европы штандарт сельского хозяйства формировался на натурально-хозяйственной основе; размещение населения и его сгущение в хозяйственных зонах определилось не линиями изоцен, а естественно-историческими и политическими факторами; отсюда дисгармония между наличным размещением населения и требуемым в интересах рынка. На протяжении XIX в. в России наиболее высокие изоцены хлебов тяготели к морским портам, Московскому промышленному району и зонам неземледельческих областей (Туркестан и Север), а наиболее низкие — к центрально-земледельческим и сибирским районам. На юге, юго-востоке и востоке страны, где продолжался колонизационный

процесс с экстенсивным земледелием, происходило «нарастание элементов фермерского типа» с «развитием вертикальных концентраций». В центре и на юго-западе Европейской России вследствие аграрного перенаселения сложился иной земельный режим с некоторым подобием китайского — дешёвый труд, дорогая земля и «пышный расцвет кабальных отношений». Ярко выразилась *региональность* развития с «порайонной смесью» почти противоположных типов сельскохозяйственного штандарта.

Чаянов отмечал, что революционные потрясения 1917—1920 гг. уничтожили в России наряду с помещичьими хозяйствами и значительную часть фермерских, снивелировали крестьянскую массу; однако с 1921 г. обозначился новый процесс выделения фермерских элементов, причём в тех же районах, где они отслаивались ранее. В некоторых экстенсивных районах хозяйства фермерского типа могут явиться единственным аппаратом, способным справиться со стоящими там производственными задачами, однако в целом тенденцию «фермерского перерождения» Чаянов считал преодолимой на основе своего плана «кооперативной коллективизации» — превращения разнообразных форм сельскохозяйственной кооперации в основание народнохозяйственного обобществления.

Как печально известно, предложенные Чаяновым критерии крестьянской дифференциации и подходы к обоснованию сельскохозяйственной кооперации вступили в роковое противоречие с большевистским курсом на форсированную индустриализацию, «сплошную коллективизацию и вытеснение кулачества как класса». Организационно-производственная школа исчезла в пропасти «великого перелома»; концепции семейно-трудового хозяйства, сельскохозяйственного штандарта, «кооперативной коллективизации» были преданы поруганию и надолго погребены в архивах репрессированной мысли.

Известно и о воскрешении в последних десятилетиях XX в. чаяновского научного наследия, оказавшегося мощным аналитическим инструментом анализа «специфических экономических формаций» не только современного и недавнего «третьего мира» (Шанин 1992, с. 11—12), но и отдалённого прошлого (Салинз 2000, с. 92). Работами Чаянова и его коллег по «организационно-производственной» школе не исчерпывается наследие российских экономистов, которых можно отнести к направлению обновлённого народничества — сохранившему идеал сельского «хозяина-работника», связанного с себе подобными нитями кооперативных отношений, сотканными при помощи интелли-

генции. Одним из крупных представителей этого направления был близкий к организационно-производственной школе Н.П. Огановский — автор наиболее масштабной и значимой для геополитической экономики концепции аграрной эволюции.

3.2. Н.П. Огановский: стадийный историзм

Фигура Николая Петровича *Огановского* (1874—1938) — земского статистика, политического деятеля народнической окраски, кооператора, экономико-географа — пребывает в тени громких имен начала XX века, в том числе плеяды теоретиков организационно-производственной школы. Хотя он и не совсем забыт (Огановский 2001), его имя не упоминается ни в курсах истории экономических учений, ни в многотомной антологии «Мировая экономическая мысль сквозь призму веков». Не вспомнили Огановского и во время обсуждения в Институте экономики РАН, посвященного 100-летию выхода книги Вл. Ильина «Развитие капитализма в России», хотя принципиальная полемика с этим автором, открывающая главный труд Огановского «Закономерность аграрной эволюции» (3 тт., 1909—1914), сохраняет не только исторический интерес. *Opus magnum* Огановского содержит наиболее

Н.П. Огановский
(1874—1938)

масштабную в российской, и не только в российской, политической экономике историко-стадиальную концепцию форм хозяйства и структурных сдвигов, превосходящую своим эвристическим потенциалом и схематизм германской исторической школы, и марксистский формационизм.

Н.П. Огановский принадлежал к тому же поколению, что и А.А. Богданов, И.И. Степанов, В.И. Ульянов-Ленин, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, А.Н. Челинцев. Имея за плечами кадетский корпус и диплом историко-филологического факультета Петербургского университета (1897), служил секретарем областного и войскового статистического комитета на Урале, затем работал в статистическом бюро Воронежского земства; вместе с К.-А.Р. Качоровским

(1870—1940?) провёл обследование крестьянской общины по земским материалам 30 российских губерний. К революции 1905 г. Огановский подошёл с оформившимися народническими взглядами и активно включился в политико-публицистическую деятельность. Участвовал в организации Всероссийского крестьянского союза, издавал в Саратове газеты «Голос деревни» и «Народный листок» (за что дважды привлекался к суду); выпустил брошюры «Освобождение земли» (1906), «Крестьянская община и социализм» (1906), «Земельный переворот в России, его причины и следствия» (1907), «Как различные партии смотрят на земельный вопрос» (1907), книгу «Борьба за землю» (1908; вместе с К.-А. Качоровским и Н. Быховским). Главный — более чем 1000-страничный — труд писал в годы столыпинского «успокоения» и землеустройства, заведую библиотекой Московского Коммерческого института и получив (1914) в том же учебном заведении место приват-доцента кафедры политэкономии. Свою задачу автор определил как отыскание руководящего начала в истории аграрных отношений *всех эпох* и, по крайней мере, большинства местностей, насколько в силах мы это сделать при нынешнем уровне наших знаний» (Огановский 1909, с. 2). Исследование было критически заострено против двух крайностей: 1) политического «построения априорных программ распределения» и 2) политико-экономического отождествления закономерностей развития промышленности с таковыми в сельском хозяйстве и начиналось с упомянутой полемики с Вл. Ильиным, а также с ещё двумя российскими марксистами — известным теоретиком-меньшевиком П. Масловым, чья программа муниципализации земли стала предметом споров на IV съезде РСДРП, и историком-экономистом П. Лященко. Эти три автора в общем стремлении дать *теорию капиталистического развития России* словно «растаскивали» систему экономических отношений в сельском хозяйстве по 3 отдельным сферам: 1) распределение (Ильин), 2) «производительные силы» (Маслов), 3) обмен (Лященко).

Книга Вл. Ильина «Развитие капитализма в России» стала, по словам Огановского, «настоящим откровением» для части русской интеллигенции, которой из городских окон крестьяне казались «все на одно лицо» (Огановский 1909, с. 7). Но Вл. Ильин слишком поспешно отождествил неоднородность крестьянской массы с «капиталистическим разложением» деревни, образованием в ней «антагонистических классов»: зажиточного (20%) и «несостоятельного» (50%), подогнав разнокачественный цифровой материал о величине наделов, посевов и скота под априорное заключение о расслоении общины на «сель-

ский пролетариат» и «сельскую буржуазию». Огановский предъявил Вл. Ильину три главных упрека:

— слишком жёсткое разделение всех крестьян только на 3 группы по количеству лошадей на двор с явным занижением величины среднего слоя, куда попали только двухлошадные (были отнесены безлошадные и однолошадные к бедноте; с 3, 4, 5, 6 и более лошадьми — к буржуазии);

— некорректность региональной выборки: из 7 губерний, взятых за основу для выводов, 4 лежат на редконаселенных окраинах Европейской России и не дают типичных показателей для малоземельного великорусского центра (сам Огановский делал выводы на основании данных о 250 уездах 30 губерний);

— игнорирование динамики распределения (при повторе почти на каждой странице слова «процесс»): за скобками остались и установленная земской статистикой тесная зависимость между размерами семьи и размерами хозяйства (между экономической и органической неоднородностью крестьянской массы), и исторически известный факт классовой расслоенности российской деревни в прошлом⁴⁹ (там же, с. 27).

П. Маслов, в отличие от марксиста-«ортодокса» Вл. Ильина, в своей книге «Аграрный вопрос» (1-е изд., 1903) счёл нужным посчитаться с европейским ревизионизмом, перенесённым в Россию С. Булгаковым, что выразилось в отказе от концепции абсолютной ренты и признании «закона убывающего плодородия». Взяв за исходный пункт категорию «производительные силы», Маслов, по мнению Огановского отождествил развитие производительных сил с концентрацией производства и организацией крупных предприятий (там же, с. 46).

Лященко, в отличие от Ильина и Маслова, в своей книге «Очерки аграрной эволюции» (1908) допускал возможность самостоятельной эволюции мелкого крестьянского хозяйства, однако игнорировал кооперативное движение и свёл сущность аграрной эволюции к запоздалому сравнительно с индустрией «завоеванию капиталом» сферы сельского хозяйства, в котором «вторжение капитализма» ещё далеко не завершило «разложения» натурально-хозяйственных форм. В результате вместо обобщённой теории аграрной эволюции у Лященко получилась история торговли зерновыми продуктами в России (Огановский 1909, с. 131).

⁴⁹ Число беспашотных бобылей во 2-й половине XVI в. и нач. XVII в. доходило до 40% и более от всего крестьянства (Огановский 1909, с. 131).

За игнорирование специфических особенностей развития сельского хозяйства Огановским были подвергнуты критике и эволюционно-хозяйственные схемы экономистов германской исторической школы. Им была признана трижды неверной — по числу выделенных стадий историко-хозяйственная систематика Бюхера (Огановский 1911, с. 540). Однофакторный подход, заданный принятым Бюхером стадийным критерием (эволюция форм обмена), помешал правильному взгляду на историческое развитие форм хозяйства, замазывая их своеобразие яркой краской индустрии, залившей экономическую жизнь Запада в XIX веке. Обосновывая в противовес однофакторному критерию «перехода от натурального хозяйства к меновому» многофакторный подход к хозяйственной эволюции, Огановский указал на необходимость отличать эволюцию форм *производства*, зависящую от технических факторов, от эволюции *распределения* средств производства, на которую влияют политические и психологические факторы.

Переходя к эволюции форм предприятий в сельском хозяйстве, Огановский прежде всего указывает на три её фактора: 1) *захватное землевладение* средних веков, обусловившее переход верховных прав на землю к привилегированным классам и соединение пользования землей с массой повинностей по отношению к этим классам; 2) *раскрепощение*; 3) *заокеанская колонизация*. Захватное землевладение было предпосылкой крупного поместного хозяйства. Это хозяйство, притянутое к монастырским стенам и феодальным замкам, постепенно эволюционировало в товарное (крайняя форма — барщинная система с продажей хлеба), но сохраняло как основную цель не расширение производства, а расширение личного потребления господ⁵⁰. Освобождение европейских крестьян, страхнув с них солидную часть непроизводительных расходов, привело к процессу раздробления на мелкие хозяйства — преимущественно натурально-потребительного характера. Новая форма хозяйства чисто товарно-капиталистического типа *средних* размеров, народившаяся на арендованных территориях английских лендлордов, получила дальнейшее распространение благодаря колонизации просторов Северной Америки и Австралии потомками западноевропейских крестьян, не имевших поколений раззолоченных предков

⁵⁰ Огановский неточно указал, что «к концу средних веков (XVI—XVIII вв. на западе, конец XVIII в. и начало XIX в. у нас) крупное поместное землевладение становится товарным хозяйством, и тогда взамен оброков устанавливается барщинная система (Огановский 1909, с. 155).

и потому умеренных в потребностях. На континенте Европы фермерские хозяйства тоже имеются, но в гораздо меньшем количестве; средние хозяйства во Франции, Германии, России относятся скорее к типу *крупнокрестьянских большесемейных* со значительными расходами на личное потребление (там же, с. 161).

Противопоставив вслед за критиками марксизма тенденцию к укрупнению фабрично-промышленных форм и тяготение сельскохозяйственных предприятий к средним размерам, Огановский подкрепил этот вывод систематизацией факторов аграрной эволюции, придавая главное значение равновесию количества населения и количества средств, достаемых сельским хозяйством.

Среди природных факторов Огановский выделил плодородие почвы, атмосферные воздействия, сезонность и пространство, которое часто нивелирует вредные стороны погодно-климатических условий⁵¹ и при развитом транспорте даёт возможность избегать голодовок. Среди внешних факторов человеческой деятельности, не относящихся непосредственно к самому сельскохозяйственному производству, но действующих на него помимо сознательной воли человека, важнее всего рост и густота населения (сельского и городского) и его потребностей; значимы также степень культурности населения и его привычки в питании, формах расселения и землепользования.

Суммируя накопленный сельскохозяйственной экономией опыт классификации систем полеводства, Огановский определил *три фазы* эволюции сельскохозяйственного производства по критерию повышения производительности земли и восстановления плодородия почвы:

1) доземледельческая фаза потребления даровых благ природы,

2) фаза *экстенсивного* земледелия с двумя периодами: 1 — *подвижным переложным* с расширением площади пашни по колонизируемым пространствам и 2 — *оседлым трёхпольным* с расширением посевов внутри пахотных угодий на ограниченной территории и *консервативным восстановлением плодородия* почвы;

3) фаза *интенсивного* многопольного земледелия.

Системы скотоводства Огановский также сгруппировал в три: пастбищные, переходные и стойловые; причём чем интенсивнее система

⁵¹ «Вредная с точки зрения излишних затрат труда разбросанность общинных делянок бывает полезна в том случае, когда дождь, град идёт, как говорится, полой. Если одни делянки пропадают от засухи и выбиваются градом, то другие поливаются дождём и спасаются от града» (там же, с. 168—169).

скотоводства, тем ближе она соприкасается с системой земледелия (там же, с. 180).

Доземледельческое хозяйство основано на извлечении продуктов естественной производительности природы в лесных (охота, бортничество, речное рыболовство) и степных (тебенёвное кочевое скотоводство) районах. В первом периоде экстенсивного земледелия соха и плуг врезаются в девственную почву лесов и степей. Расчищенная вырубкой и пожигом лесов под пашню территория засеивается одним видом злаков и после сбора 2—3 урожаев либо вовсе забрасывается, либо остается в качестве залежи («перележки», перелога) на 8—15 лет отдыхать. Отдыхающий от посевов перелог охватывает две трети всех пахотных угодий, дернеет и служит естественным регулятором плодородия почвы.

Когда пространство пашни уже ограничено, посевные площади расширяются за счет залежи, которая превращается из многолетней в однолетнюю и сжимается до трети пашни. На смену перелогу приходит *трехполье* с чередованием участков под озимые и яровые злаки и пар. При незначительности пара как естественного регулятора плодородия земля истощается, вынуждает к расширению площади пашни за счет *пастбищных* угодий для скота. Малая площадь естественных выгонов принуждает переводить скотину на стойловое содержание, загонять осенью в конюшни и хлева. Таким образом, *нарушается равновесие между земледелием и скотоводством*. На этой ступени *консервативного восстановления плодородия* почвы сельское хозяйство Европы застыло на целое тысячелетие и составило базис феодального строя с крепостным правом. Равновесие между почти не растущим количеством продовольственных средств, доставляемых *трехпольем*, и количеством населения поддерживалось в силу высокой смертности из-за войн, усобиц, эпидемий и ограничений на численность крестьянских семей, налагаемых крепостной зависимостью. Но раскрепощение вызывает резкий прирост народонаселения, который выбивает *трехполье* из многовековой колеи. Недостаток пропитания приводит к голодовкам и как следствие — к аграрным возмущениям и революциям: на рубеже 80—90-х гг. XVIII в. — во Франции; в конце 40-х гг. XIX в. — в Германии; в начале XX в. — в России.

Выход из истощающего землю *трехполья* достигается переходом на *интенсивную* фазу *многопольно-травяного* и *плодосменного* земледелия. *Пар исчезает*, а *структура* посевов меняется: к преобладавшим почти исключительно в экстенсивных системах злакам прибавляются

кормовые травы, корнеклубнеплоды, бобовые, масличные. «В Германии при плодосмене злаки занимают лишь половину площади пашни» (там же, с. 180). Плодородие почвы восстанавливается преимущественно *искусственным путём* — усиленным удобрением. При отсутствии паров и выгонов кормовые травы вместе с отбросами корнеплодов обеспечивают скоту пищу на круглый год; скот запирается в стойла и начинается эра его *качественного* улучшения — мясисти, молочности и т. д. (там же, с. 181)⁵². Таким образом, при интенсивном земледелии *восстанавливается и обеспеченное обилием кормов скотоводство*, в свою очередь содействующее росту урожайности зерновых увеличением количества органических удобрений.

Анализ общего хода и фазисов эволюции систем полеводства Огановский завершил тремя выводами:

1. Один фазис вырастает в другой и постепенно вытесняет его. Так, например, писцовые книги Московского царства (где впервые трехполье было зафиксировано в 1462 г.) отмечали три вида пахотных земель вокруг поселений: ближайшие, которые пахутся постоянно; затем переложные, которые пахутся не ежегодно; и отдалённые пашни, которые пахутся изредка, случайно — «наездом» или «лесом поросло» (там же, с. 194).

2. В отличие от эволюции промышленного производства, ведущей к упрощению приёмов обработки и их сложной кооперации, эволюция сельского хозяйства сопровождается *усложнением* севооборотов, приёмов обработки и ухода за растениями и животными и внесения удобрений (там же, с. 184).

3. Мальтузианский «закон убывающего» плодородия сказывается только тогда, когда возможности наличной системы полеводства достигли предела, но она не заменяется своевременно другой (там же, с. 203).

Особо остроконфликтные проявления истощенности парового трехполья, принявшие форму революций, были вызваны тем, что на эволюцию систем земледелия наложились особенности эволюции *распределения* земли, обусловленные не столько экономическими, сколько политическими и психологическими факторами — расхождением с форма-

⁵² Как отметил А. Маршалл, когда в Англии «в повсеместное использование вошли турнепс, клевер, райграс многолетних и т. д., что позволило планировать восстановление плодородия земли»; «выращивание скота было революционизировано благодаря гению Бейкуелла» (Маршалл 2007, с. 696).

ми собственности хозяйственных форм, связанных непосредственно с условиями производства. У кочевников-скотоводов налицо «отслаивание верхов» — следствие внутренней (и громадной) дифференциации⁵³. Когда наступает период оседания на землю, это имущественное расслоение, хотя и в меньших размерах, переносится и на землепользование. Однако крупное землевладение в Европе формируется не столько на основе внутренней дифференциации, сколько вследствие внешних политических факторов — завоеваний чужих территорий, захватов и перетасовок земли. Становление феодальных отношений происходило одновременно с переходом населения от подвижной переложной системы к оседлому трёхполью; потребность монархов в подвижном классе профессиональных воинов диктовала привлечение на службу раздачей земель; образовалась лестница власти над землею и над сидящим на ней трудовым населением, которому вменялось в обязанность «кормление» военно-служилого класса, становившегося и классом крупных землевладельцев. Сельская община по мнению Огановского, первоначально, складывалась на земельном просторе, но когда возможности экспансии перелога были исчерпаны, а политический фактор обусловил *одностороннюю подвижку вверх* — концентрацию земли в высших слоях, «утесненная» община выработала уравнительно-передельный механизм, и «крестьянское землепользование застыло в подворно-чрезполосной форме на тысячу лет» (там же, с. 251). Общинные леса и выгоны постепенно сокращались в силу, с одной стороны, расширения пашни под трехполье, с другой стороны — захватов феодалов. С развитием городов и оживлением торговли, особенно международной, феодальные землевладельцы из «пожирателей ренты», часто не очень значительной, стали отчасти превращаться в предпринимателей; этому способствовала реорганизация военного дела с заменой ставших ненужными рыцарей ландскнехтами (наёмниками). Исчезновение политического феодализма и формирование абсолютизма с превращением дворянства в придворную знать сопровождалось развитием крупнопоместного хозяйства — в форме английского лендлордизма со сгоном крестьян земли ради разведения овец для экспорта шерсти или восточноевропейского магнатства с отягощением крестьян барщиной ради наращивания экспорта зерна.

⁵³ Огановский ссылался не только на исторический материал, но и на современные ему данные о киргиз-казахах в Акмолинской области (там же, с. 219).

Крупнопоместное хозяйство, обогащая своих владельцев, усугубляло трудности населения, связанные с исчерпанием экстенсивного земледелия. Дворяне кое-что сделали для перехода к интенсивным системам земледелия, особенно в Англии, но в целом преобладало уже явно недостаточное для прокормления возросшего населения экстенсивное трёхполье: ещё в начале XIX в. треть пашни во Франции и более четверти в Германии находилась под паром; значительные площади были отведены под охотничьи парки и т. п.; господские имения изобиловали лугами и прочими необрабатываемыми угодьями и т. д. Это не могло не повести к возмущению народных масс, их стремлению к отвоеванию земли у господствующих классов, когда население стало быстро возрастать; крестьянам земля была нужна для прокормления, а не для того чтобы разводить куропаток или мериносов.

Революционные потрясения в Европе конца XVIII в. и 1848 г., влияние агрохимии⁵⁴ и импорт продовольствия с освоенных заокеанских земель имели, по мнению Огановского, два важнейших последствия для сельского хозяйства Западной Европы: для эволюции систем полеводства — постановка интенсивных севооборотов; для эволюции *распределения* земли — прекращение давления политических факторов на тенденцию нивелировки размеров хозяйств, «стягивания к середине». В течение столетия урожайность повысилась в среднем 2—2,5 раза (после почти 1000 лет колебания вокруг одного и того же уровня); вместо однообразных многокилометровых пшеничных полей «каждое поле представляет из себя шахматную доску, покрытую пёстрыми разноцветными культурами. Исчезают резкие подъёмы и падения урожаев, человек перестаёт зависеть от капризов климата и вместе с этим избавляется от страха голодовок» (там же, с. 293). Вывод об упрочении позиций среднего сельского хозяйства Огановский делал на основании статистических данных о 3 крупнейших западноевропейских странах и объяснял прекращением давления прежних политических факторов в пользу крупного нетрудового хозяйства и переходом борьбы между разноразмерными формами землевладения в чисто экономическую плоскость, где среднее хозяйство имеет перед крупным преимущества в

⁵⁴ Создание агрохимии и обоснование повышения плодородия внесением в почву минеральных удобрений связано с именем великого германского учёного Ю. Либиха (1803—1873). С конца XIX в. активное использование в Западной Европе минеральных туков закрепило торжество плодосмена и сделало возможным разнообразие вольных севооборотов (Липец и др. 1999, с. 119).

тщательности обработки и экономии на *сокращении пространства*, а перед мелким — в рациональном использовании машин, доступности разнообразия культур и экономии на непроизводительных расходах⁵⁵.

Эволюцию распределения земель в XX в. Огановский прогнозировал, исходя из *демократизации* в Западной Европе *парламентарного законодательства* и завоевания крестьянством (с 1880-х гг.) денежного капитала и кредита, доступного ранее только крупным владельцам, при помощи *кооперации*. Все процессы сельскохозяйственного производства Огановский делил на 1) требующие индивидуального исполнения (вспашка, боронование, удобрение, уход за растениями и животными) и 2) требующие «общественного производства в малых размерах» с усовершенствованными машинами (посев, уборка, молотба). В техническом исполнении этих процессов преимущества на стороне мелких и средних предприятий, а крупное «представляет из себя внешне связанный общим владением и общим управлением агрегат индивидуальных и малых общественных типов производства и потому легко доступно раздроблению» (Огановский 1909, с. 298—299). Поэтому с прекращением их поддержки политическими властями крупные хозяйства «отчасти путём продажи, но пока больше посредством сдачи в аренду будут терять землю» (там же, с. 305). В отличие от собственно сельского хозяйства, где средние предприятия, должны, по мнению Огановского, реализовать свои преимущества в интенсивности и выгодности, техническая *переработка* сельскохозяйственной продукции и *элементы обмена* (кредит, сбыт, покупка) «требуют крупной *массовой постановки дела*», и «на борьбу с крупнокапиталистическими предприятиями этого типа выступает *кооперация*» (там же, с. 305). Успехи кредитной и сбытоснабженческой кооперации в Европе за 25 лет учёный считал сопоставимыми с прогрессом индустриального капитализма за то же время. Скромнее были достижения в *сельскохозяйственной индустрии*, где кооперация завоевывала преимущественно обработку молочных продуктов, сделав, например, Данию «страной крестьянских товариществ»⁵⁶ — неплохим

⁵⁵ К последним Н.П. Огановский относил затраты мелкого хуторского хозяйства на межи, изгороди и постройки, подворно-чрезполосного хозяйства — ещё и излишние повороты плуга при распахке (Огановский 1909, с. 299).

⁵⁶ «В стране крестьянских товариществ» — книга по истории кооперативов в Дании, написанная известным журналистом-экономистом нач. XX в., основателем журнала «Молочное Хозяйство» Е.С. Каратыгиным.

образцом⁵⁷ для идеала *среднего кооперативного хозяйства*, соединения в одну группу нескольких или нескольких десятков индивидуальных хозяйств (Огановский 1909, с. 307). Обозначив кооперативный идеал в завершение своего исследования общих закономерностей аграрной эволюции, Н.П. Огановский обратился к специальному рассмотрению сельскохозяйственного производства и распределения земель в Российской империи, географические различные районы которой представляли собой «живую историю» стадий аграрной эволюции в пространстве.

3.3. Н.П. Огановский: геополитическая экономия аграрной России

Осуществляя поверку теории аграрной эволюции географией российских пространств, Н.П. Огановский внёс уточнения в хрестоматийную характеристику «периодов русской истории как главных моментов колонизации», данную В.О. Ключевским в «Курсе русской истории» (1-й т., 1904). Завершая начатое С.М. Соловьёвым и А.П. Шаповым исследование пространственной обусловленности исторической жизни России, Ключевский выделил периоды:

1) *Днепровский* (VIII—XIII вв.) — политическая раздробленность Руси на области вокруг больших городов на речных путях, направлявших торговлю к черноморским, азовским и волжско-каспийским рынкам — где спрашивались преимущественно продукты лесных промыслов (меха, мёд, воск) и в меньшей степени хлеб.

2) *Верхневолжский* (XIII в. — середина XV в.) — удаление главной массы русского населения от приморских рынков под давлением натиска степного юго-востока; сдвиг в народном хозяйстве к хлебопашеству — возделыванию алаунского суглинка посредством вольного крестьянского труда;

⁵⁷ Более впечатляющим образцом Огановский считал случай русских сектантов-духоборов, переселившихся в конце XIX в. от преследований Святейшего Синода в Канаду при содействии П.А. Кропоткина, Л.Н. Толстого и Л.А. Сулержицкого и привлёкших внимание политэкономов своим своеобразным «коммунистическим» хозяйствованием (Туган-Барановский 1918). «За океаном наши духоборы, расселившись небольшими группами в несколько десятков дворов, обобществили всё производство, поставив его по последнему слову науки. Но духоборческие общины основаны на специфических религиозных верованиях, которых нечего ожидать у серой народной обыденной массы» (Огановский 1909, с. 307).

3) *Великорусский* (с половины XV в. до начала XVII в.) — растекание главной массы русского населения из области Верхней Волги на юг и восток по донскому и средневолжскому чернозёму; политическое объединение под властью московского государя — который правит с помощью боярской аристократии, раздаёт землю в руки вербуемого для внешней обороны служилого сословия, а крестьянское население закрепощает;

4) *Всероссийский* (со второго десятилетия XVII в. до половины XIX в.) — распространение русского народа по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Чёрного, до Кавказского хребта, и проникновение на восток далеко за Каспий и Урал. К Великороссии примыкают одна за другой Малороссия, Белороссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю, опирающуюся на сформированное государством дворянство. Господствующим фактом экономической жизни остаётся труд, окончательно ставший крепостным, к которому присоединяется фабрично-заводская обрабатывающая промышленность.

5) *Пятый период* — после отмены крепостного права — Ключевский характеризовал как продолжение векового движения русской колонизации. «Начался отлив населения из центральных чернозёмных губерний, где оно долго искусственно сгущалось и насильственно задерживалось. Отсюда население пошло разносторонними струями в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и далее за Каспийское море, особенно за Урал в Сибирь, до берегов Тихого океана» (Ключевский 1994, с. 20). Маститый историк отметил переселенческий поток в Туркестан и особенно в Сибирь, возросший благодаря Транссибу.

Н.П. Огановский конкретизировал выделенные В.О. Ключевским 5 периодов русской истории по типам полеводства и распределения земель (Огановский 1911, с. 24–25):

1) киевский период преимущественно лесопромыслового хозяйства, в которое постепенно вырастает экстенсивное переложное земледелие, — период первоначального накопления *движимых* капиталов в руках господствующих классов;

2) верхневолжский период хозяйственного поворота под давлением внешнеполитических факторов в менее благоприятную сторону; сдвиг в сторону подавляющего преобладания земледелия, а в самом земледелии постепенная замена перелога трехпольем; в сфере распределения — переход господствующих классов от захвата *движимого* имущества к *земельному* захвату;

3) московский период рассеяния экстенсивного земледелия по вновь колонизованным территориям Поволжья и Прикамья; в сфере распре-

деления — *раздача* земель сверху господствующему военно-служилому сословию, закрепощение; окончательное обособление замкнутых сословий крестьян и нетрудовых землевладельцев;

4) имперско-дворянский период заселения нового (второго) колониационного пояса (Новороссия и Нижнее Поволжье) и концентрации крупного землевладения во многом на почве фаворитизма, создания крупного товарного *помещичьего* хозяйства;

5) современный период падения трехполья, «дошедшего до своего конца в центральных районах»; начало вступления в интенсивную фазу, сопровождаемое политической борьбой за землю, исчезновением сословных перегородок; продвижение в третий колониационный пояс — на Северный Кавказ, в Сибирь и Среднюю Азию.

«Самобытность» русской истории и в сфере сельскохозяйственного производства, и в отношении распределения выразилась, в *неограниченном просторе земель* и в постепенной их колонизации. Аграрная эволюция России переживает те же три фазиса, что и в Европе, но с растянутостью на дополнительные периоды — вследствие того, что колониационный размах, разреживая население и создавая вовлечением новых и часто более производительных почв широкие возможности для экстенсивных форм, «дает попятный ход» эволюции земледелия — с возвращением к залежи и задержкой расставания с трехпольем. В результате различные районы Российской империи образовали как бы лестницу разных ступеней земледелия — от целинно-залежной в прикаспийских губерниях, где гулевой скот бродил и размножался на просторе степей, до европейски-плодосменной в Привислинском и Остзейском краях; основная же часть доуральской России пришла к «перепаханности» угодий под экстенсивное зерновое трёхполье. Кроме фактора обширной внутренней колонизации на аграрную эволюцию России особый отпечаток наложил и фактор внешнего рынка, особенно в XIX веке, когда пшеница и ячмень заняли доминирующее положение в русском экспорте.

Для производства на отдалённый рынок выгоднее засеивать всю площадь одним злаком. Торговый капитал брался охотно лишь за сбыт тех продуктов, которые не требовали забот и расходов по хранению и первичной переработке. Не считаясь с рациональностью использования почв, требующей разнообразия культур, внешний рынок стимулировал развитие истощавших почву однотонных пшенично-ячменных посевов. В районах Черноморско-Каспийского кольца — Новороссии, Нижнем Поволжье и Северном Кавказе — посевные площади в конце

XIX в. — нач. XX в. быстро росли и давали с каждой десятины в 2—3 больше валового сбора, чем в остальной России. Но эти результаты достигались за счет убыстренного развития хищнического зернового хозяйства, основанного почти исключительно на выращивании двух злаков — пшеницы и ячменя — с ориентацией на мощное расширение внешнего сбыта.

Небывалый нигде в Европе засев более 90% площадей одними зерновыми культурами всё более нарушал равновесие между земледелием и животноводством, отмеченное ещё в XVI в. современниками победы трехполья⁵⁸, — отбирая у скотоводства⁵⁹ не только ячмень, но и ценные концентрированные корма (жмыхи). Результатом стало известное *оскудение центра*⁶⁰ — более низкое плодородие земли в центральных губерниях сравнительно с окраинами: как западными — где уже осуществлялся переход к европейски интенсивным системам земледелия, так и с восточными и южными — где при редком населении естественные богатства почв и простор *ещё* позволяли использовать залежную систему. Таким образом, «на верхнем и нижнем концах той лестницы аграрной эволюции, ступеньками которой являются отдельные области России, мы находим, сравнительно со серединой, более высокую производительность труда». В центре же далеко зашло несоответствие между быстро разросшимся за полвека после отмены крепостного права населением и отсталой системой земледелия — этой несчастной «трехполкой» (Огановский 1914, с. 13).

Как несколько ранее В.В. (Воронцов 1907, с. 28—31) Огановский приходил к выводу об успешности рыночного преобразования сельского хозяйства лишь при внутриотраслевом структурном сдвиге в сторону интенсивного животноводства — под воздействием структурного сдвига в народном хозяйстве в сторону индустрии. В отличие от Воронцова, Огановский не фатализовал негативное воздействие рынка на консервацию структурных диспропорций. Уплотнение земледельческо-

⁵⁸ «В русийстей земли ни злато, ни серебро не ражается, ни велиции скоти», — писал известный публицист XVI в. Ермолай Еразм.

⁵⁹ К концу XIX в. было отмечено измелъчание или вовсе исчезновение некоторых известных российских пород крупного рогатого скота (Энгельгардт 1899).

⁶⁰ «Летописцем» этого оскудения стал сын разорившегося тамбовского помещика С.Н. Терпигорев (1841—1895), чьи очерки (под псевдонимом «Атава»), напечатанные в «Отечественных записках», снискали широкий отклик и вышли отдельной книгой (Терпигорев 1881).

го населения стихийно подталкивает крестьян к ломке старых способов хозяйствования: «концентрическими кругами, от соседа к соседу, от деревни к деревне» распространяются удобрения, усовершенствованные орудия, травосеяние, введение в севооборот корнеплодов — «обрывки интенсивной системы хозяйства» (там же, с. 11). Но «самой системы ещё нет», одними своими силами крестьяне создать её не способны — нужен *«организационный план крестьянского хозяйства»* — повторял Огановский ключевую формулу школы Челинцева — Чаянова.

Мировой рынок, надеялся Огановский, может быть не только помехой, но и подмогой рационализации российского земледелия — если изменить структуру экспорта в пользу интенсивных культур и продуктов животноводства. Резюмируя задачи аграрной политики, направленной на интенсификацию земледелия и развитие пошатнувшегося из-за перепаханности угодий животноводства, Огановский указывал на «оборудование транспортного дела» и кооперирование сбыта. «Первая из этих задач возлагается на правительство, вторая — на нашу трудовую интеллигенцию, которая должна не только организовать сбыт там, где он еще не налажен, но и вступить в борьбу с армией паразитарных посредников в сфере сбыта, уже организованного хищническим торговым капиталом» (там же, с. 16).

Таким образом, теория аграрной эволюции подводила к модификации государственно-кооперативной программы народнической политэкономии — модификации, проведённой организационно-производственной школой, с лидерами которой Огановский разделил активное участие в Лиге аграрных реформ⁶¹, неприятие Октябрьского переворота и последующее сотрудничество с Советской властью, «отблагодарившей» выдающихся экономистов застенками, ссылками и расстрелами. В связи с делом «Трудовой крестьянской партии» Огановский в марте 1931 коллегией ОГПУ был приговорен к 5 годам лишения свободы и после двух лет заточения в 1933 г. на оставшийся срок выслан в Поволжье, дальнейшие его следы теряются. Десятилетие деятельности учёного как «спеца» — сотрудника Наркомата земледелия и профессора МГУ и ряда экономических вузов, отмечено смещением интересов Н.П. Огановского в область экономической географии. Смещением, идеологически вынужденным, но позволившим теоретик-у аграрной эволюции сжато изложить свои выводы уже с оглядкой

⁶¹ В 1917 г. Н.П. Огановский вместе с А.В. Чаяновым редактировал «Статистический справочник по аграрному вопросу».

на опыт революций 1917 г. и предшествовавшего им землеустройства и сформулировать оригинальную концепцию *устойчивого развития производительных сил*.

В единственной в историко-экономической литературе статье об Огановском основное внимание уделено именно его очеркам и учебникам по экономической географии; однако отмечается, что для этой дисциплины Огановский был «человеком со стороны» — не более чем хорошим популяризатором и систематизатором в духе отраслево-статистического направления В.Э. Дена (Дмитриев, Файбусович 2001, с. 112, 117, 118). Экономико-географические работы Огановского предстают в ином свете, если рассматривать их в контексте всего наследия политэконома — в единстве с его теорией аграрной эволюции. И тогда окажется, что Огановский обосновал важнейший стадийный критерий экономического роста — переход к поступательному расширенному воспроизводству, или «самоподдерживающемуся» росту — опередив на добрых полвека дебаты теоретиков модернизации по поводу Self-sustained Growth.

Переход к поступательному расширенному воспроизводству происходит при структурном сдвиге внутри сельского хозяйства от экстенсивного хлебопашества к интенсивному земледелию и товарному животноводству и структурном сдвиге в народном хозяйстве в сторону промышленности. Односторонне-земледельческое народное хозяйство превращается в *двустороннее аграрно-индустриальное* с преобразованием через «развитие рыночности» сельского хозяйства также в *двустороннее сочетание* интенсивных форм многопольного земледелия и продуктивного мясомолочного животноводства (Огановский 1924, с. 10). Посевы клубнекорнеплодов, бобовых, кормовых трав обеспечивают рост товарности земледелия, так как дают продукты либо для продажи в качестве промышленного сырья (свекла и картофель — на сахарные, винокуренные и крахмальные заводы), либо — для откорма скота (кормовые травы, бобовые, турнепс, свекловичный жом), который благодаря увеличению количества кормов становится объектом селекции и источником роста товарной мясо-молочной продукции для растущего промышленного населения городов; выращиваются 50-пудовые свиньи, удойливые коровы и проч. Чередование посевных культур позволяет избежать «выбалтывания» земли, а применение минеральных туков — повысить её плодородие; обеспеченное обилием кормов скотоводство, в свою очередь, содействует росту урожайности зерновых увеличением количества органических удобрений; город с его индустриальными

предприятиями поглощает избыточное сельское население и, предьявляя растущий спрос на продукцию плодосменного земледелия, даёт необходимые для интенсификации усовершенствованные с.-х. машины, искусственные удобрения, развития транспортно-складскую сеть, кредит и т. д. Этот механизм, выражаясь современным языком, обратных связей и цепочек взаимного стимулирования между секторами при переходе к рыночной системе, Огановский определил как *устойчивое развитие производительных сил* — ни один из видов используемых человеком органических природных благ — фауна, флора и плодородие почвы — не подвергается истреблению как даровые запасы, но подлежит восстановлению и умножению.

И ещё один акцент в концепции Огановского, важный именно для геополитической экономии: устойчивое развитие производительных сил при связанном росте интенсивного сельского хозяйства, рыночности и индустрии понимается как своего рода идеальный тип, к которому подводит аграрная эволюция на известной степени густоты населения в определённой географической зоне — странах умеренного климатического пояса.

Что же препятствовало приближению к этому типу в России, где удерживала свои позиции «несчастливая трехполка» и аграрное перенаселение привело не только к беспорядкам 1902 г. и революции 1905 г., но и к великим потрясениям и катастрофам 1917—1922 гг.?

Главной бедой российского сельского хозяйства Огановский считал *малоземелье*, усугубленное долгим грузом выкупных платежей, приниженностью крестьян перед помещиками и начальством, недостатком агрономов и вообще — слабым просвещением деревни.

Реформа 1861 г. вместе с урезанными наделами дала простому народу свободу плодиться и множиться. Задерживаемый крепостным правом естественный прирост после реформы удвоил население за 50 лет. Но производительность земли за это время почти не развилась, относительно слабо эволюционировала и индустрия, и города не могли поглотить и десятой доли прироста сельского населения, в основном оставшегося на той же самой земельной площади, которая должна была теперь прокормить удвоенное количество населения. Отсюда — предельная острота для крестьянской массы вопроса о *земельной прирезке*, которая в действительности при сохранении старого трехполья не была выходом из тупика. «Элементарные расчеты показывают, что даже доведение крестьянских наделов до потребительных норм, при экстенсивном хозяйстве, поглотило бы почти целиком весь фонд

удобных помещичьих, казенных, удельных и монастырских земель» (Огановский 2001. с. 41). В подавляющем большинстве своём лишённые знаний и капиталов, необходимых для интенсификации хозяйства, единственное средство создать себе мало-мальски сносную возможность существования крестьяне видели в прирезке земли. «Всеобщее ощущение острого крестьянского малоземелья передалось и в интеллигентские слои общества. Кто помнит содержание бесчисленных книг и брошюр по аграрному вопросу этой эпохи, тот может подтвердить, что оно, в огромном большинстве случаев, сводилось к такой элементарной схеме: крестьяне бунтуют, потому что они голодны, а голодают они, потому что у них земли мало» (там же).

В конце XX и нач. XXI в., когда никто не читает книг эпохи Огановского, а число апологетов Столыпина множится в большей прогрессии, чем русское крестьянство в конце XIX — начале XX в., малоземелье того времени если и принимается во внимание, то как «миф», созданный большевиками и вообще левыми партиями. Тогда представители не только левых, но отчасти даже правых направлений сходились на том пункте, что земли прибавить крестьянам необходимо теперь же. Однако, после того как за либеральный проект передачи крестьянам части помещичьих имений лишился своего поста главноуправляющий землеустройством и земледелием в 1905—1906 гг. Н.Н. Кутлер, и была дважды разогнана Государственная Дума, где громко звучали голоса крестьянских депутатов (вовсе не революционеров), вопрос был закрыт. Призванный во власть П.А. Столыпин сделал ставку «на сильных» — на разрушение общины, на отслаивание от крестьянства некоторого количества сельской буржуазии, которое могло бы служить правительственной опорой и оплотом против антипомещичьего недовольства остальной крестьянской массы. Правительство Столыпина «спроектировало комбинацию, удовлетворяющую и его собственным политическим интересам, и назревшим хозяйственно-экономическим нуждам страны» (там же, с. 43). Пренебрегая заботой о слабых элементах крестьянства, до тех пор являвшейся основной идеей большинства общественных направлений, оно озаботилось созданием значительного по величине, политически-консервативного и экономически-сильного класса собственников-хуторян.

Огановский показал односторонность расхожих мнений как противников, так и сторонников общинного землевладения. Первые игнорировали факты, свидетельствовавшие о возможности улучшений — вплоть до коренной реорганизации системы полеводства или трансформации се-

вооборотов — в рамках общины и о том, что прогресс сельского хозяйства не задаётся формами земельной собственности, а связан с глубже лежащими факторами уплотнения и социокультурного развития населения. Вторые были неправы в том, что община препятствует расслоению крестьян — в действительности она заключает в себе целую гамму дворов различной экономической силы, безлошадных и многолошадных, нанимающих батраков и идущих в батраки; массовые статистические цифры не дают указаний на меньшую расслоенность общинников сравнительно с подворниками. Что касается наиболее острого аргумента с обеих стороны — чрезполосицы, то она обусловлена более не общиной, а деревенской формой поселений как таковой — с дальностью полос, избавиться от которой можно только путем расселения больших деревень — единоличного (хутора) и группового (отруба).

Огановский соглашался с тем, что хуторизация является самым радикальным средством уничтожения не только вредной, но и всякой чрезполосицы, и с технической точки зрения хутора там, где они возможны, почти совершенная форма землеустройства. Но распространение её наталкивается на существенные ограничения культурно-исторические (опасность вражеских нашествий, национальные привычки), и особенно географические, связанные с доступностью к источникам воды и дорожной сети.

В современной терминологии первые ограничения можно назвать геополитическими и институциональными, вторые — инфраструктурными. Акцентируя их значение для России, Н.П. Огановский ссылаясь на главного иностранного советника при проведении землеустройства — датчанина А.А. Кофода — и на самого П.А. Столыпина.

Все страны процветающего хуторского расселения — Дания, Швеция, США, Канада — страны многоземельных крестьян. На трех десятинах завести хутор нельзя. «Недаром во всех районах расселения в России говорят, что переход к хуторскому хозяйству не помогает малоземельным, недаром законодательства скандинавских стран, поощряя расселение, позаботились о предоставлении возможности малоземельным оставаться в селениях», — отмечал А.А. Кофод. «Словом, массовое расселение на хутора, — добавлял от себя Н.П. Огановский, — у нас, как и везде, требует «прирезки земли», которую с таким негодованием отвергло наше правительство» (там же, с. 52–53). Немецкие колонисты-меннониты устроили высокоурожайное хуторское хозяйство в Самарской губернии — но у меннонитов, в среднем, 93 десятины на семью — в 18 раз больше, чем у русских крестьян той же губернии.

Обладая порядочными капиталами, меннониты смогли обеспечить и главное естественное условие хуторизации — обводнение угодий. «Хуторское расселение всецело зависит от условий водоснабжения», — цитирует Огановский никого иного, как Столыпина; без воды хутора абсолютно невозможны, а при малых колодцах обречены на жалкое существование. Потребность в воде увеличивается с интенсификацией земледелия — гуще и выше растут полевые культуры, поглощающие почвенную влагу; «хуторизация без достаточного орошения возможна в сухих районах только на больших площадях и при чисто зерновом (хищническом) хозяйстве, которое через несколько лет, или — на лучших почвах — через несколько десятилетий — истощит землю и приведёт к необходимости переселиться на новые места или создать гигантскую систему орошения» (Огановский 1917, с. 38).

В этом выводе Огановского⁶² — и критерий взвешенной оценки «административного восторга», проявленного при поспешном и насильственном насаждении «столыпинских» хуторов⁶³, и предвосхищение возникших уже во второй половине XX в. проблем из-за пагубного сокращения чистых паров в главных житницах Советского Союза — зонах недостаточного увлажнения. Проблем, обеспечивших СССР печальное лидерство в импорте зерновых (Белозерцев 1998, с. 102–103, Липец и др. 1999, с. 120).

Теория аграрной эволюции Н.П. Огановского была наиболее масштабным применением историзма для обоснования народнической государственно-кооперативной программы некапиталистического развития России. Систематизированный учёным материал — предостережение от новых попыток вывести сельское хозяйство страны из обусловленного природно-климатическими и долгосрочными историческими факторами состояния нужды за счёт одной единственной «добродетели» — будь то столыпинская хуторомания, сталинская коллективизация, вильям-

⁶² Почему-то опущенном при переиздании работы «Разрушение общины» в 2001 г.

⁶³ «Хутору нужен выход к воде. Это можно обеспечить в северо-западных губерниях. Но большая часть европейской России засушлива и маловодна. Каждый хутор прилепить одной границей к речке или пруду невозможно. Бурить артезианские колодцы крестьянам не под силу. Да и надо знать, где бурить. Но инструкции первых лет реформы упрямо твердят: «Наиболее совершенным типом земельного устройства является хутор». И исполнительные чиновники нарезают хутора в безводных заволжских степях. Инструкция выполнена, а там хоть трава не расти» (Дякин 1990, с. 120).

совское травополье, хрущёвская кукуруза или гайдаровские посулы от «полноценного земельного рынка». Концепция Н.П. Огановского представляет ценность и в ином отношении — как вклад в методологию построения политэкономической теории всемирно-исторического процесса.

3.4. Геополитическая экономия всемирно-исторического процесса

В конце XX в. белорусский экономист С.В. Онищук предпринял оригинальную попытку уточнить и модифицировать предложенный К. Марксом стадияльный критерий развития производительных сил общества для объяснения неудач исторических предсказаний самого Маркса и фактов неравномерности хозяйственного развития отдельных стран и целых регионов планеты. Обосновывая новый взгляд на феномен зарождения капитализма в Северо-Западной Европе и на предпосылки, позволившие Японии стать единственной из стран Востока, сумевшей утвердиться на пути независимого капиталистического развития, Онищук внёс принципиальные уточнения в историко-материалистическую схему Маркса, не подозревая, что повторяет логику эволюционной концепции Н.П. Огановского:

1) первостепенное значение долговременных тенденций интенсификации сельского хозяйства сравнительно с характером отношений собственности;

2) определяющее влияние сгущения населения на переход от менее интенсивной к более интенсивной системе земледелия;

3) «отщепление» достаточного количества рабочей силы от земледелия как важнейшее условие перехода к индустриальному типу производительных сил, к капиталистической формации;

4) степень интеграции животноводства в земледельческую систему как критерий того ускорения роста производительных сил, которое в итоге позволяет при умеренном увеличении трудозатрат существенно увеличить производство в сельском хозяйстве и направлять непрерывно возрастающее число работников в промышленные отрасли;

5) уникальность умеренно-климатического пояса Европы для создания предпосылок интеграции земледелия и животноводства, обусловившей успешный переход от классического трёхполья к травополью и плодосмену и тем самым — начало развития капиталистических отношений на основе высвобождения работников из аграрного сектора и их

поглощения промышленными отраслями, в том числе производящими средства производства.

Опираясь на работы датской исследовательницы Э. Босеруп и англо-американских историков-экономистов второй половины XX в., С.В. Онищук получил результаты, повторяющие ключевые выводы теории аграрной эволюции, сделанные ещё в начале XX в. Н.П. Огановским⁶⁴. Правда, Онищук пошёл дальше: от воспроизводственной типологии систем сельского хозяйства и модели «преодоления компенсационного барьера для увеличения доли несельскохозяйственного населения» он перешёл к типологии моделей индустриального роста (синхронная, структурно-адаптационная, форсированная), учитывающей экономические и политические зигзаги XX в.

Концепцию политической экономии мирового исторического процесса С.В. Онищука, как и теорию аграрной эволюции Н.П. Огановского, можно отнести к *геополитической экономике*, так как исходные пункты расхождения в генезисе капитализма определяются, в конечном счете, природными условиями. Высшая ступень интеграции животноводства и земледелия характерна для сельскохозяйственных систем западной и центральной части умеренного пояса Европы; средняя — для восточной части умеренного пояса Европы и пояса субтропиков от Испании и Магриба до Китая и Японии; низшая — для тропического пояса. Субтропическое сельское хозяйство Средиземноморья (включая двуполье Римской империи) и трудоинтенсивные азиатские системы земледелия характеризовались вытеснением скота из земледелия и замещением пастбища пашней; в дальневосточном регионе дезинтеграция земледелия и животноводства привела почти к исчезновению пастбищ с минимизацией количества крупного рогатого скота⁶⁵; тогда как в умеренном поясе Европе трехполье (сменившее

⁶⁴ Вывод о степени интеграции животноводства в сельскохозяйственную систему как критерии прогресса производительных сил был обоснован также в незавершенной работе (Морозов 1968) одного из основателей советской экономической географии Н.В. Морозова (1893—1949).

⁶⁵ Как отметил Н.В. Морозов, Древний Восток с его контрастными типами ландшафтов развил обе основные отрасли сельского хозяйства как ведущиеся раздельно, обособленно одна от другой: кочевое скотоводство в полупустынях, плужное земледелие в крупных речных долинах и в других местностях, где при наличии возможностей для искусственного орошения или при достаточном естественном увлажнении кочевники-скотоводы не захватывали земли под свои пастбища (Морозов 1968, с. 182).

залежную систему) позволило при гораздо меньшей сравнительно с субтропиками плотности населения постепенно наращивать поголовье скота; потребность в сохранении этой тенденции в условиях сгущения населения и наступления пашни на пастбище подтолкнула к травополью и плодосмену.

Придавая, как и Н.П. Огановский (и в отличие от К. Маркса) ключевое значение росту плотности населения, С.В. Онищук вводит понятия гравитационного коллапса и демографического коллапса, связывающие с динамикой народонаселения и подушевой производительности то, что принято называть центростремительными и центробежными политическими тенденциями.

Аграрное перенаселение — со снижением земледельческого продукта на душу населения по мере сокращения обрабатываемой площади в расчете на работника — влечет за собой снижение удельного веса неземледельческого населения. Политическая власть отвечает на это ограничением свободной торговли зерном и таксацией цен, регламентацией ремесла, истреблением части знати и крупных торговцев с конфискацией их земель и капиталов, сменой рыхлой феодально-клановой структуры жесткой социальной пирамидой. Разновидностями гравитационного коллапса можно считать образование единых государств-деспотий в Индии и Китае, переход Римской республики в империю, установление католического абсолютизма в Испании, режима Токугава в Японии. Гравитационный коллапс тормозит рост населения и стабилизирует подушевое потребление, но новое повышение численности населения ведёт к обнищанию, а государственное (через рост налогов) перераспределение зерна в пользу неземледельческих сфер (ремесло и управление) — к социальному недовольству и восстаниям. Если карательный аппарат ослаблен снижением силы и довольствия ввиду недостатка средств, централизованная государственная структура распадается; население сокращается вследствие голода и междоусобных войн — происходит демографический коллапс, «сбрасывающий» весь прирост населения (до 40% от общей численности).

Такие коллапсы, выражающие присущую докапиталистических обществ тенденцию *циклического развития расширенного воспроизводства*, неоднократно происходили в Китае, Индии, Средиземноморье, сопровождаясь, как правило, опустошительными нашествиями кочевых народов. В ходе демографического коллапса XIV—XV вв. н. э. Византийская империя распалась и была завоевана кочевниками-турками, в результате чего возникла Османская империя. Коллапсы осо-

бого характера с незавершенной «ползучей деспотизацией» и подрывом экосистем происходили в тропическом поясе (там же, с. 30—31).

Северо-Западную Европу миновал гравитационный коллапс, поскольку гораздо большая роль скота при трехполье, чем при двухполье и трудоинтенсивном земледелии, привела с наступлением пашни на пастбище сразу к демографическому коллапсу. В виде так называемой «черной смерти», общеевропейской эпидемии чумы в середине XIV в., последствия которой в Северо-Западной Европе кардинально отличались от последствий демографического коллапса в субтропической полосе. Сокращение населения привело к высвобождению скота. В расчете на душу населения увеличилось как количество земли, так и количество скота. Сокращение потребностей в продовольствии позволило выделить часть пашни для выращивания овса для лошадей. Внедрение лошади, в свою очередь, позволило значительно увеличить обрабатываемую площадь в расчете на хозяйство. Но только в ряде областей вокруг Северного моря — Англии, Нормандии, Голландии, Фландрии — был накоплен минимум поголовья скота, необходимый для этого перехода к травополью с внесением нужного количества органического удобрения. Во внутренних областях Центральной Европы скота было все еще недостаточно, вновь началось наступление пашни на пастбище, приведшее к падению урожайности и новому демографическому коллапсу в XVII в., сильнее всего поразившему Германию.

В России гравитационный коллапс в XVI в. проходил в условиях перехода от залежных систем к трехполью и завершился в начале XVII в. демографическим коллапсом (Смутное время). Однако не произошло высвобождения скота вследствие недостаточности его поголовья. В дальнейшем происходило неуклонное наступление пашни на пастбище, однако этот процесс в сильной степени замедлялся миграцией населения на обширные неосвоенные территории.

Природным преимуществом региона возникновения капитализма — берегового кольца вокруг Северного моря Европы (Англия, север Франции, Нидерланды) — было наличие условий для содержания скота: обилие естественных пастбищ и длительный безморозный период, в течение которого скот можно было пасти, не прибегая к заготовке кормов. Чем дальше на восток Средней Европы, тем короче безморозный период и, соответственно, длиннее период стойлового содержания скота, и тем большая потребность в заготовленных кормах. Необходимость дополнительных трудозатрат по заготовке кормов не позволяла земледельцам Центральной и особенно Восточной Европы

наращивать поголовье скота такими же темпами, как Англия. И именно в Англии принял необратимый характер переход от циклического типа расширенного воспроизводства к поступательному.

Детали историко-воспроизводственной типологии С.В. Онищука, как и теории аграрной эволюции Н.П. Огановского могут быть оспорены, но положения о стадийном и цивилизационном значении интеграции животноводства в земледельческую систему и о переходе в Европе от трёхполья и к травополью и плодосмену как факторе прорыва в индустриальное общество выглядят убедительными. Между тем *ни один* из существующих в России вузовских учебников по экономической истории об этом факторе — агротехнологической революции — не упоминает, а единственный переводной курс ограничивается одним абзацем (Камерон 2001, с. 208—209). Как подступы к геополитической экономии всемирно-исторического процесса, преодолевающей ограниченность формационного подхода и расплывчатость «цивилизационных», концепции Огановского и Онищука ценны обоснованием значимости социально-демографического и структурно-отраслевого аспектов. Но есть ещё один аспект, намеченный у обоих авторов отдельными штрихами, но знаковый для конца XX в. и нового XXI в. — аспект экологический.

Введённая Н.П. Огановским категория *устойчивого развития производительных сил*, подразумевавшая такую структурную сбалансированность земледелия, животноводства и городской индустрии, при которой они стимулируют рост друг друга, акцентировала момент восстановления человеком трёх органических благ природы — флоры, фауны и почвы. В понятие «устойчивое» Огановский вкладывал именно тот смысл, который содержится в английском термине *sustainable*. Современная формула устойчивого развития (*sustainable development*) появилась в 1980 г., а вошла в обиход после Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992). Хотя экологическая проблематика звучит обертоном в теории Огановского, русский политэконом-народник может считаться предшественником современного обсуждения «механизма формирования устойчивой цивилизации».

Как политэконом-народник Огановский стремился обосновать путь *некапиталистического развития*. Не отрицая фактов расслоения русской общины и помех, создаваемых ею росту производительности труда, Огановский настаивал, что община «важна в настоящем, как страховой союз для обеспечения прирастающего населения землей, она важна для будущего, как зародышевая ячейка грядущего коллективиз-

ма. Как она ни плоха сейчас, но только в ней могут сохраниться те чувства, те психические настроения масс, которые облегчат переход к земледельческой производительной кооперации» (Огановский 2001, с. 47). Не отрицая капиталистического крупнопромышленного прогресса, Огановский доказывал, что особенности сельского хозяйства, требуя не столько основного, сколько оборотного капитала, дают преимущества предприятиям средних размеров. Убежденность Огановского в том, что процесс аграрной эволюции состоит не в разделении труда и упрощении приёмов, как в промышленности, а в *соединении* различных видов труда и *усложнении* приёмов (распашки, севооборотов, внесения удобрений, ухода за растениями и скотом, селекции и т. д.), привела к своеобразной формулировке критерия прогресса хозяйственной деятельности человека: способность содействовать природе в производстве благ (там же, с. 567). Если в доземледельческом фазисе человек занимался голым истреблением даровых благ природы, а в экстенсивном земледельческом — развивал одни элементы творчества природы в ущерб другим, то интенсивный фазис Огановский считал тенденцией к прекращению истребления и «развитию всех сторон *природного творчества*».

Пути аграрной эволюции XX в. оказались много сложнее, чем предполагал в начале столетия Огановский, считавший, что особенности сельскохозяйственного производства влекут его к дроблению, не давая ходу крупным предприятиям ни о капиталистической, ни в коллективистической форме. Трагический опыт форсированной коллективизации в СССР требует отдельного рассмотрения, но среди его уроков — недопустимость «догматизма концентрации», против которого так горячо протестовал Огановский. Эволюция же сельского хозяйства в передовых странах подтвердила правоту Огановского в формулировке интегрального критерия сельскохозяйственного прогресса: блестящие результаты «аграрной революции» XX века были достигнуты за счёт интенсивных систем, *интегрирующих* обработку земли и животноводство (Ван дер Вее 1994, с. 71–72). Русский экономист ошибся в прогнозах о преимуществах мелкомасштабных аграрных предприятий и не смог предвидеть столь резкого падения удельного веса сельского хозяйства в структуре занятости и национального продукта. Н.П. Огановский, как и теоретики организационно-производственной школы, осознавал альтернативность эволюции сельского хозяйства в XX веке. «Если бы было побеждено значение пространства, техника производства стала бы благоприятной для концентрации, и если к тому времени

кооперация не разовьёт достаточной силы, то наши потомки увидят победоносное шествие капитализма и в сельском хозяйстве» (Огановский 1911, с. 303). Эволюция фермерства в США закрепила ту тенденцию, которой организационно-производственная школа противопоставляла планы «кооперативной коллективизации», — подчинение сельскохозяйственного производителя системе высококонцентрированного агробизнеса с господствующим положением крупных посреднических фирм, контролирующих инфраструктуру производителей конечной продукции. Революционное повышение урожайности полевых культур и продуктивности скота оказалось более связанным не с «оживлением» труда (переменный капитал), а с наращиванием *постоянного* капитала (основного и элементов оборотного) — механизацией, компактные формы которой преодолели указанные Огановским ограничения в применении машин; концентрацией производства комбикормов, химических удобрений, стройматериалов для сельского хозяйства на специализированных фабриках; разработкой высокоурожайных сортов семян в научно-исследовательских центрах.

Оборотной стороной химико-механической интенсификации сельского хозяйства и использования в агросфере методов, приближающихся к фабричным, стало массивированное техногенное воздействие на природную среду, приведшее к негативным экологическим последствиям (Ковалёв 2005, с. 23). Приоритеты появившейся в конце XX в. альтернативной биодинамической агрокультуры напоминают идеалы Н.П. Огановского: искусное использование потенциала живой природы; неукоснительное использование севооборотов, включающих бобовые; возрастание роли живого труда; путь к спасению мелкого фермерства (там же, с. 25—27). Хотя удельный вес биодинамического, или органического земледелия пока очень незначителен (0,2% посевных площадей), оно вносит свою лепту в современное обоснование идеологии устойчивого развития, предтечей которой был российский политэконом.

Один из наиболее ярких представителей обновлённого народничества, Н.П. Огановский ввёл в этическую постановку аграрного вопроса «защиту органической деятельности природы». «Мы считаем с *общенародной* точки зрения недопустимым хищническое истребление лесов по берегам реки, или рыбы в реках, или плодородия почвы в целинных степях, все равно, расхищают ли это общенародное достояние крестьяне или капиталисты»; «безусловно важен тот факт, что запасы природных благ — величина *ограниченная* и поддающаяся уничтоже-

нию» (Огановский 1911, с. 565). В этих словах — предвосхищение современной политэкономической формулировки *национального интереса*, обязательно подразумевающего учёт интереса будущих поколений перед лицом ресурсных и экологических ограничений.

Глава 4. Геополитическое измерение глобальной модели экономической динамики Н.Д. Кондратьева

Тектологическое исследование «цепных процессов расширения и сужения рынка» (Богданов 1916, № 3, с. 141) как глобальной экономической разновидности самой распространенной формы *восстановления равновесий* — периодических колебаний или «волн» (Богданов 2003, с. 35) — вошло в концептуальный фонд школы русского циклизма, обозначившейся в начале XX в. и особенно ярко — в 1920-е гг. (Яковец 1998, с. 52–57). Видный климатолог М.А. Боголепов (1875–1933) ещё в 1907 г. обнаружил примерно 33-летнюю периодичность голодовок и набегов кочевников в исторической жизни Европейской России, высказав гипотезу о возможной связи климатических колебаний с 11-летней периодичностью пятнообразовательной деятельности Солнца (Боголепов 1912). Революционные события 1917 г. значительно усилили интерес к возможной связи между колебаниями солнечной энергии и земными политическими бурями. Об этом писали и не торопившийся с выводами археоастроном и метеоролог Д.О. Святский (1881–1940), и выдающийся физиолог В.М. Бехтерев; а наиболее масштабную — геобиологическую — концепцию построил историк и естествоиспытатель А.Л. Чижевский (Чижевский 1924). Его книга появилась в том же году, что и доклад Николая Дмитриевича *Кондратьева* (1892–1938) «Большие циклы конъюнктуры», ставший крупнейшим явлением школы русского циклизма.

Гипотеза Кондратьева выросла из солидной традиции политэкономического изучения периодических экономических кризисов как теории колебаний конъюнктуры — с построением моделей, подкреплённых статистическими сводками и основанных на гипотезах о циклах различной длительности. Американский экономист Х.Л. Мур (1869–1958) построил модель 8-летних экономических циклов как производных от циклов урожайности, генерированных факторами космического порядка (Вайнштейн 1928; Кондратьев 1993, с. 27). Самый молодой представитель германской исторической школы А. Шпитхоф (1873–1957)

обнаружил два типа длительных периодов экономической динамики — «прилива» и «отлива», повышательный и понижательный (Солнцев 1933, стб. 349—350; Кондратьев 1993, с. 28). Сотрудники руководимого Кондратьевым Конъюнктурного Института при Наркомате финансов изучали разнообразные аспекты циклической динамики, включая и волны научно-технических нововведений, и возможное влияние колебаний солнечной активности на экономическую конъюнктуру.

Глобальный характер модели самого Кондратьева предопределил её геополитэкономический ракурс, выраженный в подмеченных теоретиком *эмпирических правильностях* больших циклов, особенно в первой: наиболее интенсивные изменения в условиях хозяйственной жизни общества происходят перед началом повышательной фазы каждого большого цикла, а иногда и в самом начале её. Эти изменения включают:

- значительные технические изобретения и открытия;
- глубокие изменения в технике производства и обмена;
- *усиление роли новых стран* в мировой хозяйственной жизни;
- изменения условий денежного обращения, связанные в том числе с открытием новых месторождений золота.

Повышательная волна *первого* из выделенных Кондратьевым больших циклов начинается (рубеж 1780—90-х гг.) в разгар *промышленной революции*, охватившей основные отрасли промышленности в Англии и в меньшей степени во Франции, и сопровождается первым значительным шагом к выступлению США (с 90-х гг. XVIII в.) на мировом рынке, следовательно, заметным расширением его орбиты. Повышательной волне *второго* большого цикла предшествуют развертывание железнодорожного строительства и изобретения, подготовившие бурный рост (с 40-х гг. XIX в.) морского транспорта, а непосредственный импульс ей дал значительный рост золотодобычи после открытия россыпей в Калифорнии (1848) и Австралии (1851). В связи с развитием морского транспорта намечается новый этап в усилении роли США на мировом рынке. Наконец, начало повышательной волны *третьего* большого цикла совпадает с новой промышленной революцией, вызванной бурным прогрессом естествознания, особенно электродинамики и химии, и связанной с переворотом в моторной технике в области силовых и рабочих машин, в технике освещения и связи благодаря применению электричества и двигателей внутреннего сгорания. Происходит лихорадочное освоение новооткрытых золотых россыпей на разных континентах (Аляска, Клондайк, Колорадо, Мексика, Транс-

вааль, Индия, Западная Австралия), а в мировой рынок, помимо США, широко вовлекается ещё целый ряд *стран молодой капиталистической культуры* — Канада и Австралия. Аргентина и Чили.

Беглый анализ Кондратьевым «витков» повышения с каждым новым большим циклом значимости США в мировом хозяйстве должен быть дополнен прежде всего тем фактом, что поворотное и обязанное росту морского пароходства событие усиления роли США на мировом рынке с середины XIX в. сопровождалось принудительным «открытием» Японии под дулами «чёрной эскадры» (1853) с последующими Ансэйскими договорами, так что усвоение дальневосточной страной индустриального темпа западной цивилизации было своего рода перекатом растущего могущества США, за два больших цикла шагнувших к мировому промышленному лидерству. В отдельном очерке об индустриализации Соединённых Штатов Кондратьев подробно остановился на географических и исторических факторах исключительного роста производительных сил заокеанской державы. Прежде всего — чрезвычайно благоприятное положение на огромной, но компактной по своему рельефу части североамериканского материка в отдалении сильных соседних стран, что в значительной степени предопределило прочное хозяйственно-политическое единство страны и сравнительно спокойные условия её развития (Кондратьев 1926, стб. 194—195). Извилистые берега благоприятствовали выходу к основным морским торговым путям, обширные территории с разнообразием богатых почв — развитию всех основных отраслей сельского хозяйства, богатейшие ископаемые ресурсы (огромные запасы угля, железа, цветных металлов) — росту промышленности. Иммиграция явилась ускорителем экономического развития, рекрутируя кадры рабочей силы из населения не просто активного, ищущего лучшей доли, но долгое время прибывавшего главным образом из стран высокоразвитой культуры, что приносило в американское население не только предприимчивость, но и хозяйственный опыт. Приток капитала из тех же культурных стран (Англия, Германия) завершил «комбинацию благоприятных условий для роста» (там же, стб. 198—199).

В написанной тогда же (1926), что и «Индустриализация С.Ш.», статье «Проблема предвидения» (1926) Кондратьев привёл в качестве примера верного прогноза утверждение Брукса Адамса (1857—1927), что экономический центр мира переместился в Соединенные Штаты: удельный вес их в мировом хозяйстве будет и дальше быстро повышаться, а «весь мир будет платить им дань» (Кондратьев 1993, с. 163).

Вызывающий трактат Адамса «Новая империя» был издан в русском переводе (под заглавием «Новая держава») братьями Рябушинскими во время их попытки объединения московских предпринимателей и профессуры для обоснования «экономической идеи Великой России». Адамс, будучи решительным идеологом американского экспансионизма⁶⁶, выстроил концепцию всемирной истории как сдвигов великодержавия с востока на запад вместе с *перемещением торговых путей и центров разработки минеральных богатств*. «Минералогия и география должны способствовать разумению истории... ибо первая позволяет распознавать те силы, которые передвигали центры государственности, а география — те препятствия, которые встречало это передвижение по пути наименьшего сопротивления» (Адамс 1910, с. 3).

Ни кружок Рябушинских, ни Кондратьев не обратили внимания на другой прогноз Адамса: о противостоянии США и России. Убеденный в предназначении США как «новой мировой империи», Адамс полагал, что судьба XX столетия определится в зависимости от того, кто овладеет ресурсами и рынками Китая: там США придётся столкнуться с Россией, утвердившейся в Маньчжурии и Приамурье и строившей трансконтинентальную железную дорогу с конечными пунктами-портами в заливах Желтого моря. Считая страны Восточной Азии, прежде всего Китай, рынками, необходимыми для американской промышленности, Адамс проповедовал достижение любыми средствами, включая военные, преобладания над Россией, изображая ее не только главным будущим соперником США на мировой арене, когда Европа отойдет на второй план, но прямой наследницей Византийской империи и всегдашним антиподом западной цивилизации. Выводы «первого американского геополитика» были безапелляционны: «в мировом хозяйстве нет пространства для двух центров богатства и империи. Слабейший должен быть принесен в жертву. Один организм в конце концов разрушит другой» (цит. по: Commager 1950, p. 289).

Западная Европа стала отходить на второй план после I мировой войны, из которой США вышли, располагая более чем половиной мирового золотого запаса; производя до половины и более мирового объема чугуна и стали, алюминия, меди, фосфатов; добывая до 70% нефти в мире. В заключение своей статьи о Соединенных Штатах Кондратьев

⁶⁶ Именно Адамс уговорил всерьез заняться политикой будущего «великого президента» и идеолога «большой дубинки» Т. Рузвельта (Хофстедтер 1992, с. 245).

отметил как кульминационный пункт их общеэкономического и индустриального развития, что они становятся из страны преимущественно сельскохозяйственного экспорта всё более страной индустриального экспорта, а из страны импорта капитала превратились в страну наиболее развитого фондового капитализма и, «заменяя Францию, отчасти и Англию, приступают к грандиозному экспорту капиталов» (Кондратьев 1926, с. 270). США поддержали восстановление английского фунта стерлингов как основы мировой валютной системы золотого стандарта, а по общему объёму экспорта капитала к концу 1920-х гг. ещё несколько отставали от Англии⁶⁷. Именно это *двоецентрие* мирового капиталистического хозяйства — когда Англия уже не могла быть его стабилизатором, как в XIX веке и вплоть до 1913 г., а США ещё не «дозрели» до полного лидерства, — было признано глубинной основой «великой депрессии» 1929—1933 гг. в наиболее известном ретроспективном её объяснении (Kindleberger 1973). Современников (и профессиональных экономистов более, чем остальных очевидцев) «великий крах» 1929 г. ошеломил. Но он подтверждал ещё одну эмпирическую правильность, подмеченную автором гипотезы больших циклов: периодические кризисы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, должны характеризоваться особой длительностью и глубиной. Однако в СССР беспрецедентный кризис мировой капиталистической системы был воспринят не иначе, как её агония. Концепция Кондратьева, ещё в середине 1920-х гг. ставшая мишенью для коммунистических «вождей», была зачислена в разряд буржуазно-апологетических. Сам же автор модели после «дела ТКП» угодил в застенки и следить за ходом мирового экономического развития был вынужден из тюрьмы. Политзаключённый Кондратьев с полным основанием считал, что его идеи и основанные на них прогнозы «получили жизненную проверку и вошли в фонд признанных положений». Убитый преступным режимом, он уже не увидел капитального труда самого эрудированного экономиста XX века Й.А. Шумпетера «Деловые циклы» (1939), в котором долгосрочные циклы конъюнктуры, интегрированные в инновационную теорию экономической динамики, получили укоренившееся наименование «длинных волн Кондратьева».

На Западе «великая депрессия» дала импульс новому научному направлению — истории *вековой экономической конъюнктуры*. Тон задал

⁶⁷ В 1930 г. соответственно (без учёта военных долгов) 19,4 и 20,9 млрд. долларов (Бортник 1931, стб. 354).

профессор Высшей практической школы в Париже Франсуа Симиан (1873—1935), выпустивший в 1932 г. книги «Старые и новые движения с XVI по XX вв.» и «Экономические колебания в течение длительного времени и мировой кризис». На основе анализа статистических данных о колебаниях цен в течение веков Симиан сделал вывод о чередовании в ходе мирового экономического развития повышательной и понижающей фаз конъюнктуры, сопровождаемой «интерциклами». Почин Симиана стал поворотным пунктом в историографии XX в., углубившейся в изучение вековых экономических трендов, чтобы услышать «музыку долгосрочной конъюнктуры, звучащей на два голоса» (Бродель 1992, с. 76).

После «кейнсианской революции» экономисты на значительное время оставили длинноволновую модель экономической динамики в «запруде», пока структурные кризисы 1973—75 гг. не дали хода её новым течениям. «Волны Кондратьева» стали расходиться — большими или меньшими кругами — не только по пространству экономического знания и смежных с ним областей общественных наук, но и по шкале времени большой длительности. Дополненная введённой для интерпретации великой депрессии Ч. Киндлбергером категорией *гегемонистской стабильности* и экстраполированная к исходному пункту формирования мирового рынка глобальная модель экономической динамики Н.Д. Кондратьева стала основой построения модели *циклов гегемонии великих держав* (Модельски, Томпсон 1992) и новой субдисциплины на стыке геоэкономики и политологии — *геоэкономической политики* (Лапкин, Пантин 1999).

Геоэкономическая политика опирается на историческую реконструкцию последовательной смены лидеров-центров и противочентров в глобальной системе политической дифференциации, мобилизации ресурсов, территориального размещения производства и накопления капитала. Обоснованную мир-системным подходом трихотомию гегемонии в капиталистической мир-экономике (Валлерстайн 2001, с. 95—108), российская концепция геоэкономической политики дополняет анализом «противочентров», бросающих вызов державам-гегемонам в циклах глобальной динамики. Если лидеры-центры капиталистической мир-системы возникали из «соединённых» государств⁶⁸ с относительно ранней деполитизацией экономики и формированием ёмкого внутреннего рын-

⁶⁸ Соединённые провинции Северных Нидерландов, Соединённое королевство Великобритании, Соединённые Штаты Америки.

ка⁶⁹, стимулирующего интенсивную мировую океаническую торговлю и рыночную индустриализацию, то противочетры складывались как мощные военные континентальные державы-империи (абсолютистская Франция, германский рейх, СССР) с проведением силовой индустриализации «сверху» (кольбертизм, бисмаркизм, сталинизм) и состоянием незавершенной (и как правило, неорганичной) модернизации. Смена гегемона отличается логикой «хронополитического воспреемства»: старый центр-лидер встраивается в гегемонию нового центра, укрепляя и её, и самого себя (отношение Голландии к Англии после войны за испанское наследство, Англии к США после второй мировой войны). Гораздо драматичнее судьба противочетров: предельное напряжение сил с затяжным вмешательством государства в экономику, подавлением процессов внутренней политической дифференциации и ожесточенным внешним противоборством позволяет достичь «героического мига», но за этим следует крах в результате перенапряжения мобилизационных структур имперского типа.

Определение пространственных, ресурсных и культурно-цивилизационных факторов циклической динамики мирового хозяйства и державного мироустройства позволяет геэкономически уточнить критерии цивилизационного подхода к экономической истории России и выделить волны модернизации российского общества с прогнозом ситуации будущего (Лапкин, Пантин 2004, с. 221–243). Таким образом, концепция геэкономической политики стыкует не только геэкономику и геополитику, но и кондратьевскую глобальную модель экономической динамики с моделями российских экономико-геополитических школ, существовавших в первой трети XX в. и рассматриваемых далее.

⁶⁹ Ф. Бродель подчеркнул, что Англия осуществила «революцию национального рынка», первой достигнув политически и экономически связанного пространства с развитой транспортной инфраструктурой и широким внутренним спросом. Благодаря чему и взяла в итоге верх над небольшой Голландией, чья территория была незначительна, а деятельность капиталистов ориентирована почти исключительно на внешние рынки. Этот факт учитывается В. Лапкиным и В. Пантиным, которые рассматривают Голландию в качестве «центра-предвестника» до появления полновесных лидеров капиталистической мир-системы — Великобритании и США.

Глава 5. Экономическая концепция евразийства

5.1. Политэкономические истоки доктрины евразийства

Затрагивать проблему евразийства значит становиться на зыбкую идеологическую почву, расхлябанную поливами пристрастной полемики, политиканствующего доктринёрства, квазифилософских спекуляций и ярлыковых обвинений. Иные исследователи этой темы оказались в ситуации раздвоения. Например, основательный вузовский учебник Ю.Н. Гладкого с соавторами (Гладкий, Доброскок, Семенов 1999) оперирует понятием не только «евразийского пространства», но и «евразийского неудобья» — во многом повторяя, выводы народнической политэкономии о природных факторах, препятствующих «свободному полёту капитализма» в России. Но в статье с другими соавторами о предмете геоэкономики тот же Ю.Н. Гладкий ссылается на «десятки аргументов в пользу того, что реализация евразийской идеи (в её изначальном понимании) не в состоянии принести как минимум скорого процветания России» (Гладкий, Никитина, Маруненко 2004, с. 11). Однако, во-первых, скорого процветания Россия едва ли дождётся от реализации какой-либо идеи вообще. Во-вторых, никто из современных адептов «неоевразийства» явно не подразумевал реализации идеи в её изначальном понимании и даже не придавал особого значения восстановлению этого «изначального» понимания. Идеологически евразийство после распада СССР и отторжения классового подхода дало выразительный лозунг сторонникам реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также демагогам державно-популистского либо ностальгически-имперского толка. Такая ситуация — замещение евразийством «увядшего» марксизма — отчасти соответствовала исходным замыслам евразийского движения считалась вероятной даже его противниками в среде русской эмиграции (Ishboldin 1946, p. 72). Но были и другие основания для ретроспективного интереса к евразийскому движению, которое было подчас скандальным, но в то же время снискало признание единственного оригинального течения общественной мысли Русского Зарубежья XX в. Для получившего интеллектуальную легитимность современного российского «геополитизирования» в его полярностях своего рода оселком стало отношение к перспективам России как конституирующего центра макрорегиона и к целесообразности со-

хранения и упрочения российского политического, экономического и культурного присутствия в Евразии (Цыганков 2003).

С евразийским движением были связаны научные светила в разных областях гуманитарной мысли — языкознании (Н.С. Трубецкой), истории и философии (Л.П. Карсавин), государствоведении (Н.Н. Алексеев), историографии (Г.В. Вернадский); поначалу к нему примыкал и авторитетный православный богослов Г.В. Флоровский. Отмеченное обстоятельство в 1990-е гг. вызвало некоторую аберрацию в освещении евразийства: фигура главного идеолога и экономического теоретика движения П.Н. Савицкого нередко оставалась в тени выше перечисленных громких имён, и даже политические и историософские декларации самого Савицкого заслоняли его экономическую доктрину. В 2000-е гг. евразийству было уделено внимание и в аспекте истории экономических учений (Воейков 2004, с. 169—181), но без углубления в контекст российской политэкономической традиции. Этот пробел будет восполнен ниже.

Петр Николаевич *Савицкий* (1895—1968) окончил Петербургский политехнический институт по специальности «экономическая география», которую преподавал В.Э. Ден. Несколько лет молодой экономико-географ был сотрудником П.Б. Струве — сначала как секретарь редакции журнала «Русская мысль» (1916—1917), затем — как секретарь министра иностранных дел антибольшевистских Вооружённых сил Юга России. В штабе белогвардейского правительства в Крыму судьба столкнула Савицкого с представителем Антанты профессором Лондонской школы экономики *Х. Маккиндером* (1863—1947) — автором первой глобальной модели в западной геополитике: «осевого региона», или «Хартленда», «сердцевинной земли». Отправным пунктом для доктрины Маккиндера было англо-русское соперничество в Азии, породившее существенную для британской колониальной идеологии XIX в. версию о «русской угрозе» Индии (Штейнберг 1950; Hauner 1992). В докладе Маккиндера «Географическая ось истории» (1904) центральная Евразия — с её обширным поясом степей и пустынь бассейнами крупных рек, стекающих либо в закрытые озера (Волга, Амударья и Сырдарья) либо в Ледовитый океан (Обь, Енисей, Лена), — была обозначена понятием «осевой регион мира». Этот величайший материковый массив без удовлетворительных путей для мореплавания много веков представлял совокупность благоприятных условий для племен кочевников-наездников. Большая часть истории европейской цивилизации — «комментарий» на изменения, прямо или косвенно явившиеся

последствиями вторжений через степной «створ» между Уральскими горами и Каспием кочевников, которые с V и по XVI столетие проникали до венгерской пушты⁷⁰ и наносили удары по оседлому населению Европы. На запад, на юг и на восток от «осевого региона» находятся «пограничные регионы», доступные для мореплавания. Два из них — Индия и Китай — лежат в зоне муссонов и обращены соответственно к Индийскому и Тихому океанам. Третий — безлесный и испещренный пустынями Ближний Восток — расположен между Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом и вполне подходит для жизнедеятельности кочевников, но связан водными путями с цивилизованным миром Средиземноморья и Индии. Это область «сельскохозяйственного населения великих оазисов», подверженных череде миграций, с одной стороны, центральноазиатских кочевников, с другой, народов Средиземноморья, желавших захватить наземные пути между западным и восточными океанами. «Всякий раз, когда оазисы Египта, Сирии и Вавилонии приходили в упадок, жители степей получали возможность использовать плоские равнины Ирана в качестве форпостов, откуда они могли наносить удары через Пенджаб в Индию, через Сирию в Египет, а через Босфор и Дарданеллы — в Европу». Турки, пришедшие из самого сердца Азии, сменили монголов, задержавших и искавивших развитие России «именно в то время, когда остальная Европа быстро шагала вперед» (Mackinder 1970, p. 166).

Историческое значение открытия пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды Маккиндер расценил как нейтрализацию стратегических преимуществ центрального положения, занимаемого степняками, — появление возможности надавить на них с тыла. Передвижение по поверхности океана явилось естественным соперником передвижения на верблюдах и лошадях внутри континента. В итоге Европа — зажата в средние века между песками Сахары на юге, неизведанным океаном на западе, льдами и бескрайними лесами на севере и северо-востоке и угрозой нападений кочевников с юго-востока — поднялась над миром, дотянувшись до 38 морей и распространив свое влияние вокруг евроазиатских сухопутных держав, ранее угрожавших самому ее существованию. Но пока морские народы Запада подчиняли себе океаническое побережье Азии, «Россия организовала казаков и, выйдя из своих северных лесов, взяла под контроль степь, выставив собственных

⁷⁰ Степной район, окаймленный Дунаем, Альпами и Карпатами.

кочевников против кочевников-татар» (ibid., p. 168). Решающим шагом в замещении Монгольской империи Российской Маккиндер считал сооружение Транссибирской магистрали. Полагая, что трансконтинентальные железные дороги нигде не являются столь эффективными, как в закрытых центральноазиатских районах, Маккиндер наметил контуры глобального противостояния осевого «российско-монгольского» региона и океанического «кольца» Британии и её доминионов совместно с США и Японией.

После I мировой войны Маккиндер обозначил евразийский осевой регион как «Хартленд» (Heartland), заимствовав понятие, предложенное его соотечественником Дж. Фергивом в книге «География и мировое господство» (1915). Фергив акцентировал превосходство, достигнутое Западом в энергетике. «Великий угольный пояс» протянулся через Европу и был обнаружен в сходных пластах по другую сторону Атлантики, став центром мировой промышленности и средоточием международной власти (Fairgrieve 1915, p. 330). Фергив выделил между евразийским Хартлендом и кольцом морских держав «стиснутую зону» государств-«буферов» (от Польши и Швеции до Кореи), включающую и такие страны, как Германия, Индия и Китай, которые могут стать центрами организации для Хатленда. Маккиндер принял и корректировку Фергива, что «сдвиг центра мировой силы с запада на евразийский восток» может быть связан с организацией Хартленда вокруг Москвы или Берлина, также как вокруг Пекина или Токио. Модель была резюмирована формулой: Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым островом (т. е. Старым Светом); кто правит Мировым островом, господствует над миром (Mackinder 1919, p. 194).

Убежденный, что никакая революция не изменит «отношения России к великим географическим границам её существования», и, исходя из интересов Великобритании, традиционно стремившейся блокировать прорыв России к теплым морям, Маккиндер опасался экономического союза революционной России с потерпевшей поражение в мировой войне Германией («западной окраиной Хартленда»).

Предложенная Савицким концепция «России-Евразии» как особого географического мира была ответом на модель Хартленда. В эмиграции Савицкий публично (открытым письмом) разошелся со своим бывшим шефом Струве. И возглавил евразийство вместе с князем Н.С. Трубецким (1890—1838) — автором книги «Европа и человечество» (1920), заострившим темы «туранского элемента в русской куль-

туре» и возникновения «русского державного тела» из монгольской государственности («перенесение ханской ставки в Москву») (Трубецкой 1993, с. 72).

П.Н. Савицкий отмечал, что евразийству предшествовали его географические изыскания, отразившиеся в статьях, напечатанных в «Русской мысли» ещё в 1916 г. как обоснование позиции в полемике с М.И. Туган-Барановским о будущем России как промышленной державы. Ранее (1914) в той же «Русской мысли» была опубликована первая научная статья Георгия Владимировича *Вернадского* (1887—1973) «Против Солнца. Распространение русского государства к востоку». Автор был сыном знаменитого учёного-энциклопедиста В.И. Вернадского (1863—1945), возглавившего комиссию Академии наук по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Начало мировой войны придало остроту вопросу о лежащих втуне природных богатствах Российской империи, особенно в её азиатской части. В докладе-обзоре В.И. Вернадского о важнейших минеральных ресурсах, имеющихся в наличии на территории страны, но не разрабатываемых, особенно часто упоминались два региона — Алтай и Забайкалье (Вернадский 1915).

М.И. Туган-Барановский, также обратившись в годы войны к злободневной теме производительных сил, пришёл к неутешительному выводу, что, вопреки расхожему мнению о «необычайных размерах естественных богатств России», действительность не такова, поскольку «мы очень бедны, сравнительно с Западом, столь необходимым материалом современной промышленности, как каменный уголь» (Туган-Барановский 1916 а); поэтому стремление превратить Россию в страну с преобладающим значением промышленности неосуществимо (Туган-Барановский 1916 б). Юный Савицкий возразил маститому политэконному, что не стоит отождествлять всю России только с европейской её частью. На угле, отстоящем за тысячу верст, не создашь мощной промышленности, но это лишь значит, что в Московском и Петроградском районах целесообразно сосредоточить те отрасли, для которых квалифицированный труд важнее, чем руда и уголь; а имперскую индустрию можно базировать и в отдаленных районах, как показал опыт пустынных и целинных новороссийских степей, превратившихся за 40 лет благодаря донецкому углю и криворожской руде в главный промышленный район страны. В критике Туган-Барановского родилась формулировка *дилеммы коренного ядра российских областей*: русская культура мирового масштаба развивалась в районах, «лишенных богат-

ства земных недр и напряженной силы солнца» и была исторически устремлена на Северо-Запад, к Европе и морю; но природные ресурсы для промышленного крупного масштаба были найдены расширявшейся империей в культурно отсталых, если не пустынных районах Юга и Востока, каковы Донбасс, Кавказ, Прикаспий, Урал, Сибирь, Туркестан (Савицкий 1916, № 11, с. 68). Как основное требование русской промышленной программы Савицкий выдвигал необходимость направить промышленную энергию России на использование минеральных ресурсов восточных и южных окраинных областей от Керченского полуострова до Алтая.

Годы революции и гражданской войны в России стали годами необычайного оживления экспедиционной деятельности по изысканию руд и минералов в отдалённых районах (Стрельников 1922), а видный инженер-теплотехник В.И. Гриневецкий (1871—1919), избранный в 1917 г. ректором МВТУ, разработал крупномасштабный план реконструкции российского народного хозяйства посредством сдвига производительных сил к востоку. Враждебный марксизму и Октябрьскому перевороту, Гриневецкий ожидал скорого падения большевистской диктатуры с последующим возвращением к «нормальному» ходу экономической жизни. Уехав в Екатеринодар, Гриневецкий вскоре умер, оставив изданную ограниченным тиражом в Харькове книгу «Послевоенные перспективы русской промышленности». В ней была изложена связная, подкреплённая расчётами программа не только восстановления, но и обновления российской промышленности «по широкому и цельному плану» (Гриневецкий 1922, с. 71). Ключевым элементом этого плана были изменения в географическом размещении, перемещение центра тяжести российской индустрии на восток ближе к источникам сырья. Смещение к востоку Гриневецкий предполагал также и для земледелия и скотоводства, считая предпосылкой столыпинскую переселенческую политику начала XX в. и отводя особенную роль в аграрной колонизации Зауралья выходцам с перенаселённой Украины — привнесение колонизационных навыков Новороссии на земельный простор Сибири (там же, с. 92). Тракта́т В.И. Гриневецкого привлёк внимание «инженера революции» Л.Б. Красина, рекомендовавшего книгу Предсовнаркома В.И. Ульянову-Ленину, который, в свою очередь, поспешил сделать рекомендации покойного профессора и противника большевиков руководящими указаниями для советских хозяйственных наркоматов (Валентинов 1991, с. 260). Книга Гриневецкого была переиздана в Москве в 1922 г. и обеспечила автору, вопреки его антибольшевизму,

посмертную роль «учителя Госплана» — с той оговоркой, что этот «буржуазный экономист» уповал в решении поставленных национально-масштабных задач — электрификации, широкого развития путей сообщения, разработки естественных богатств Севера, Урала, Сибири и Туркестана — на привлечение крупных капиталов из-за границы.

Вскоре после победы большевиков в гражданской войне российскую белую эмиграцию шокировало появление сборника-манифеста «Исход к Востоку» (София, 1921), авторы которого провозглашали разрыв с европоцентризмом и выводили Октябрьский переворот 1917 г. из национального раскола, порождённого насильственной «европеизацией» в петербургский период русской истории. В «выпадении» России из рамок европейской цивилизации евразийцы пытались увидеть шанс на перестройку русской государственности на основе «самобытности», восходящей к монголо-татарскому государствообразующему влиянию. Позднее в книге «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (1925) Н.С. Трубецкой утверждал, что доордынская Русь была не более чем агломератом разрозненных удельных княжеств, почти лишённых понятий о национальной солидарности; зато после «ига» Россия стала «пусть неладно скроенным, но крепко сшитым государством, обнаружившим силу экспансии вовне», научившись у ханов среди прочего организации финансов и почтовых сообщений (Трубецкой 1993, с. 72–73). П.Н. Савицкий статьёй «Континент-Океан. Россия и мировой рынок» в сборнике «Исход к Востоку» начал разработку концепции *российско-евразийского месторазвития*, продолженную в статьях «Степь и оседлость» (1922), «Производительные силы России» (1923); «Геополитических заметках по русской истории» (1927); книгах «Россия — особый географический мир» (1927), «О задачах кочевниковеденья» (1928) и т. д.

Настаивая на понимании «России-Евразии» как «особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой Китайской стены» и характеризуемого политическим, этнографическим и экономическим освоением «Великой степи» русской народностью, Савицкий указывал как на своих предшественников на крупнейших представителей историософии русского панславизма XIX века — Н.Я. Данилевского и В.И. Ламанского. Однако модель национальных геополитических заданий России-Евразии как «срединного мира» принципиально отличалась и от окрашенного пафосом овладения Царьградом мессианизма Данилевского, и от трактовки Ламанским «срединного мира Азийско-Европейского материка» как

мира «греко-славянского». Хотя Савицкий соглашался с Трубецким и другими соратниками-евразийцами в том, что «горение» православно-религиозного подъема обусловило «чудо превращения» монгольской государственности в русскую, он не считал возможным ни определять своеобразие России принадлежностью её к миру славянства⁷¹, ни возводить в степень её исторического задания отвоевание Константинополя. Наконец, модель Савицкого — в отличие и от панславизма, и от «геополитической мистики» современного нам спекулятивного «неоевразийства», — не предполагала изображения русского народа воплощением самого полного («четырёхосновного») культурно-исторического типа, а *российско-евразийского месторазвития* — «избранным Божественным провидением для какой-то невероятно важной всечеловеческой миссии». Евразийство Савицкого — идеология не «авангардная», а «арьергардная», не выведение из географической «особости» России уникальной исторической миссии, а указание на предопределённость России искать особые ответы на цивилизационные вызовы — не всемирно-универсальный ответ, а ответы, отличные от тех, что подходят для собственно Европы и собственно Азии.

Политэкономическую интерпретацию ««срединного мира» Савицкий начал с характеристики относительной «географической обездоленности» в отношениях международного обмена, где существенно влияние транспортных издержек. Водные перевозки намного дешевле сухопутных: перед мировой войной германский железнодорожный тариф был в 50 раз выше океанского фрахта, и даже заниженные ставки русских и американских железных дорог в 7–10 раз превосходили стоимость морского транспорта. Географический признак отдаленности от морских сообщений сгущается в экономическую реальность, когда встает вопрос о транспортных издержках при включении территории в международный товарообмен. Положение стран неодинаково: в Западной Европе нет пунктов, отстоящих от моря дальше, чем на 600 км, в Австралии — более чем на 1000 км; в обеих Америках более чем на 1700 км; и только в пределах Азии имеются места, расположенные более чем в 2400 км от моря. Но для России еще большее экономиче-

⁷¹ Подчеркивая, что поляки и чехи в культурном смысле относятся к Западной Европе, Савицкий принимал за точку отсчета процесса русской истории как процесса создания «России-Евразии» историческое размежевание Московской Руси, оказавшейся «годным объединительным центром в евразийской системе», и Литвы-Польши, таким центром не оказавшейся (Савицкий 1997, с. 307).

ское значение имеет замерзаемость большинства омывающих её морей. Над ней довлеет дилемма континентальности: примитивность экономического быта при изолированности либо угроза стать задворками мирового хозяйства при вхождении в «океанический обмен» (Савицкий 1997, с. 399–402).

Большая часть евразийского «срединного мира» приходится на травянистые пустыни и степи — сплошную полосу районов, пригодных для кочевников-скотоводов; «прямоугольник степей» от Карпат до Большого Хингана, «Средиземное море континентальных пространств». В пределах этого территориального массива испокон веков существовала тенденция к политической и культурной унификации, что существенно отличало историю евразийской *Великой Стены* от истории гораздо более раздробленных приморских оседлых миров Европы и Азии. Политическое и этнографическое освоение степи было начато скифами, продолжено гуннами; отсюда распространилась наиболее объемлющая из числа известных в истории держава монголов. Не отрицая ужасов монгольского владычества, Савицкий вслед за видным российским востоковедом В.В. Бартольдом (1868–1930) отмечал положительное значение *paх mongolica* для развития торгового обмена из Европы в Китай (защищённые караванные пути в пределах единой евразийской державы).

«Но монголы, в собственном смысле не были колонизаторами, а русские являются ими» (Савицкий 1997, с. 334). Русский период истории Евразии продолжил периоды скифский, гуннский и монгольский, отличаясь тем, что Русь-Россия исторически сочетала оседлую культурную традицию окраинно-приморского мира и степную стихию. Русь возникла на западной окраине Евразии в эпоху ослабления общеевразийских объединительных тенденций, монгольским завоеванием была втянута в общий ход евразийских событий и в дальнейшем проявила объединительную силу, унаследовав «монгольское ощущение континента», позволившее землепроходцам освоить север Евразии. Двигаясь с запада на восток по лесной и тундровой зоне, Русское государство в XVII веке охватило с северной стороны степной прямоугольник от Днепра до Тихого океана, создав «небывалую в истории базу для наступления на степь», дополненную натиском Китая с юго-востока. Маньчжурской династии удалось подчинить Китаю восточноевразийские степи, Российская империя во второй половине XIX века охватила западно- и срединноевразийские степи. Тем самым завершилась эра кочевников в мировой истории.

Русская колонизация стала превращать испокон веков отданное кочевому быту пространство Великой Степи в область земледелия. Но растянувшееся «флагоподобными» широтными полосами российско-евразийское месторазвитие — сочетание аналогов некоторых европейских районов с простором стран, «существенно неевропейских». Наиболее северные русские земли (Беломорье) есть несколько обездоленная в климате часть Скандинавии; лесная и часть лесостепной полосы с некоторыми отличиями подобны средневропейским странам к востоку от Эльбы. Принимая в качестве критерия *сельскохозяйственной «европейскости»* доступность страны посеву корнеплодов и кормовых трав — то есть возможность интенсивного земледелия, основанного на травосеянии и плодосмене, — Савицкий и здесь находил ограничения для «особого географического мира России-Евразии». Российская степь, столь благоприятная в иных своих частях (Приазовье и Причерноморье) для пшеницы, *неблагоприятна* вследствие чрезмерной сухости для возделывания корнеплодов и кормовых трав, «не есть область ни картофеля, ни клевера» (Савицкий 1997, с. 336). Между тем на введении в оборот двух вышеназванных растений построило переход от трёхполья к иным системам полеводства европейское земледелие. Таким образом, возможность *сельскохозяйственной интенсификации-«европеизации»* Савицкий допускал лишь для северо-западной, западной и центральной России и некоторых областей за Уралом, но пространство южной, юго-восточной и восточной России в целом определял как область «неизбывного трёхполья» с печатью хозяйственной экстенсивности. Кроме того, восточно-степные районы России переходят в зоны отгонного скотоводства, а те — в пустыни Туркестана, где уже невозможно ни произрастание пшеницы, ни подножный прокорм скота, а необходимо искусственное орошение. Если распространение экстенсивного трёхполья сохраняет, по мнению Савицкого, своеобразное «чувство степи» в русском земледельческом населении, то пустыни Туркестана поставили перед русским народом как историческое задание восстановление оросительных систем в соприкосновении с миром восточных культур. Но только на этой срединноазиатской линии Россия смыкается с зоной субтропиков и получает шанс располагать хлопком, рисом, южными фруктами, «не оплачиваемым данью на сторону» — тем приморским странам, которые связаны со «своими» субтропиками посредством океанического хозяйства. Резюмируя особенности российско-евразийского месторазвития как «внутриконтинентного мира», Савицкий заключал, что Россия-Евразия историко-географически «как бы «предсоздана»

для образования единого государства», а экономико-географически — для реализации принципа «континентальных соседств», взаимотяготения областей, обращенных друг к другу силой своей океанической обездоленности и дополняющих друг друга в самодовлеющем «материковом хозяйстве» (там же, с. 322).

«Ибо то, что в экономическом смысле дает океан, соединяя, например, Англию с Канадой как страной пшеницы, Австралией как страной шерсти, Индией как областью хлопка и риса, то в пределах Российского мира дано континентальным сопряжением русских промышленных областей (Московской, Донецкой, Уральской, а в потенции также Алтайско-Семиреченской) с русскими черноземными губерниями (пшеница!), русскими скотоводческими степями (шерсть!) и «русскими субтропиками»: Закавказьем, Персией, Русским Туркестаном, а в потенции также Туркестаном Афганским, Китайским и Кульджей (хлопок и рис!)» (там же, с. 417).

Оценивания исторический опыт борьбы России за выход к незамерзающим портам, Савицкий порицал политику доведения устремленности к тёплому морю вплоть до усилий найти такой выход хотя бы вне основного круга евразийских земель — на Квантунском полуострове; но зато возлагал надежды на железнодорожное соединение «трёх Туркестанов» — Русского, Афганского и Восточного — если провести магистраль из Ферганской долины (Ош) в обход основных хребтов Тянь-Шаня и через Синьцзян (Урумчи) до Кашгара (там же, с. 423).

В обобщении вековых предпосылок единой евразийской государственности к П.Н. Савицкому присоединился Г.В. Вернадский⁷² («Начертание русской истории», 1927; «Опыт истории Евразии», 1934); а в разработке политэкономической доктрины евразийства — Н.Н. Алексеев

⁷² Вернадский расширил схему «борьбы Леса со Степью» до схемы периодической ритмичности государствообразующего процесса на территории Евразии:

1. Единая государственность (Скифская держава).

Система государств (сарматские готы).

2. Единая государственность (Гуннская империя).

Система государств (авары, хазары, булгары, русь, печенег, половцы).

3. Единая государственность (Монгольская империя).

Система государств — 1-я ступень распада Монгольской державы (Золотая Орда, Джагатай, Иран, Китай).

Система государств — 2-я ступень распада Монгольской державы (Литва, Русь, Казань, киргизы, узбеки, ойраты-монголы).

4. Единая государственность (Российская империя — СССР).

(«Собственность и социализм», 1928). Савицкий и Алексеев протестовали против попыток ряда «левых евразийцев» (Л. Карсавин, С.Эфрон, Д.Мирский) подверстать евразийство под марксизм и установить прямые контакты с государственными деятелями СССР, однако заинтересованно следили за административными и хозяйственными преобразованиями в Советском Союзе, в особенности за национально-территориальным размежеванием, экономическим районированием, развёртыванием индустриализации. Идеология марксистского социализма отвергалась евразийцами как порождение западноевропейской культуры и как устаревшая прогрессистски спрямлённая философия истории, подчиняющая «духовные основ жизни» примату производства (Алексеев 1929, с. 12—13; Савицкий 1997, с. 193). «Но поскольку социализм, — декларировал Савицкий, подразумевая советский опыт, — в жизненном осуществлении преображается в этатизм (развитие государственного хозяйства) — его устремления созвучны устремлениям евразийцев» (Савицкий 1931, с. 8). Верховенство начал государственной монополии Савицкий считал неизбежным в условиях материкового хозяйства России-Евразии, приветствовал планирование как рычаг «обеспечения интересов труда» и накопления, однако полагал необходимым создание соразмерной с государственной промышленностью «частной промышленности такого же охвата», сосуществование коллективных и единоличных крестьянских хозяйств. Алексеев обосновывал формулу *государственно-частной системы хозяйства* как экономического строя России-Евразии. В целом программные пункты политэкономической доктрины евразийства носили достаточно общий, декларативный и не слишком содержательный характер.

Более интересны подступы евразийской концепции к модели взаимозависимости геополитической и экономической динамики России. В напечатанной в VI «Евразийском сборнике» статье статистика Д.Н. Иванцова (1893—1974) залогом развития самостоятельной русской школы политэкономии признавались накопленные достижения в трёх областях: 1) теория аграрной эволюции; 2) учение о формах хозяйства и 3) теория конъюнктуры (Иванцов 1929). Обоснование П.Н. Савицким евразийской концепции в 1920-е гг. соприкасалось с двумя из указанных областей; к третьей отчасти примыкает трактат Савицкого начала 1930-х гг. — «Месторазвитие русской промышленности», ставший результатом осмысления 1-го советского пятилетнего плана и тех геолого-минералогических изысканий, которые направляла КЕПС во главе с академиком В.И. Вернадским. К сожалению, именно на этот отрезок

времени пришлось компрометация евразийского движения проникновением в его ряды агентуры ГПУ.

5.2. Месторазвитие русской промышленности и вековая технико-экономическая конъюнктура

В трактате «Месторазвитие русской промышленности» (1932), обобщая результаты выяснения ресурснопромышленного одарения разных районов СССР, П.Н. Савицкий возвращался к теме своих первых статей в «Русской мысли» и к давнему докладу В.И. Вернадского «Об использовании химических элементов в России». Теоретик евразийства самым серьёзным образом отнёсся к мысли отца своего ближайшего соратника о чрезвычайно малой вероятности того, «чтобы в пределах сплошного куска земной коры, составляющего около $\frac{1}{6}$ всей суши земного шара, отсутствовали те или иные химические элементы в необходимых для перевода в полезную энергию концентрациях».

Систематизируя картину естественных производительных сил России на основе предреволюционных и советских изысканий, Савицкий имел веские основания найти в стройках 1-й пятилетки явное соответствие историософии «*исхода к востоку*». Он обратил внимание, что на всем пространстве России-СССР выделяется непрерывностью ресурсноносных площадей и «полнотой естественнопромышленного одарения» территория, ограниченная Алтаем с запада и Большим Хинганом с востока, — *алтайско-енисейско-байкальская* полоса, исключительно богатая полезными ископаемыми и водной энергией. Но это означает, что если русская промышленность желает обосноваться на ресурсах, которые являются наиболее крупными в её пределах, она должна сдвинуть свои центры в сторону «*монгольского ядра*» — очага мировой державы XIII в. Таким образом, «нет области россиеведения, которая свидетельствовала бы с такой яркостью и полнотой о правде и необходимости евразийских установок, как именно картина распределения естественно-промышленных ресурсов»: здесь «по-новому сказывается связь русского исторического процесса и русских исторических заданий с геополитической плотью Монгольской державы» (Савицкий 1932, с. 100).

В своей ранней работе «Проблема промышленности в имперской России» Савицкий подчеркивал, что коренные великороссийские области, ограниченные верхней Волгой с севера, средней Волгой с вос-

тока, степями Слободской Украины с юга и Днепром с запада, обладая определенными возможностями сельскохозяйственного развития, в то же время не могли производить самых ценных земледельческих продуктов юга и были почти совсем лишены ресурсов для промышленного развития. Отсутствие этих ресурсов могло быть восполнено только культурно-хозяйственным расширением России в двух направлениях — с одной стороны, на север и запад, с другой — на юг и восток. В смысле политического расширения Россия в XVIII—XIX вв. пошла и по тому и по другому направлению, но в отношении культурно-промышленного тяготела к северо-западу — «стремление дышать воздухом Европы, который в то же время есть и воздух моря, потребность приблизиться к ее центрам, чтобы завязать и сохранить с нею связи» (Савицкий 1916, № 11, с. 167). Однако минерально-ресурсная недостаточность великорусского центра продиктовала исход *производительных сил* к востоку, экономическое «задание-синтез»: сочетать сложившуюся великорусскую промышленную традицию с использованием естественных богатств восточных, северных и южных окраин; превратиться в «великопромышленное материковое целое». Необходимость экономического *самодовления* России-Евразии, её целостности как *материкового хозяйства* Савицкий аргументировал, с одной стороны, — транспортной обездоленностью основного круга ее областей, диктующей им внутриконтинентальное взаимодополнение; с другой стороны — предельной многогранностью ресурснопромышленного одарения при его *периферическом* распределении. Для Российской империи оказалось невозможным уподобление хозяйственному облику западных колониальных держав, в которых промышленное развитие было сосредоточено в *метрополи*.

Внутриконтинентальные притяжения имеют особое значение там, где наиболее пространственно велика сфера соприкасающихся континентальных областей и где области наиболее разнообразны. Хотя в России климатическая гамма (от наиболее холодных мест до Батумской области со среднегодовой +16) менее благоприятна, чем в Северной Америке или Китае, богатство и разнообразие взаимодополняемых районов велико, причём выявлены достаточные запасы почти всех используемых в хозяйстве элементов и минералов. Если при сбыте на внешний рынок, за вычетом стоимости перевозки, выручка минимальна, целесообразна реализация товара по «принципу континентальных соседств» — ответу на невыгоды географической удаленности от мирового океанического рынка.

Рассмотрение Савицким месторазвития русской промышленности сквозь призму «евразийских» историко-геополитических «заданий» оказалось парадоксальным в прогностическом смысле. С одной стороны, именно *экономическая геология*, на включение которой в рамки политэкономического анализа с пафосом настаивал теоретик евразийства, внесла в его построения резкую коррективу: область между Уралом и Алтаем (Западно-Сибирская низменность), которая в те времена «прямо-таки» зияла «отсутствием наиболее ценных промышленных производительных сил»⁷³ (Савицкий 1932, с. 8), к концу XX в. предстала как раз территорией наибольшего ресурсопромышленного одарения в Евразии. С другой стороны, Савицкий верно оценил значение *нефти* как ключевого промышленного ресурса XX в. и благодаря этому сформулировал эвристически значимое понятие *вековой технико-экономической конъюнктуры* (там же, с. 105), до сих пор не привлекавшее внимания интерпретаторов евразийства.

Категорию вековой технико-экономической конъюнктуры Савицкий связывал с переломными этапами в развитии производительных сил, обусловленными исторической сменой *универсальных промышленных факторов* — в последовательности: цветные металлы, железо, каменный уголь, гидроэнергоресурсы («белый уголь»), нефть. Универсальными факторами промышленной жизни Савицкий назвал природные ресурсы, значимые более или менее для всех отраслей промышленности — источники двигательной энергии и конструкционные материалы для изготовления основных орудий производства. Изменения в обеспеченности *универсальными промышленными факторами* задают тон вековой технико-экономической конъюнктуре, диктующей перемещение географических центров промышленности.

Московское царство, не располагая рудными запасами, «не могло обосновать промышленность цветных металлов, которая была бы достойна страны» (Савицкий 1932, с. 19). Отвечающую потребностям времени полноту рудных ресурсов Россия находит только в начале XVIII в. на Урале — за краем своей европейской части — и благодаря этому становится Империей.

Уральская металлургия завоевала *мировое* первенство благодаря тому, что Россия была богаче тогдашней Европы универсальным *энергопромышленным фактором* эпохи — древесным топливом. Англия,

⁷³ О скудости ресурсов Западной Сибири писал и В.П. Семенов-Тянь-Шанский.

столкнувшаяся с недостатком лесов и, следовательно, топлива, была вынуждена ввозить железо из России, которая в середине XVIII в. высоко стояла в области техники промышленных предприятий. Промышленный переворот с изобретением паровой машины и способа выплавки ковкого железа на коксе обеспечил Англии выгоднейшее использование своих каменноугольных и близлежащих железорудных ресурсов. «Обращением к каменному углю Англия обеспечила неслыханный расцвет своей промышленной традиции» (там же, с. 106). Тогда как промышленной традиции России, сосредоточенной в Москве и на Урале, переход мировой техники на минеральное топливо нанес сокрушительный удар. Ни Москва, ни Урал не имели запасов ископаемого горючего. Мировое значение уральской металлургии пало, а Россия, оказавшись без универсального фактора эпохи, скатилась в яму промышленной отсталости.

Геоэкономический подход позволил П.Н. Савицкому разрешить парадокс, запечатленный в экономической историографии России. Ещё в 1910 г. Е.В. Тарле (1874—1954) в статье «Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?» дал отрицательный ответ на поставленный вопрос. Указывая на бесспорный факт одного из важнейших и грандиознейших феноменов всемирной истории — экстенсивной мощи русской империи в конце XVIII столетия, Тарле признал невозможным обойти вопрос об экономическом фундаменте этой мощи и отверг «стереотипную фразу о натуральном хозяйстве и экономической зависимости и отсталости России», объясняя её ретроспективным перенесением на XVIII в. ситуации XIX в., когда страна в самом деле не поспела за ускорившимся темпом экономического развития сначала в Англии, потом отчасти во Франции и т. д. (Тарле 1910, с. 27). Тарле приводил цифровые данные о торговом обороте между Россией и Францией (активное сальдо в пользу России), о масштабе русских промышленных предприятий (явно превосходившем французские), свидетельства о высоком качестве тульских стальных изделий и т. д. В советской историографии промышленные достижения «золотого века дворянства» объяснялись дешевизной крепостного труда (Любомиров 1938, стб. 758), влияние этого фактора считалось определяющим для позднейшего времени, когда незаинтересованность в трудосберегающих нововведениях обусловила технический застой. В вузовских учебниках экономической истории до сих пор царит путаница: сначала сообщается (в разделе «Начало разложения крепостнического хозяйства»!) о первом месте России в мире по выплавке железа к концу XVIII столетия, а

затем — бодрое утверждение об «ускорении» темпов развития чёрной металлургии и выходе на... четвертое место в мире в конце XIX в. (Поляк, Маркова 1999, с. 385, 405).

Савицкий подчеркнул, что из обусловленной неосвоенностью минерального топлива промышленной отсталости в течение большей части XIX века Россия стала выходить, когда нефть стала замещать уголь в качестве универсального промышленного фактора эпохи. Богатые ресурсы нефти были на каспийском побережье, а донецкий уголь и криворожская железная руда позволили «подтянуть» чёрную металлургию (Савицкий 1932, с. 105).

Теоретик евразийства оказался более проницательным в определении значения нефти как нового (и ключевого для всего XX века) универсального промышленного фактора, чем руководители экономической политики как царской, так и большевистской России, завожжённые «угольным» критерием индустриального прогресса («равнение» на Запад). В результате, возможно, был упущен шанс опережающего экономического роста благодаря повышению удельного веса нефти сравнительно с углём в топливно-энергетическом балансе (Рязанов 1998, с. 386—387; Иголкин 1999, с. 7—11, 154—157). Прав оказался Савицкий и когда писал: «Было бы неправильно думать, что состояние интенсивного ввоза иностранных товаров, и прежде всего фабрикатов, оплачиваемых в лучшем случае вывозом сырья, которое наступит вслед за тем, как Россия вновь откроется для международного обмена, — что это есть состояние нормальное и длительное» (Савицкий 1997, с. 416).

Постановка вопроса о вековой технико-экономической конъюнктуре должна быть записана в актив геополитической экономики евразийства, но основательно проработать, а главное — состыковать геоэкономический ракурс евразийского видения хозяйственного строя России с духовно-религиозным «хозяйнодержавным» наполнением категории «месторазвитие» — Савицкому не удалось. Построения о сдвиге производительных сил не просто на восток *Евразии*, но именно к её «монгольскому ядру» не получили подтверждения. Порицая марксистский примат материального производства и отрицая идею унифицированного прогресса, сам Савицкий в интерпретации смены универсальных промышленных факторов склонился тем не менее к версии *технологического детерминизма*.

Способность *воздействовать* на вековую технико-экономическую конъюнктуру, на наш взгляд, задаёт критерий статуса страны как ве-

ликой экономической державы. Но напрашивается уточнение в трактовку универсальных промышленных факторов, фактически сведённых Савицким к природным ресурсам.

Роль изменений структуры минерально-ресурсной базы велика. Убедителен пример Савицкого с промышленным переворотом в Англии. Вспомним, что и автор понятия «Хартленд» Ферггив объяснял превосходство атлантического северо-запада наличием «великого угольного пояса». Опережающее развитие Бельгии, США и Германской империи, как и в случае Англии, опиралось на сочетание близлежащих запасов угля и железной руды; Франция начала преодолевать промышленное отставание от других крупнейших западных стран после изобретения томасовского процесса, позволившего утилизировать запасы фосфористого железа. И даже хрестоматийный контрпример «экономического чуда» Японии не стоит упрощать. Бедность Страны Восходящего Солнца минеральными ресурсами во многом компенсируется богатством побережьями; успешная реализация программы приращения приморской земли за счёт насыпей и использование новых возможностей, открытых механизацией погрузочно-разгрузочных работ и созданием крупнотоннажных рудовозов и супертанкеров⁷⁴, обусловили грандиозный *сдвиг* японской промышленности к океану; океанические рейсы обеспечили снабжение заводов минеральным сырьём и топливом из Австралии, Индонезии и с Ближнего Востока в несравнимо большей степени, чем утраченные колонии (Манчжурия, Тайвань, Корея) и заброшенные шахты Кюсю и Хоккайдо. На извилистой береговой линии с насыпными участками разместились промышленные предприятия с собственными приемными портами, откуда руда, уголь и другое импортное сырьё прямо с судов поступает в обработку и отгрузочными портами, принимающими сразу после завершения единого технологического цикла готовую для экспорта продукцию. Ставка на морской транспорт и портово-промышленные комплексы избавила от обременительных расходов на модернизацию рудников, шахт и железнодорожного грузового

⁷⁴ Судостроение не случайно стало первой отраслью, в которой послевоенная Япония достигла мирового первенства (1955), а в 1960-е гг. в мировые лидеры вышла и сталелитейная промышленность страны при отсутствии собственной железно- и угледобычи, но с доставкой черного металла из Австралии и освоением вместо проката передовых методов производства стали (кислородно-конвертерный процесс и непрерывная разливка).

транспорта⁷⁵, позволила добиться впечатляющих структурных сдвигов в сторону индустрии массового производства высокоинтеллектуальных продуктов (Данилов-Данильян 1989, с. 15).

За счёт выгод океанического островного положения Япония в середине XX в. с триумфом преодолела недостаток ресурсов минерального сырья и топлива, подобно тому, как Англия в конце XVIII в. за счёт паровых двигателей и коксующихся углей вышла из трудностей с лесным топливом. Став продолжением цехов, порты сократили до минимума нужду в железнодорожных перевозках. Современная Япония почти не знает товарных поездов. Подсчитано, что доставить тонну коксующегося угля морем из Австралии в Японию дешевле, чем по железной дороге из Рура в Лотарингию. «Пользуясь преимуществами морских перевозок, японские фирмы предпочитали покупать сырьё в наименее обработанном виде, чтобы максимально обогащать его человеческим трудом — то есть тем видов ресурсов, которым страна наделена в избытке» (Овчинников 1987, с. 58).

Важное уточнение: японский труд веками оттачивал навыки миниатюризации (от рисовой рассады до изготовления нэцкэ и выращивания бонсай), которые можно считать соразмерным нефти универсальным промышленным фактором в эпоху производства всё более компактных изделий, открытую выпуском портативных записывающих устройств фирмой «Сони»⁷⁶.

СССР, обладая геоэкономическим пространством с избытком универсального промышленного фактора, не сумел утвердиться в статусе *великой экономической державы*, «положившись» на вековую технико-экономическую конъюнктуру. На вызов структурного кризиса 1970-х гг., вызванного резким повышением мировых цен на нефть,

⁷⁵ Напротив, в СССР, где имелись предпосылки для включения в числе лидирующих стран в общемировой ритм технологических совокупностей, восстановление промышленности после 2-й мировой войны воспроизвело громоздкие довоенные производственно-технические системы (угледобыча, прокат стали, тяжелое машиностроение) вместо инвестирования в технологии более высокого уклада (Глазьев 1993, с. 115—118).

⁷⁶ Основатель «Сони» А.Морита наставительно заметил в своей «истории успеха», что в японском языке отсутствует характерный для американцев (и, добавим, — в ещё большей степени для россиян) оборот «неисчерпаемый ресурс» и, напротив, популярно выражение, не поддающееся буквальному переводу: «моат-тай-най» (что-то вроде «растрачивать попусту — святотатство»).

великие экономические державы океанического мира, успевшие пожать богатые плоды *дешёвой нефти*, не сразу, но ответили изменением (пусть частичным) вековой технико-экономической конъюнктуры в свою пользу: переходом от массовых энерго- и ресурсоемких технологий к энерго- и ресурсосберегающим (микроэлектроника, миниатюризация, тонкая керамика, биотехнологии, рециклирование отходов и т. д.), внедрением модели «интенсивного наукоемкого диверсифицированного производства — избирательного качественного потребления» (Пирогов 1989, с. 22–23). Для России-Евразии установившаяся практика распоряжения нефтью по принципу «сырье на готовые изделия и технологии» обернулась односторонней зависимостью от закупок импортных запчастей, материалов и оборудования, а поддержка действий США картелем ОПЕК — политическим крушением: болезненный удар из-за повышения цен на нефть по карману автомобилизированных средних слоёв Запада способствовал расширению почвы для воинствующего антисоветизма (Красильщиков 1994, с. 77). Спровоцированный новый виток «холодной войны» оказался непосильным для СССР как евразийской геополитической державы. Державный распад усугублен болезненным геоэкономическим «сжатием», которое весьма усложняет ответ на очередной цивилизационный вызов. В очередной раз формулируются лозунги *догоняющего развития* — на этот раз «догоняющей постиндустриализации». Однако, следует трезво оценивать её шансы по критериям западного стандарта качества жизни: они гораздо более скромны, чем в период «догоняющей индустриализации». Возможности нового типа транспорта (трубопроводного) едва ли компенсируют *евразийское неудобье*.

Как подчеркивали П.Н. Савицкий и Г.В. Вернадский, переломным моментом «перерастания великорусского месторазвития в евразийское» стал охват в середине XVI в. *всего бассейна Волги* властью Московского царства — после покорения Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств. В течение нескольких последующих десятилетий предприимчивые купцы-авантюристы добивались от русских царей монополии в торговле по волжскому пути (Зевакин 1940, с. 139); преуспели в этом англичане (Московская компания) при Иване IV; не преуспели голштинцы при Михаиле Романове, а при его сыне Алексее крупный русский деятель с умом государственно-евразийского масштаба А.Л. Ордин-Нащокин замыслил перемещение на Волгу *шелкового пути* из Ирана, для чего построил в собственном поместье (Дединово на берегу Оки) первый русский военный корабль «Орел» и заключил договор с армянскими

купцами (Персидская компания). Бунт Стеньки Разина (захват и сожжение «Орла»), расторжение договора с армянами царём по наущению московских купцов, отставка «ближних дел боярина» Ордин-Нащокина из-за бегства его непутёвого сына на Запад оборвали грандиозный план, к которому вернулся уже Петр I снова в расчёте на армянскую диаспору (Соловьёв 1989, с. 698, 717). Предпринятый сразу после завершения Северной войны успешный Персидский поход 1722—1723 гг. позволил России захватить прикаспийские области Ирана (Гилян и Мазандеран) с развитым шелководством, но преемники Петра не удержали их, возвратив в 1732 г. шаху. Уверенность в российской возможности *направить через Нижнее Поволжье торговлю всего Востока* вскоре сошла на нет (Костомаров 1862, с. 108). Российские политэкономы XIX — нач. XX вв., как уже было отмечено, указывали на явно меньшую полезность крупнейшей реки Европы для торговли и промышленности, чем рек на Западе (Чупров 1892, с. 112—113; Исаев 1896, с. 69). На другой аспект невыгодного отличия Волги от значительно уступающих ей по размерам западноевропейских рек обратил внимание в своей книге «Народное хозяйство России» (1882) академик В.П. Безобразов (1828—1889), отмечая, что в Западной Европе и Северной Америке усиленно развивается и делается повсюду особым, более или менее значительным, источником обогащения туризм. Он существует и в России, однако на Волге в громадной массе людей, переезжающих по ней для дела, почти незаметны иностранцы и русские, что путешествуют ради «впечатлений, удовольствия и отдохновения». Сравнивая в этом отношении Волгу с Рейном, окаймлённым с двух сторон железными дорогами и покрытым в летнее время сплошной многотысячной массой туристов, Безобразов отмечает:

«Как ни богата древняя история Волги и ее прибрежий, но берега ее весьма скудны вещественными и осязательными для глаза, в особенности для поверхностного взгляда туриста, свидетельствами ее исторических судеб. [...] В этом отношении Рейн представляется совершенным контрастом Волги; на нем все впечатления чрезвычайно резки и быстро сменяются (что особенно привлекательно для туристов) одни другими во всех своих типических особенностях. На берегах Рейна самый несведущий глаз видит перед собой всю средневековую и новейшую историю Германии и всей западной Европы, известную мало-мальски образованному человеку; на Волге приходится терпеливо вдумываться в едва заметные черты прошедшего (церкви, монастыри, помещичьи усадьбы) и, только пройдя большие пространства,

встречаться с выпуклыми характеристическими явлениями современной жизни, как Рыбинск, Нижегородская ярмарка и проч.» (Безобразов 2001, с. 151–152).

В туристическом противопоставлении Волги и Рейна как главных в культурно-историческом отношении водных путей западной и восточной Европы, Безобразов продолжил ту антитезу протяжённой равнинной России и рельефного каменного Запада, которую сформулировал С.М. Соловьёв. Живописный контраст между громаднейшею рекою Европы, впадающей в гигантское озеро посреди пустынных местностей, и альпийским потоком, окружённым резкими впечатляющими следами боевой жизни римлян и замками средневековых духовных и светских феодалов, предопределяет не только «разницу во впечатлениях природы и истории на Волге и на Рейне» (там же, с. 153), но и разные порядки доходов от туризма. Уже в начале XX в. не только число путешествующих по германским и романским странам было несравнимо с Россией, но и из самой России поток туристов «измерялся уже сотнями тысяч лиц в год, добровольно оставлявших за границей сотню-другую миллионов рублей, т. е. такую дань, какой не платили наши предки татарам» (Семёнов-Тян-Шанский 1919 б, с. 35). Была подмечена и взаимосвязь «туризма и отчизноведения» с развитием инфраструктуры (дорожное строительство, гостиницы). Как «ничем не сдерживаемый внешний поток бесплодно уносит из земли живительную влагу как раз ко времени созревания хлебов, так и наш поток больных и туристов, жаждущих побывать, по выражению Гоголя, в чужеземном «прекрасном далёке», систематически лишал Россию огромных денежных средств, на которые «должны были бы постепенно создаваться дорожное благоустройство и приспособленность к удобствам массового посещения отечественных лечебных и иных достойных внимания местностей» (там же).

За сто лет, возможно, и уменьшилось количество насекомых в гостиницах одного из красивейших волжских городов — Ярославля, и по утрам не мешает высыпаться «трезвонивший под самыми окнами церковный колокол» (там же, с. 36), однако инфраструктурное обустройство по-прежнему оставляет желать много лучшего. Но даже если возвысить его до масштабов национального или даже евразийского проекта, сети туристическо-рекреационных комплексов не смогут занять столь же видного места в структуре российской экономики, как в экономиках США, стран Западной Европы или Восточного Средиземноморья — или как индустриальные отрасли в советской экономике.

Евразийский «кормящий ландшафт» (Л.Н. Гумилёв) мог быть весьма питателен для накачки индустриальной мускулатуры, но его возможности для «осязательных для глаза» (seesight) впечатлений, «удовольствия и отдохновения» ограничены.

Это ещё раз заставляет отметить отправной пункт геополитической экономии евразийства: предпосылка для концепции своеобразия хозяйственного строя России — не тезис о «стране с богатейшими ресурсами» (с разбазариванием их за разговорами), а осознание рамок возможного ответа на вызов истории при наличном месторазвитии и шансов «оседлать» вековую конъюнктуру. Современность требует уточнения этих рамок и шансов, а не нового бега «вдогонку за цивилизованным миром».

Глава 6. Глобальная экономико-геополитическая модель В.П. Семенова-Тян-Шанского

6.1. Типология могущественного территориального владения

В концепции евразийства не было уделено специального внимания территориям, противопоставленным российскому континентальному месторазвитию («сердцевине» Старого Света). — «выдвинутым в море окраинам» крупнейшего материка, вовлеченным в «океаническое» мировое хозяйство (Савицкий 1997, с. 340). В ходе второй мировой войны для них было предложено специальное понятие — «Римленд» (от английского «rim» — край, кайма), выдвинутое американцем Н. Спикменом (1893—1943), ревизовавшим геополитическую модель Хартленда Маккиндера.

«Римленд» — это «внутренний полумесяц» евразийского материка от Северного моря до Японского. На юго-западе и юго-востоке он отделён *средиземными морями* от Африки и Австралии — «оффшорных» континентов, представляющих собой довесок к «внешнему полумесяцу» мировой силы (Англия, островные тихоокеанские страны Азии во главе с Японией, Северная Америка). Римленд имеет большее значение, нежели Хартленд, поскольку, несмотря на упорное стремление Советского правительства к сдвигу промышленного производства за Урал, основой державной силы СССР остались предприятия его европейской

части, а превращение Советской Азии в зону с достаточным аграрным, промышленным и транспортным потенциалом проблематично. Концепцию Хатленда с преувеличением значения Центральной Азии и объединением Индии и Китая в единый регион «муссонных земель» Спикмен связывал с отходящей в прошлое особой точкой зрения Великобритании и предлагал свою глобальную формулу геополитического доминирования: Кто контролирует Римленд, господствует над Мировым островом; кто господствует над Мировым островом, господствует над миром (Spykmen 1970 (1944), p. 167).

Статья Спикмена открыла продлившиеся несколько десятилетий в западной геополитологии *дебаты о хартленде*, подытоженные в глобальной модели противостояния «геостратегических регионов» («торговозависимого приморского мира» — «евразийского континентального мира» с «русским индустриализованным треугольником»), выдвинутой в 1963 г. Солом Коэном и им же модифицированной по прекращении «холодной войны» и существования СССР с включением модели «регионов на входе», или «регионов-проводников» (Cohen 1963, Cohen 1994; Скопин 2003, с. 310–316)

Почти за 30 лет до Спикмена в работе «О могущественном территориальном владении применительно к России» русский специалист в области экономической и политической географии В.П. Семёнов-Тян-Шанский предложил гораздо более содержательную модель *трёх средиземных морей*. Два из них проникают с разных концов в Евразию (европейское и «азиатское», объёмлющее Японское, Жёлтое и два Китайских.⁷⁷ а третье расположено между двумя Америками (Карибский бассейн с Мексиканским заливом). «Господином мира» будет считаться тот, кто сможет владеть одновременно всеми тремя группами средиземных морей или тремя «господами мира» будут те три нации, каждая из которых в отдельности завладеет одной из средиземноморских областей (Семёнов-Тян-Шанский 1915, с. 149–150).

Вениамин Петрович *Семёнов-Тян-Шанский* (1870–1942) был одним из сыновей знаменитого путешественника и видного сановника П.П. Семёнова (1827–1914) П.П. Семёнов полученное в молодости

⁷⁷ Заметим, что Спикмен довольно грубо схематизировал целую группу морей Тихого океана понятием «азиатского средиземного моря». Но, впрочем, и Семёнов-Тян-Шанский не разъяснил подробно, что в Европу врезаются два средиземноморских бассейна — южный и северный. Значение этого обстоятельства для западной цивилизации трудно переоценить.

В.П. Семёнов-Тянь-Шанский
(1870—1942)

в Санкт-Петербурге образование продолжил в Берлине, где был вдохновлён монументальным А. Гумбольдтом на путешествие в недоступную ранее европейцам Тянь-Шанскую горную страну. Предпринятая в 1856—58 гг. успешная экспедиция прославила Семёнова и предопределила его дальнейший путь как государственного деятеля — активного участника подготовки крестьянской реформы 1861 г., главы Центрального Статистического комитета и фактического руководителя Русского Географического общества.

В.П. Семёнов-Тянь-Шанский был прямым продолжателем дел отца в географии и статистике. Выдающийся регионовед и страновед, редактор 20-томной серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (1899—1914), лауреат «Гран-при» и золотой медали на Всемирной выставке в Турине (1911) за руководство капитальным трудом «Торговля и промышленность Европейской России по районам» (13 выпусков, 1909—11), профессор Петроградского (затем Ленинградского) университета, он был членом руководимой В.И. Вернадским Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Нельзя не отметить, что Вениамина Петровича часто путают с его прославленным отцом, приписывая достижения сына Петру Петровичу, который был выдающимся организатором, но не теоретиком. Например, известный философ И.И. Лапшин, получив от Вениамина автобиографическую заметку о том, как сформировались основные идеи вышеперечисленных работ, поместил её в известной книге «Философия изобретения и изобретения в философии» с указанием: «П.П. Семёнов-Тянь-Шанский любезно сообщил мне»⁷⁸. В конце XX в. новосибирский экономист В.А. Ламин, обозревая неосуществлённые проекты магистрализации Сибири, ошибочно принял

⁷⁸ Ошибка повторена при переиздании: Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретения в философии. М., 1999. (Сер.: Мыслители XX века), с. 232—234.

Вениамина Семёнова-Тян-Шанского за его отца, уже покойного ко времени создания Комиссии по изучению естественных производительных сил России и разработки междудементственного 5-летнего плана⁷⁹ Великого Северного железнодорожного пути (Ламин 1981, с. 100). Наконец, ту же путаницу повторил известный историк и публицист В.Г. Сироткин, приписавший В.И. Ульянову-Ленину «революционную геополитику», которая-де учла капитальную работу «знаменитого путешественника акад. Петра Семёнова-Тян-Шанского (выделено Сироткиным — Г.Гл.), *посмертно вышедшую в Петрограде в 1915 г.* (выделено мной — Г.Гл.) под названием «О могущественном территориальном владении применительно к России» (Сироткин 2004, с. 29). Эту работу — важнейшую веху в истории российской экономико-геополитической мысли — написал именно Вениамин Семёнов-Тян-Шанский, а не его покойный отец, именно Вениамин Семёнов-Тян-Шанский в 1915 г. представлял РГО и Министерство промышленности и торговли на заседаниях Междудементственной комиссии по выработке 5-летнего плана железнодорожного строительства.

Кроме отца, Вениамин Семёнов-Тян-Шанский учился у его друзей — идеолога панславизма, языковеда, историка и фольклориста **В.И. Ламанского** (на дочери которого женился в 1896 г.), великого химика **Д.И. Менделеева** (лекции которого слушал на физмате Петербургского университета) и разностороннего географа А.И. Воейкова.

Д.И. Менделеев (1834—1907) в годы формирования научных взглядов В.П. Семёнова-Тян-Шанского энергично выступал пропагандистом «национальной экономии» в духе Ф. Листа, идеологом индустриализации России посредством «воспитательного протекционизма», поборником усиленного освоения богатых минеральных ресурсов южных (Украина, Закавказье) и восточных (Приуралье, Сибирь) окраин Российской империи. В своей программе индустриализации Менделеев рассматривал Центральную Азию и Китай как обширные рынки сбыта для русских промышленных товаров. Материал своих итоговых работ «Заветные мысли» и «К познанию России» Менделеев обсуждал с Семёновым-Тян-Шанским-отцом. Считая закономерным возрастание участия в мировых делах России, как державы, «стоящей между молотом Европы и наковальней Азии», Менделеев допускал, что срединность географического положения России на евразийском материке предрасполагает также к

⁷⁹ Не осуществленного из-за грянувших революций и гражданской войны.

«срединности» между такими началами, как общее благо и личное выгода, буддийское стремление к внутреннему благополучию и «латино-саксонский» напор к обладанию собственностью. В начале XX в. Россия столкнулась не только с недружелюбностью евроатлантических держав, заинтересованных лишь в импорте из неё хлебов, нефти и лесопроductов (хоть бы «мы сами жили впроголодь, освещались скудно и горели ежегодно на все барыши нашей внешней торговли»), но и с враждебностью Японии. Полагая возможным рассчитывать на «теснейший политический и таможенный и всякий иной» союз с униженным Китаем как противовес союзу Англии с «дерзкой подражательной» Японией, Менделеев предсказывал вовлечение заколосившего, но самобытного Китая во всемирное прогрессивное движение «сперва при помощи железных дорог и пароходов, потом при помощи фабрик и заводов» и рекомендовал, «уразумев Китай... с ним немедля сблизиться в политическом и промышленном отношениях» (Менделеев 1960, с. 125).

Академик В.И. Ламанский (1833—1914) в книге «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) выделил «срединный» мир Евразии как мир, отличный от «собственно Европы» и «собственно Азии» скудостью берегового развития, и содействовавший однообразием равнин и степей образованию громадного российского государства, в пределах которого «господствует материк над берегом, охранительный консервативный характер обитателей над жадным к новому, подвижному духом прибрежных жителей». Ламанский полагал, что эту недостающую подвижность в «срединный мир» Евразии может привнести объединение его в мир «греко-славянский», с дополнением России восточной, закарпатской, задунайской и балканской Европой.

П.П. Семёнов-Тян-Шанский в докладе в Русском Географическом обществе «О значении России в колонизационном движении европейских народов» (1892), приуроченном к 400-летию открытия Нового Света, отметил, что сухопутным материковым продвижением России к Берингову проливу замкнулось колонизационное кольцо, которым европейская раса обогнула земной шар; число уроженцев Западной Европы, переселившихся за океан со времени Великих географических открытий (90 миллионов), соотносится с численностью славяно-русского населения, мигрировавшего в Азиатскую Россию (35 миллионов), примерно также, как пропорция моря и суши на Земле (73,2% к 26,8%). Примечательно, что переселение крестьян Европейской России в Сибирь от земельной тесноты П. Семёнов сравнил с *предохранительным клапаном*, «предупреждающим государство от обеднения его

сельского населения и от целого ряда народных бедствий, вызываемых переростом населением предела ёмкости или вместимости его территории⁸⁰» (Семёнов 1892, с. 368); аналогичное сравнение использовал год спустя американец Ф. Тёрнер в эпохальной статье «Значение фронта в американской истории» (Turner 1921, р. 260). Семёнов-Тян-Шанский с удовлетворением отмечал быстрый рост народной аграрной миграции в азиатскую часть России после отмены крепостного права и приветствовал снятие ограничений для крестьянского переселения в Сибирь во время столыпинского землеустройства.

А.И. Воейков (1842—1916) был автором капитальных исследований о влиянии различных составляющих географической среды (климат, водные ресурсы, «снежность» и т. д.) на народное хозяйство России и зарубежных стран — в том числе статьи «Будет ли Тихий океан главным торговым путем земного шара?» (1904). В ней были подвергнуты проверке участвовавшие к началу XX в предсказания о превращении Великого океана в «Средиземное море будущего». Обширный материал о транспортных возможностях Атлантического и Тихого океанов и впадающих в них рек различных материков, пределах густоты европеоидного населения в тропическом климатическом поясе, продовольственных и минеральных ресурсах отдельных стран, был систематизирован Воейковым в глобальных категориях *Атлантического и Тихоокеанского торговых бассейнов*. Тщательная сводка данных, попарное сопоставление районов обоих океанов по климатически-поясному принципу позволили Воейкову сделать подтвердившийся в течение XX столетия вывод, что Атлантический океан сохранит за собой значение величайшего торгового пути земного шара. Работы А.И. Воейкова «Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека» (1906) и «Людность селений Европейской России и Западной Сибири» (1909) стали непосредственным стимулом к регионально- и глобально-экономическим исследованиям В.П. Семенова-Тян-Шанского.

⁸⁰ Предельная ёмкость или вместимость для населения страны, по расчётам П. Семенова-Тян-Шанского, прогрессивно увеличивается по этапам осёдлости и интенсификации сельского хозяйства: примерно 500 жителей на кв. географическую милю при скотоводстве, при залежном или лядинном земледелии — 1 000, при трехполье с посредственной почвой — 1500, при таком же с лучшей черноземной почвой — 2000, при многополье с некоторым развитием промышленности — 4000 и при таковом же с искусственным орошением или с наличием крупных промышленных центров — 8000.

Помимо Д.И. Менделеева, В.И. Ламанского, П.П. Семенова-Тян-Шанского, А.И. Воейкова сильное воздействие на В.П. Семенова-Тян-Шанского оказала и германская школа Ф. Ратцеля (1844—1903) с её концепциями антропогеографии и политической географии, которые Семёнов-Тян-Шанский дополнил экономической географией. Таким образом, в отличие от первого русского профессора экономической географии В.Э. Дена, В.П. Семёнов-Тян-Шанский пришёл к экономической географии не от политической экономии, а от географии. Определение экономической географии как географии *производительных сил*, «естественных или искусственных» (Семёнов-Тян-Шанский 1915а, с. 476—477), прочно связывало Семенова-Тян-Шанского и с традициями российской политической экономии, а через Д.И. Менделеева и с российской разновидностью *национальной экономики*, главным представителем которой был С.Ю. Витте — автор единственной в русской экономической литературе специальной книги о национальной экономии Ф. Листа. Витте также, как Лист и Менделеев, был убеждён в приоритетном развитии национальных путей сообщения и особенно их новой формы, преобразившей страны Запада в XIX в. — железных дорог («первостепенное орудие государственности»). В 1912 г. одновременно с переизданием своей книги «По поводу национализма. Фридрих Лист» Витте опубликовал «Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве», в котором широкими мазками были обрисованы условия исторической жизни России как государства, долгое время «почти исключительно континентального», где потому особо велико значение железных дорог — для сокращения «наших бесконечных расстояний» и преодоления невыгод рассредоточенности центров промышленной культуры (Московская и Владимирская губернии), районов добывания железа (Урал) и угля (Донбасс) (Витте 1997, с. 74—75).

В.П. Семёнов-Тян-Шанский также отводил железнодорожным магистралям важнейшее место в числе новейших условий великодержавного положения, изучаемых «географией территориальных и духовных господств (или могуществ) человеческих сообществ». В 1920-е гг. В. Семёнов-Тян-Шанский встречался с посетившим СССР учеником Ф. Ратцеля и представителем мюнхенской школы геополитики Э. Обстом⁸¹, сам он не использовал термина «геополитика», но фактически первым

⁸¹ В середине 1920-х гг. две книги Обста с подчеркнутой антианглийской направленностью были переведены на русский язык. Мюнхенская школа геополитики привлекала тогда в СССР внимание как направление, методологически отчасти близкое историческому материализму, но при этом явно несущее отпечаток

в России разработал глобальную геополитическую модель с гораздо более серьёзным, чем у германских и англо-американских теоретиков геополитики, экономическим ракурсом. Поэтому модель, изложенную Семеновым-Тян-Шанским в статьях «О могущественном территориальном владении применительно к России» (1915), «Единство России и великое тысячелетнее переселенческое движение» (1919) и отчасти в других работах, можно характеризовать и как глобальную геополитическую, и как глобальную геоэкономическую.

Роль выделенных Семёновым-Тян-Шанским трёх мировых средиземноморских центров в истории цивилизации исключительна, поскольку они опоясаны, во-первых, полосами плодородных земель и, во-вторых, с большим или меньшим отдалением — рядом пустынь (Сахара, Ливийская, Фиваида, Сирийская, Аравийская, Иранская, Индийская (Тар), Гоби, Мексиканская, Перуанская), где природа побуждала человеческий дух «углубляться, общаться с далью» и откуда пророки несли скрижали завета в соседние урожайные земли. Вожделения державных народов издревле распространялись прежде всего на благодатные средиземноморские побережья и удержание в сфере своего влияния окрестных пустынь. В борьбе за побережья сложились *три основных территориальных типа могущественных владений*: 1) «кольцеобразный» — вокруг моря; 2) чрезматериковый — «от моря до моря»; и 3) «клочкообразный» — с разбросанными через моря и океаны отдельными островами и кусками материков, связанными периодическими рейсами военных и коммерческих кораблей. «Кольцеобразную» систему первыми на европейском Средиземном море начали ковать греки и финикийцы (позже карфагеняне), но преуспели римляне, империя которых охватила Средиземноморье целиком ⁸². Менее прочную

империалистической привычки «мыслить континентами», взирая на горизонты мировых держав. В обзорной статье, написанной венгерским коминтерновцем Александром (Шандором) Радо (1899—1981), указывалось, что геополитика идеологически заострилась и выделилась в особую научную систему в силу идеологических потрясений, связанных с империалистической войной и революцией, и немецкие геополитики «целят материалистические предпосылки лишь постольку, поскольку они служат определённой цели, а именно, возрождению германского империализма» (Радо 1929, стб. 390). Экономист-картограф Радо стал одним из выдающихся советских разведчиков.

⁸² И превратила его в огромную область свободной торговли, давшей «возможность богатой природе и предприимчивости его жителей выказать всю свою силу» (Зелинский 1995, с. 307).

«чрезматериковую» («от моря до моря») систему владения пытались осуществить «мировые державы» персидских Ахеменидов и Александра Македонского. В средние века к испытанной системе «кольцеобразного» могущественного владения прибегали венецианцы и генуэзцы, тогда как выход в Атлантический океан привёл к распространению «клочкообразной» системы владений, наиболее пригодной при рабовладельческой эксплуатации далёких туземцев. Колониальные заокеанские империи создали Португалия, Испания, Франция, Голландия, но наибольшего добилась успеха Англия, с переходом к паровому судоходству устроившая на морских путях серию «угольных» станций.

Далеко не всегда «клочкообразная» система могущественного владения шла во благо метрополии (Португалия, Испания, Франция); были яркие примеры неудач и в осуществлении «кольцеобразной» системы великодержавия (Швеция в малом (северно-балтийском) европейском средиземноморье), и в попытках системы «от моря до моря» (Бургундское герцогство⁸³ в XV в.). В XIX веке прежние преимущества морских держав в «борьбе с пространством», которая вообще существенно легче в водной среде, были отчасти утрачены из-за железнодорожного строительства, существенно облегчившего внутриматериковые сообщения. Даже Великобритания решилась комбинировать свою «клочкообразную» колониальную систему с системой «от моря до моря», взявшись за трансафриканский проект Каир — Кейптаун. Со своей стороны, объединенная Германия («второй рейх») пожелала одновременно применить и «клочкообразную» систему в виде отдельных разбросанных «мест под солнцем» в Африке и Океании, и систему «от моря до моря» с посягательством на земли славян и с вызовом Англии в виде проекта Багдадской дороги. Но этот экспансионизм оказался непомерным и в мировой войне повлек за собой катастрофу всего германского колониального движения.

Систему «от моря до моря» в новой истории реализовали два гиганта Северного полушария — Россия и США. Но североамериканцы, не имея грозных политических соседей, смогли спокойно перелить ко-

⁸³ Пример добавлен мной. — Г.Гл. Надо также заметить, что успех голландцев и англичан (в отличие от западнороманских держав) в реализации «клочкообразной» системы могущественного владения по всему миру был, очевидно, связан с реализацией контроля над североевропейской группой средиземных морей: Голландия долго держала в своих руках балтийскую торговлю, Англия после бомбардировки Копенгагена в 1807 г. подчинила себе выход из Северного моря.

лонизационную волну от Атлантического океана к Тихому и укрепить её экономически; а затем уже заполнять слабее населенный географический центр своей территории. Российская же колонизация, хотя и создала государство наибольшего материкового протяжения, приняла вид «постепенно суживающегося, зазубренного меча, тончающего и слабеющего на своем восточном конце, вклинившегося между суровыми в климатическом отношении территориями севера Азии и исконными землями самого обширного государства желтой расы. Очень легко обрубить конец такого меча» (там же, с. 154). В.П. Семёнов-Тян-Шанский не разделял благодушия Д.И. Менделеева относительно Китая и полагал, что вероятный «азиатско-тихоокеанский всплеск» со стороны Японии и Китая и воинствующий германизм в Европе являются двумя «остаточными» колонизационными волнами, таящими с двух сторон угрозу для России. Её уязвимость предопределяет сохранение в известной степени военно-мобилизационного характера русской колонизации и требует — здесь уже полное согласие с Менделеевым — доведения географического центра страны до степени густоты населения и экономического развития, сравнимой с западной коренной частью государства. Но как это сделать?

Два возможных варианта: 1) перенос столицы в Екатеринбург — радикально, малореально и дорого; 2) создание новых российских колонизационных культурно-экономических баз. Россия смогла стать великой державой благодаря четырём колонизационным базам на Восточно-Европейской равнине: Киевско-Черниговской; Новгородско-Петроградской; Московской и Средневолжской. Однако русское колонизационное движение сопровождалось чрезмерной тратой сил на занятие оседлостью тюрко-монгольских степей и преодоление вклинившегося поперек русского движения к востоку мусульманского «волнореза». Из-за этого однородность атлантической волны миграции нарушилась: в Западной Европе уже давно появилось интенсивное земледелие, а русский северо-восток перейти к нему был не в состоянии вплоть до XX в.

Другой историко-экономической противоположностью России и Запада стала различная степень сгущения и бойкости городской торгово-промышленной жизни. Развитию городов, выраставших на Западе при земельной стесненности и расчлененности рельефа, не содействовало русское «богатырское раздолье трех дорог — лесной, лесостепной и степной» с землёй, «плоской как кленовый лист» (Семёнов-Тян-Шанский 1910). В Древней Руси «городами» назывались важные в военно-политическом отношении укрепленные пункты, сходные по своей роли

с западноевропейскими замками. Но «там» ближайшие к крупным замкам и наиболее защищенные селения сравнительно скоро обращались в торгово-промышленные пункты, застроенные высокими каменными зданиями, разнообразившие ремесла и приобретающие исключительные права на ярмарки — западные города развивались одновременно как торгово-промышленные и юридические, обладающие привилегиями. «Здесь» же земельный простор не прикреплял население к деревянным строениям и ремеслам⁸⁴. Московское государство, обратившись в Российскую империю, «миновало юридический город», лишь постепенно переходя от военного типа городов к административному типу, с почти исключительным пребыванием правительственных учреждений. Страна осталась преимущественно земледельческой с преобладанием «мелкоты торговли»; а торгово-промышленные города стали вырастать лишь в XIX столетии, несколькими веками позже Западной Европы и в рамках официального искусственно расчерченного — путём канцелярских усмотрений из Петербурга — губернского и уездного деления, при котором наиболее оживленные промышленные районы складывались обычно «как бы в насмешку» на границах губерний, а отдельные уезды «бывали склеены из двух половин», временами (в половодье) разобщаемых самой природой.

Задача сохранения великодержавия России требовала, по мнению В.П. Семенова-Тян-Шанского, выравнивания культурно-экономического потенциала её европейской и азиатской половин за счёт создания *четырёх новых* колонизационных баз: на Урале, Алтае, в Горном Туркестане и Кругобайкалье. Эти базы должны были бы стать центрами, переросшими свою зависимость от зонально расположенных богатств земной поверхности, — «бойкими азональными торгово-промышленными наносами». Полагая вслед за А.И. Воейковым, что «природа должна служить человеку», В.П. Семёнов-Тян-Шанский классифицировал все экономические районы деятельности человека на Земле на зональные, азональные и переходные между ними. Под зональными подразумеваются районы с преобладанием использования *поверхностных* богатств Земли (флора и фауна), располагающихся климатическо-биогеографическими зонами вместе с почвами. Под *азональными* — места горно-

⁸⁴ Ср. с антитезой «каменный Запад» — «деревянная Русь» в «Истории» С.М. Соловьева; можно вспомнить также любовно выполненный проект организации Каменного приказа, присланный из Англии Петру I корабельным мастером боярским сыном Ф. Салтыковым (?—1715) (Павлов-Сильванский 1897).

заводских и мануфактурно-фабричных производств, не зависящих от зонального расположения местных почв, растительного и животного мира. «Мерилом культурности данной страны является степень развития в ней азональных экономических районов, как более свободных от естественных условий территории и вызванных более высокими потребностями населения, если только эта азональность не связана исключительно с присутствием ископаемых богатств» (Семёнов-Тян-Шанский 1928).

Торговля и промышленность Земли, — резюмировал В.П. Семёнов-Тян-Шанский — группируются наиболее интенсивно по преимуществу на морских побережьях и в азональных районах внутри стран.

6.2. Конфигурация мировых центров как вызов для России

Историческое освоение российской территории В.П. Семёнов-Тян-Шанский рассмотрел на фоне глобального колониационного процесса с накатами двух могучих «колониационных волн», разошедшихся от Индостана — теплого полуострова, обращенного к югу и прикрытого с севера «кровлей» Гималаев и Тибета. К северо-востоку от Индийского субконтинента, вытянулось ядро желтой (азиатской) расы, к северо-западу — ядро белой (средиземноморской) расы. Распространяясь по своим первоначальным территориям, оба ядра человечества Евразии одинаково заселяли своими оседлыми, земледельческими элементами плодородные долины, «выбрасывая» в места с худшими природными условиями более грубые и невзыскательные кочевые и бродячие элементы скотоводов и звероловов. Активная роль в истории кочевников белого ядра закончилась ранее, чем у желтого ядра, поскольку белое оседлое человечество отличалось всегда более быстрым территориальным распространением, чем желтое, и напоры его кочевников происходили на суженных пространствах (Причерноморье (скифо-сарматы) — Аравия и Северная Африка), разрозненных оседлой массой. Тогда как кочевники желтого ядра перекачивались огромной лавиной по евразийским степям. Распространившись до краевых морей Тихого и Атлантического океанов, обе волны тысячелетней миграции «оттолкнулись» от побережий вовнутрь материка и двинулись навстречу друг другу: желтая — к северо-западу, а белая — к северо-востоку.

Преимуществом европейско-атлантической миграции стал сравнительно однородный изначальный состав: экстенсивные земледельцы,

равномерно двигавшиеся и посылавшие «вспомогательными меридиональными волнами» к северу и югу от себя воинов и торговцев, расчищавших пути для расширения все того же экстенсивно-земледельческого пояса. Стесненная суживающимся пространством европейского северо-запада, «атлантическая волна» распространилась в Скандинавию (германцы) и на Восточно-Европейскую равнину (в основном славяне). Тихоокеанско-азиатский поток был неоднородным: авангард составляли кочевники, способные отсекал только лишний запасный земельный фонд на случай временных прикочевков; в арьергарде же интенсивные земледельцы больше топтались на месте. Тихоокеанская волна миграции застыла на кочевом быте в азиатских степях и в «неподвижной китайской государственности»⁸⁵ (Семёнов-Тян-Шанский 1919).

После многовековых столкновений атлантический миграционный поток, «опираясь в своем тылу на подвижную западноевропейскую цивилизацию», восторжествовал, проскользнув русским «фланговым обходом» на весь северо-восток Евразии. Хотя атлантическая волна миграции докатилась до Тихого океана лишь в виде слабого русского «всплеска», кочевые налеты из Азии были вовсе прекращены. Европейский Запад, предоставив восточным славянам одним вести продвижение на северо-восток Евразии, обратил свою колонизационную энергию на Америку и отчасти тропические страны Старого Света.

Глобальная экономико-геополитическая модель В.П. Семенова-Тян-Шанского отразила общий акцент историко-экономической и политической географии конца XIX — начала XX вв. на заморской и заокеанской экспансии западных держав, на «стремлении европейской цивилизации стать универсальной, проникнуть во все, даже глухие уголки земного шара» (Мечников 1924, с. 90—91). В предпринятом Л.И. Мечниковым (1838—1888) опыте «географического синтеза истории» современный период цивилизации характеризовался как *океанический* с двумя фазами — торгово-колониальной экспансией приатлантических стран Европы со времени Великих географических открытий «присоединение к области цивилизации бассейна Тихого океана» со времени «золотых лихорадок» в Калифорнии и Австралии (с последующим быстрым экономическим прогрессом этих территорий), откры-

⁸⁵ Существенная оговорка: «Хотя азиатский кочевой авангард и был разбит навсегда, тем не менее, тихоокеанские интенсивные земледельцы за китайской стеной сохранили в целости всю свою нетронутую потенциальную энергию» (Семёнов-Тян-Шанский 1928).

тия портов Китая и Японии для международной торговли, «революция Мейдзи» и утверждения России на берегах Амура.

В более поздних работах, посвященных геополитическим факторам истории и их взаимодействию с экономикой, помимо акцента на заокеанской экспансии и более отдалённых эпохах «речных цивилизаций» и «средиземноморских главах» истории, уделялось особое внимание развитию парового транспорта, подключившего к цивилизации глубинные области материков. Благодаря железным дорогам к мировой экономике была подключена «забаррикадированная» внутренними естественными препятствиями Африка, и ее карта к началу XX в. целиком раскрасилась в европейские цвета. Железные дороги связали в компактное хозяйственное целое Соединенные Штаты Америки и создали современную Канаду, чья огромная площадь считалась настолько бесполезной, что в Англии — после победы над Францией в Семилетней войне — шли самые горячие споры о том, что удержать за собою: Канаду или Гваделупу с Мартиникой. Причем, «теперь, когда морское сообщение с Англией стало сравнительно невыгодным, те же самые железные дороги все теснее связывают современную Канаду с Соединенными Штатами». Наконец, железные дороги впервые объединили Индию и открыли путь в глубины Азии (Хоррабин 1930, с. 46—47).

В.П. Семёнов-Тян-Шанский считал неизбежностью отличие и в будущем истории России от истории других великих держав, вызванное отсутствием свободных выходов в океан, и предопределённостью — необходимостью полагаться более на развитие внутренних отношений, чем внешних, и «лихорадочную поспешность, на которую мы фатально обречены с сооружением усовершенствованных путей сообщения» (Семёнов-Тян-Шанский 1915, с. 26). Преодоления экономико-геополитических ограничений развития самой протяжённой в мире страны, более всех остальных населенной и ресурсоносной в высоких широтах, он искал на путях широкого железнодорожного строительства с двумя коррективами: 1) отказ от узкого военного и транзитного подхода к магистралям, «оборудование» вблизи них новых колонизационных баз с промышленной переработкой местного сырья; 2) внимание к «возможному естественному продолжению наших магистралей в сопредельные страны» (там же, с. 29). Семёнов-Тян-Шанский сам разрабатывал направления наиболее перспективных железных дорог для России, считая особенно существенным правильное сочетание широтных и меридиональных магистралей. Межведомственную комиссию по планированию сети новых железных дорог в Российской империи он убедил о

первоочередности сооружения двух магистралей: северной сибирской и южной среднеазиатской. Обе должны были дополнять уже построенные Транссиб и железную дорогу Оренбург — Ташкент. Транссиб обогнул южную границу зоны русского земледелия, а по её северной границе, по мысли В.П. Семёнова-Тян-Шанского, должна была пройти высокоширотная северная магистраль: от реки Свирь через Вытегру, Котлас, Усть-Сысольск, Тавду, Тобольск, Надым, Енисейск до северной оконечности Байкала, с ответвлениями от Котласа до Мурманска и от Бодайбо до Николаевска-на-Амуре. Благодаря Оренбургско-Ташкентской дороге, по выражению В.П. Семёнова-Тян-Шанского, «Сыр-Дарья впадает в Европейскую Россию», и настал черед дать возможность впасть в Европейскую Россию Аму-Дарье — посредством новой среднеазиатской магистрали от пристани Чарджуй (ныне Чарджоу) до посёлка Александров Гай в Саратовской губернии (Второй журнал заседаний Междуведомственной комиссии по выработке 5-летнего плана железнодорожного строительства. Пг., 1916, с. 5, 16). Уже после революции, в докладе на общем собрании Географического общества «Будущие чрезматериковые пути сообщения» (1919), Семёнов-Тян-Шанский наметил 7 возможных трансконтинентальных магистралей (4 широтных и 3 меридиональных), которые могли бы связать мир в единое экономическое пространство; причём 5 из них (соответственно 3 широтных 2 меридиональных — оба от Мурманска) пересекали бы по российскую территорию.

События последующих десятилетий развивались по иному сценарию: послереволюционная Россия вместо «активного сотрудничества в создании мировых путей» двинулась по траектории ресурсно-техно-экономического обособления в рамках «построения социализма в одной стране» и — с явной недооценкой транспортной составляющей. Из двух обсуждавшихся в научно-инженерных и руководящих экономических кругах концепций развития транспорта по отношению к базовым отраслям — ускоренной и замедленной — была выбрана последняя; в противовес международной практике удельные капитальные вложения в транспорт сокращались (Горичева 1990, с. 128). Возобладавший подход «сначала производство, затем транспорт» сопровождался «минованием» пути массовой автомобилизации, по которому пошло с 1920—30-х гг. развитие стран Запада, усиленно наращивавших сети автомагистралей и смежные отрасли промышленности, включая нефтяную и химическую (Гольц, Филина 1996, с. 74—77). Устоявшаяся «парадигма» остаточного принципа для транспортной инфраструкту-

ры предопределила и выбор «апробированного» «угольного» варианта промышленного роста, а не опережающего «нефтяного», и этапное отставание в динамике технико-экономических укладов, усугубленное крупномасштабным строительством (с применением массового принудительного труда) водных каналов (Глазьев 1993, с. 115—118).

Опыт советского модернизационного проекта, альтернативного универсальной океанической цивилизации Запада, был ответом на глубокие кризисные процессы, связанные с «нашествием» в конце XIX — начале XX вв. тяжёлой индустрии на пространства России и Восточной Европе (Лапкин, Пантин 2002, с. 40). Реализация догоняющего развития в форме номинального социализма обернулась в итоге, поражением в экономической конкуренции и геостратегическом противоборстве с атлантическим «центром» капиталистической мир-системы. Более успешной оказалась экспортно-ориентированная догоняющая индустриализация Японии и НИС Юго-Восточной Азии, позволившая этим странам на берегах «Азиатского средиземного моря» превратиться в «мировые полюсы экономического роста». В.П. Семенов-Тянь-Шанский, хотя и отмечал, что «тихоокеанские интенсивные земледельцы за китайской стеной сохранили в целости всю свою нетронутую потенциальную энергию», вызов со стороны жёлтой расы представлял исключительно как политический. Для западных геополитологов того времени вопрос стоял только как «кто будет эксплуатировать Китай?»; а Корея фигурировала лишь как пример страны, неспособной сохранить независимость в мире соперничающих империализмов, сходный с Ирландией и Египтом (Хоррабин 1930). Иную ситуацию мы видим в начале XXI в., когда Россия столкнулась с экономическими вызовами уже не только атлантического Запада, но и промышленного Нового Востока, поднявшегося на побережьях «азиатских средиземных морей».

В.П. Семенов-Тянь-Шанский был единственным русским учёным начала XX в., сумевшим предвосхитить реконфигурацию мировых центров силы в форму геоэкономической триполярности. Частью этой реконфигурации является *глобальный геоэкономический сдвиг* к сближению азональных районов с морскими побережьями, причём происходил он прежде всего в трех мировых *средиземноморских* областях, ставших тремя главными мировыми центрами экономического роста. Процесс сгущения населения вокруг *портово-промышленных комплексов* наиболее интенсивно происходил в *азиатской* группе средиземных морей, где сначала рванула вперед Япония, фактически весь промышленный

потенциал которой сконцентрирован в портовых комплексах (крупнейшие — Кобе, Тиба, Нагоя, Иокогама), затем взлетели 4 НИС-«дракона». Наконец, стал стремительно наращивать мощь Китай, демонстрируя самые высокие в мире темпы не только роста промышленности, но и *использования фрахта* (Ваккерман 1997, с. 35).

В середине 1990-х гг. крупнейший город КНР Шанхай замыкал мировую десятку универсальных портов с грузом более 100 млн. тонн, на которую приходилась половина всего приморского грузооборота. Первое место в списке занимал голландский Роттердам, возвысившийся благодаря интеграционным процессам в зоне североевропейского средиземноморья и «лотарингской оси»; второе — город-порт-государство Сингапур, расположенный на «выходе» из азиатского средиземноморья; третье и восьмое — Новый Орлеан и Хьюстон, выросшие на берегах Мексиканского залива. Остальные 5 мест в первой десятке приходились на долю Нью-Йорка и японских портов. Но уже через 10 лет за первое место в списке крупнейших портов мира соревновались только Сингапур и Сянган-Гонконг, воссоединившийся с Китаем; а далее расположились ещё 3 китайских порта — Шанхай, Шеньжень и Каошунг, а также южнокорейский Пусан.

К сожалению, пока всё цивилизованное человечество устремляется к морским портам (Зимин, Корнилова 1993, с. 14), прозападные политические карьеристы в России поощряли развал «последней империи — советской». Тем самым обрекая Россию на геополитическое и геоэкономическое ужатие с решительным сдвигом «от морей», к континентальному северо-востоку Евразии.

Положение России в глобальном сетевом обществе, когда на первое место в «чрезматериковых» коммуникациях вышли компоненты третьей инфраструктуры, будет зависеть и от способности сладить с напором на сибирские территории «самого обширного государства желтой расы» — уже не прежнего, заостенелого под манчжурской косой, а обновлённого и удивляющего мир своим динамизмом; и от успешности противодействия стремлению зарубежных коммуникационных инфраструктур видеть в России только источник ресурсов (топливно-энергетических, минеральных, интеллектуальных, сексуальных) и рынок сбыта. Несмотря на советскую политику сдвига производительных сил на Восток, населённость азиатской части России осталась весьма невысокой и недостаточной даже для создания более или менее сплошной полосы вдоль Транссиба; кроме того, с 1992 г. началось абсолютное сокращение численности населения Сибири и Дальнего

Востока (Вишневский 1998, с. 260). Поэтому выглядит актуальным предложение В.П. Семёнова-Тян-Шанского «выделить особую область Русской Евразии, не считая её никоим образом за окраину» (Семёнов-Тян-Шанский 1915, с. 27). В общем же и целом нельзя не согласиться с создателем первой глобальной экономико-геополитической модельной концепции в том, что успех в деле залечивания «хозяйственных ран», нанесенных политическими переворотами, находится в прямой зависимости от «степени распространения наших личных практических знаний России» (Семёнов-Тян-Шанский 1919 а, с. 36). Они должны лечь в основание такого державного ответа на глобальные вызовы, «чтобы не остаться висеть в воздухе наивным мечтателем за флагом всех других наций, совершенно реально преследующих ясно видимые ими цели» (Семёнов-Тян-Шанский 1915, с. 33).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отличие от истории социологии, в истории политической экономии не выделяется отдельного географического направления. Однако, своеобразие географических условий национального хозяйствования, как было показано в данной книге, не осталось без внимания в трудах ранних школ экономической мысли. Формирование же в начале XX в. экономической географии как особой научной дисциплины происходило под воздействием исторической школы в политэкономии. Показательно большое внимание, уделенное географическому фактору, особенно преимуществам приморских стран, в первом опыте сводной экономической истории западной цивилизации (Кёнингем 1902—1903).

Своеобразие географических условий российской цивилизации было не раз и не два подчеркнуто и российской классической историографией, и российской политэкономической традицией, отмеченной более или менее выраженной интонацией «географического скепсиса». Был зафиксирован целый ряд природных факторов, не благоприятствующих экономическому развитию «пространнейшей из держав». Мы видели оценки её громадной протяженности как бремени расстояний, замедляющих хозяйственный оборот; её минеральных ресурсов — как не всегда достаточных и неудобно рассредоточенных; её рек — как не слишком полезных для внутреннего товарообмена; её погодно-климатических условий — как чересчур суровых; её истории — как трудного «преодоления» её географии; её культурного ландшафта — как недостаточно привлекательного для туризма.

П.Н. Савицким в концепции *российско-евразийского месторазвития* были подчеркнуты три резко отличающие Россию-Евразию предопределённости в развитии главных отраслей хозяйства. В агро-сфере — неизбывность парового трехполья на большей части территории и ограниченность возможностей для европейски интенсивного плодосменного земледелия; в торговле — обделённость наиболее удобными и дешёвыми (морскими) транспортными путями; в промышленности — историческое несовпадение ресурсных и культурных средоточий.

Глобальные концепции, выдвинутые российской экономической мыслью в начале XX в., были неразрывно связаны с осмыслением экономистами — наряду с географами, историками, естествоиспытателями, инженерами — проблематики национальных производительных сил. Особую позицию в этом отношении занял русский марксизм.

Он принес с собой не только схему исторического оптимизма, но и пафос «покорения природы». Открытие «богатейшей страны» состоялось во многом благодаря партии большевиков, после захвата власти запретившей все прочие партии, кроме геологических.

«Разведка недр» по всей территории страны действительно подкрепила уверенность в «неисчерпаемых ресурсах», питавших индустриализацию и сверхдержавный статус, в жертву которым было принесено сельское хозяйство. Мобилизационное освоение труднодоступных районов было окружено идеологической героикой «социалистического строительства» (и скрывало лагерный блок планово-принудительного труда). Пафос овладения пространством «шестой части суши» и «превращения науки в непосредственную производительную силу» разрушил рамки «географического скепсиса» дореволюционных школ политэкономии. Народничество осталось известным лишь по яростной его критике В. Ульяновым-Лениным. Н.П. Огановский как «неонародник» вместе с А.В. Чаяновым и другими представителями организационно-производственной школы был осужден и надолго вычеркнут из истории экономической и географической мысли. Состарившийся В.П. Семёнов-Тян-Шанский не имел возможности пропагандировать и развивать свою экономико-геополитическую концепцию, объявленную невразумительной. Из «материалистического» понимания истории и из курсов политэкономии были изгнаны даже намёки на «географический детерминизм».

После крушения СССР советская политэкономия вместе с другими составными частями марксизма-ленинизма и опытом советского экономического роста была подвергнута критической (и, как правило, негативной) переоценке. Однако штамп «неисчерпаемых ресурсов» сохранился и ударил бумерангом, породив завышенные ожидания от «бегства к рынку» (в «цивилизованный мир») и мифологизацию «славного и изобильного» прошлого. Становление нового российского капитализма с патологическим социальным расслоением, криминальными эксцессами, заклинаниями о необходимости инвестиций и т. п. породило на рубеже XX—XXI веков новый виток полемики о природных и геополитических факторах и ограничениях экономического развития России. В спор включились специалисты по естественным наукам, географы, историки, экономисты, политологи, обнаруживая при этом различные идеологические пристрастия. Не вдаваясь в подробное описание, хотелось бы отметить два существенных изъяна дебатов. Во-первых, игнорирование (точнее, попросту незнание) вклада российской политэконо-

мической мысли в осмысление проблемы; во-вторых, тенденциозность и передержки, выдающие бескультурие некритичного дискурса.

В качестве примера рассмотрим отклики на вызвавшую немало шума тенденциозную книгу А. Паршева «Почему Россия не Америка». И сочувствующие автору, и ожесточенные его противники пребывали в неведении, что исходный пункт рассуждений — сомнительная конкурентоспособность на мировых рынках российских товаров вследствие обусловленных отечественными расстояниями и климатом повышенных транспортных и энергетических затрат — лишь повторяет сказанное российскими политэкономами в XIX веке и резюмированное в первой части нашей книги. Показательна та поистине хлестаковская «легкость мысли необыкновенная» критиков, которые за провоцирующими выводами Паршева о предопределённости страны к изоляции от мирового хозяйства и о том, что И. Сталин-де «был рыночником, грамотным и последовательным», запросто отмахиваются от действительной проблемы. Например, рецензент из «Нового мира» негодует, что «из счастливых обладателей самой большой страны мира, богатой лесами и полезными ископаемыми, мы с легкой руки Паршева превратились в бедных родственников, обнесенных на «празднике жизни». И далее ёрничает: «центральная часть Канады («Великие равнины»), основной сельскохозяйственный район, чью пшеницу мы ели в брежневские годы, имеет столь континентальный климат, что аналоги в России можно найти только за Уралом». Интересно, а где можно найти за Уралом аналог Великим Озёрам и реке св. Лаврентия, которые, будучи доступными океанским судам и дополненными железными дорогами, ещё с позапрошлого века связали Канаду с мировым рынком, обеспечив низкие транспортные издержки?

Ещё более «весомый» аргумент — процветающая Дания (а не Россия) как «самая холодная» страна мира, поскольку в её состав-де входит огромная ледяная Гренландия. Здесь смысла не больше, чем в сентенции, что «мы не получили в придачу теплого климата и незамерзающих портов, так нельзя же все сразу».

«Новый мир», впрочем, хоть и пользуется каким-то авторитетом у ещё читающей публики, издание всё же не академическое. Но вот солидный журнал «Мировая экономика и международные отношения». Здесь с вызывающим изоляционистом Паршевым, а заодно и с проблемой российско-евразийского неудобья, уверенно разбирается доктор экономических наук Ю. Шишков: «Что же касается непригодности для земледелия российского Севера, то этот укоренившийся в обще-

ственным сознании стереотип еще в 1906—1914 гг. был опровергнут А. Журавским, который в приполярном печорском селе Усть-Цильме за восемь лет акклиматизировал традиционные культуры Подмосковья. Причем благодаря удлинённости летнего светового дня урожайность здесь оказалась втрое выше. После экспериментов Журавского посевные площади ржи в Печорском крае расширились в 10 раз, ячменя — в 9, картофеля — в 18 раз. Правда, этот переворот в земледелии Европейского Севера России произошел в условиях рыночного сельского хозяйства, а не колхозно-совхозного, когда кукурузу в приказном порядке пытались продвигать на север».

Откуда такие сведения? Из газеты «Известия», известного рупора «ельциников» 1990-х. Впрочем, было бы несправедливо бросать тень на достижения выдающегося учёного Андрея Владимировича Журавского, коль его имя все упоминается в жёлтой прессе. От науки на то и требуется культура критического дискурса, чтобы судить, не полагаясь на таблоиды.

Осиротевший ещё в юности приёмный сын (подкидыш) генерала из старинного дворянского рода А.В. Журавский обосновал первую программу комплексного экономического освоения Приполярной России. Журавский был энтузиастом, потратившим своё наследство на организацию с 1903 г. ежегодных экспедиций по Печорскому краю и Большеземельской тундре, в результате чего не смог из-за отсутствия средств на окончание курса в Петербургском университете даже получить законченного высшего образования. Основанная сто лет назад Журавским Печорская естественно-историческая станция стала первым научным учреждением на Русском Севере и действительно осуществила успешные опыты по культивированию скороспелых сортов «длинного светового дня»; была «за развитие овощеводства в арктической зоне» удостоена золотой медали Петербургской сельскохозяйственной выставки 1911 г. Но!

Эти впечатляющие результаты были достигнуты преимущественно *политическими ссыльными* Усть-Цильмы, которым были *бесплатно* выданы семена и рассады овощей. Именно ссыльный Артемий Соловьёв в 1907—1908 гг. вырастил в Усть-Цильме все те овощи, которые росли в Подмосковье, но с трехкратной урожайностью. После этого в 1909 г. Переселенческое управление приняло решение финансировать Печорскую станцию, но прибывшая через полгода комиссия Главного управления землеустройства и земледелия решила её закрыть. Правда, в 1911 г. под другим названием работу станции возобновили, одна-

А.В. Журавский
(1882—1914)

ко сохранилось враждебное отношение и сопротивление чиновничества и жандармерии Архангельской губернии «пустым затеям» Журавского. Молодой учёный был негоден не только потому, что привлекал к экспедициям и сельскохозяйственным опытам политссыльных, но и потому, что как публицист выступал против захвата разработки северных недр английскими, шведскими и норвежскими фирмами, с которыми охотно ставилась местная бюрократия. Кроме того, как последователь экономической доктрины известного американского экономиста Генри Джорджа Журавский был противником неограниченной купли-продажи земель.

Журавский настаивал, наконец, на соблюдении интересов и охране самобытности коренного промыслового и оленеводческого населения.

Среди тех, кто оказывал поддержку А.В. Журавскому, в первую очередь надо назвать не раз упомянутых в этой книге П.П. Семенова-Тян-Шанского и А.И. Воейкова. Годившийся им по возрасту во внуки, разработчик первой программы комплексного экономического освоения Русского Севера ушёл из жизни в тот же год, что и маститые учёные. Убитый пулей полицейского агента. Незадолго до гибели Журавский поместил в газете «Северное утро» серию фельетонов «Северные авантюристы» с разоблачением коррумпированных губернских властей и перекупщиков, спаивавших коренное население. Провожая учёного в последний путь, социал-демократы Усть-Цильмы вышли с венком «Добровольно ссыльному от группы ссыльных». Говорить о каком-то «перевороте в земледелии Европейского Севера России в условиях рыночного сельского хозяйства» было бы, мягко выражаясь, насмешкой над памятью А.В. Журавского, недолгая жизнь которого совпала с величайшим изломом в судьбе самой северной и самой обширной из империй.

Отметим пристальный интерес современных исследователей к изучению опыта империй в мировом контексте как оборотную сторону осмысления глобализации

(Хелд, Гольдблатт, Макгрю, Перратон 2004). Британский историк Д. Ливен, профессор всё той же Лондонской школы экономики,

в стенах которой веком ранее разработал первую на Западе глобальную геополитическую модель Х. Маккиндер, в своём фундаментальном сравнительном исследовании империй, характеризует Россию как Европу, с особыми чертами экономики, экспансии и менталитета, обусловленными местоположением (Ливен 2007, с. 363—370). Эта держава, отмечает потомок офицеров на русской службе, создавалась «наперекор природе»: размеры и климат страны брали дополнительный налог с любого вида деятельности (там же, с. 334).

Исторические взаимосвязи экономики и могущественного территориального (имперского) владения в общемировом контексте; особенности эволюции систем воспроизводства в пределах национально-государственного целого, сложившегося как «периферийная сухопутная империя», — таковы масштабы анализа, для которого представляет значительную ценность наследие российской геополитической экономики. Оно, с одной стороны, учит взвешенному подходу к природным и геополитическим факторам экономической эволюции России, избавленному как от комплекса исторической неполноценности, так и от нарочитой «близорукости» или «дальнозоркости» в расчёте на решение проблем по мановению «невидимой руки» мирового рынка или видимой руки «сильного государства». С другой стороны, в нём обнаруживается потенциал российской экономической мысли к оригинальной постановке и глубокой проработке не только национальных, но и глобальных вопросов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамс Б. Новая держава. М. — Изд-во бр. Рябушинских. — 1910.
- Алексеев Н.Н. Евразийство и марксизм // Евразийский сборник. — Кн. 6. — Прага. — 1929.
- Арсеньев К.И. Гидрографическое обозрение России // Журнал МВД. — 1836.
- Бабст И.К. Исторический метод в политической экономии // Русский вестник. — 1856. — № 3.
- Бабст И.К. Предисловие // Рошер В. Система народного хозяйства. Том 1. М. — 1860.
- Бажаев В.Г. Крестьянское травопольное хозяйство в нечернозёмной полосе. М. — 1900.
- Барнав А. Введение во французскую революцию // Хрестоматия по французскому материализму. Пг. — 1923.
- Безобразов В.П. Избранные труды. М. — Наука. — 2001.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. — Academia. — 1999.
- Белозерцев А.Г. Зерновое хозяйство России (1865-1997 гг.). М. — 1998.
- Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг. — 1921.
- Биггарт Дж. Александр Богданов и теории «нового класса» // Социологические исследования. 1993. — № 7.
- Блауг М. Сто великих экономистов до Кейнса. М. — «Дело». — 2005.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М. — «Дело». — 1995.
- Блеклов С.М. Земские учреждения // Энциклопедический словарь «Гранат». Том 21. М., 1913.
- Богданов А.А. Вопросы социализма. — М. — Книгоизд-во писателей. — 1918.
- Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. — М. — Политиздат. — 1990.
- Богданов А.А. Всесообщая организационная наука: тектология. Кн. 2. — М. — Изд. автора. — 1917.
- Богданов А.А. Всесообщая организационная наука: тектология. Кн. 2. — 3-е изд. — Л.-М. — «Книга». — 1927.
- Богданов А.А. Из психологии общества. СПб. — С. Дороватовский и А. Чарушников. — 1904.
- Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. М. — 1897.
- Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. 9-е изд., вновь испр. — М. — С. Дороватовский и А. Чарушников. — 1906.
- Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. 10-е изд. — М. — Госиздат — 1920.
- Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX века // Вестник МИАБ. — 2000. — № 4.
- Богданов А.А. Наука об общественном создании. 3-е изд. Пг.-М. — Книга. — 1923.
- Богданов А.А. Общественнонаучное значение новейших тенденций естествознания (1923) // Вестник МИАБ. — 2004. — № 2 (18).
- Богданов А.А. О пролетарской культуре. — М.-Л. — «Книга» — 1925.

- Богданов А.А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901-1928 гг. // Незвестный Богданов. Кн. 1. — М. — ИЦ «АИРО-XX». — 1995.
- Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. — М. — Финансы. — 2003.
- Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 1. СПб. — Т-во «Знание». — 1910.
- Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 1. 3-е изд. М.-Л. — Госиздат. — 1925.
- Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 2. Вып. 1. Эпоха торгового капитала. М. — Госиздат — 1920.
- Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 2. Вып. 2. Эпоха промышленного капитала. М. — Госиздат — 1919.
- Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 2. Вып. 4. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. 2-е изд. М.-Пг. — Госиздат. — 1924.
- Боголепов М.А. Колебания климата и историческая жизнь. М. — 1912.
- Бориник М. Экспорт капитала. Статистическое приложение // БСЭ. Т. 63. М. — 1931.
- Бродель Ф. Динамика капитализма. — Смоленск. — «Полиграмма». — 1993.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Структуры повседневности. М. — Прогресс. — 1986.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Игры обмена. М. — Прогресс. — 1988.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Время мира. М. — Прогресс. — 1992.
- Бродель Ф. Что такое Франция? М. — Изд-во им. Сабашниковых. — 1997.
- Брок Д. Экономика и государство в эпоху глобализации // Politekonom. — 1997. — № 3/4.
- Булгаков С.Н. История экономических учений. Литографиров. курс лекций. М. — 1910.
- Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Тт. 1-2. М. — 1900.
- Булгаков С.Н. Краткий очерк политической экономии. М. — 1906.
- Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М. — Прогресс. — 1993.
- Бутовский А.И. Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. СПб. — изд. Е.И.В. канцелярии. — Тт. 1-3. — 1847.
- Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм. Пг. — 1915.
- Бухарин Н.И. Письма В.И. Ленину // Вопросы истории. — 1994. — № 3.
- Бухарин Н.И. Рец. на кн.: А. Богданов. Вопросы социализма // Коммунист (МК РСДРП). — 1918. — № 3.
- Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. Пг. — 1923.
- Вайнштейн А.Л. Урожайность, метеорологические и экономические циклы и проблема прогноза // Проблема урожая. М. — 1928.
- Ваккерман Г. Транспорт, торговля, туризм и мировая экономическая система // Международный журнал социальных наук. — Вып. 18. — М. — 1997.

- Валентей С.Д., Нестеров Л.И. Развитие общества в теории социальных альтернатив. М. — 2003.
- Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. — М. — 1991.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. — Университетская книга. — 2001.
- Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2100 // Свободная мысль. — 1996. — № 5.
- Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945-1990. М. — Наука. — 1994.
- Вернадский В.И. Об использовании химических элементов в России // Известия Императорской АН. — 1915. — № 3.
- Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага — 1927.
- Вернадский Г.В. Против солнца. Распространение Русского государства к востоку // Русская мысль. — 1914. — № 1.
- Вернадский Г.В. П.Н.Милюков и месторазвитие русского народа // Новый журнал. New York. — 1964. — № 77.
- Витте С.Ю. Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. М. — 1997.
- Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. — М. — ОГИ. — 1998.
- Воейков А.И. Будет ли Тихий океан главным торговым путем земного шара? // Известия РГО. Том XL. — 1904. — № 4.
- Воейков М.И. Политико-экономические эссе. М. — Наука. — 2004.
- Волков М.Я. Разъяснение рациональных оснований политической экономии. СПб. — 1872.
- Воронцов В.П. Наши направления // Образ будущего в русской экономической мысли конца XIX — начала XX века. М. — «Республика». — 1994.
- Воронцов В.П. Судьба капиталистической России. СПб. — 1907.
- Воронцов В.П. Судьбы капитализма в России. СПб. — 1882.
- Гейден Г. Критика немецкой геополитики. М.: — 1960.
- Гладкий Ю.Н. «Евразийское неудобье» как индикатор природной и социально-экономической специфики России // Известия РГО. — Т. 130. — Вып. 1—2. — 1999.
- Гладкий Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб. — Юридический центр. — 2006.
- Гладкий Ю.Н., Доброскок В.А., Семенов С.П. Экономическая география России. М., — 1999.
- Гладкий Ю.Н., Никитина М.Г., Маруненко Н.В. Геоэкономика: предмет исследования и тенденции развития // Известия РГО. — Т. 135. — Вып. 3. — 2004.
- Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., — 1993.
- Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России // Вопросы экономики. — 2000. — № 11.

- Гловели Г.Д. Лев Мечников // Альтернативы. — 1995. — № 1.
- Гловели Г.Д. Триумвиры большевигенции // Вестник МИАБ. — 2005. — № 1 (21).
- Гольц Г.А., Филина В.Н. Пути развития транспорта России // Проблемы прогнозирования. — 1996. — № 5.
- Горичева Л.Г. Транспортный комплекс в сбалансированном народном хозяйстве: пути создания // МЭиМО. — 1990. — № 9.
- Горлов И.Я. Начала политической экономии. Т. 1. — СПб. — 1859.
- Гранат И.Н. Чупров // Энциклопедический словарь «Гранат». Том 49. М. — 1930.
- Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М. — 1922.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. 4-е изд., доп. СПб.-М. — 1912—1914.
- Даниельсон Н.Ф. Апология власти денег, как признак времени // Русское богатство. — 1895. — №№ 1, 2.
- Даниельсон Н.Ф. Очерки нашего пореформенного хозяйства // Народническая экономическая литература. М. — Соцэкгиз. — 1958.
- Даниельсон Н.Ф. Письма К. Марксу и Ф. Энгельсу // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. — Политиздат. — 1967.
- Данилов-Данильян В.И. Интеллектуализация хозяйства: кто быстрее? // Тацуно Ш. Стратегия — технополисы. М. — Прогресс. — 1989.
- Ден В.Э. Очерки экономической географии. Ч. 1. Сельское хозяйство. — СПб. — 1908.
- Ден В.Э. Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // Известия РГО. — 1997. — Том 129. — Вып. 1.
- Дмитриев А.Л., Файбусович Э.Л. Н.П. Огановский — экономист и географ // Известия СПбУ экономики и финансов. — 2001. — № 1.
- Дудзинская Е.А. Строительство железных дорог в экономической программе славянофилов // Социально-экономическое развитие России. М. — Наука. — 1986.
- Дьяконов И.М. Пути истории. — М. — Наука. — 1994.
- Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина // Звезда. — 1900. — № 12.
- Жан К., Савона П. Геоэкономика. Господство экономического пространства. — М., — 1997.
- Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. — М. — Экономика. — 1995.
- Журавский А.В. Приполярная Россия в связи с разрешением общегосударственного аграрного и финансового кризиса. Архангельск, — 1908.
- Журавский А.В. Экономико-исторические и географические полярные границы внеземледельческой области России. Архангельск, — 1909.
- Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. СПб. — «Марс». — 1995
- Земляков Д.Н. Дисциплина «Национальная экономика»: методолого-теоретические и методические основы // Российский экономический журнал. — 2000. — № 9.

- Зибер Н.И. Избранные социально-экономические произведения. Том 1. М. — Соцгиз. — 1959.
- Зимин Б.Н., Корнилова Т.А. Об основных тенденциях размещения промышленности // Постиндустриальное развитие капиталистических стран. М. — Наука. — 1993.
- Иванцов Д.Н. Черты своеобразия русской экономической мысли // Евразийский сборник. — Кн. 6. — Прага. — 1929.
- Иванюков И.И. Политическая экономия как учение о процессе развития хозяйственных явлений. 3-е изд. — М. — 1891.
- Иванюков И.И. Лекции по истории хозяйственного быта европейских народов. СПб. — 1903.
- Иголкин А.А. Советская нефтяная промышленность в 1921-1928 гг. М. — РГГУ. — 1999.
- Исаев А.А. Начала политической экономии. СПб. — 1896.
- Исаев А.А. Мировое хозяйство. СПб. — 1910.
- Каменев Л.Б. Между двумя революциями. — «Новая Москва». — 1923.
- Камерон Р. Краткая экономическая мира от палеолита до наших дней. М. — РОССПЭН. — 2001.
- Каратыгин Е.С. В стране крестьянских товариществ. СПб. — 1909.
- Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб. — Изд-во Ивана Лимбаха. — 1996.
- Карышев Н.А. Земледелие (экон.). Системы хозяйства // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 23. — СПб. — 1894.
- Кастельс М. Начало истории // Социализм будущего. — 1990.
- Кауфман А.А. Воронцов // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том 11. СПб. — 1912.
- Кеннингем У. Западная цивилизация с экономической точки зрения. Т. II. М. — А.И. Мамонов. — 1903.
- Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Кн. 1-3. — М. — 1994.
- Ковалев Е.В. Органическое земледелие — ответ на вызов времени // МЭиМО. — 2005. — № 9.
- Коломинов В.В. Науке отданная жизнь // Глобус. 1985. — Л., — 1985.
- Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М. — Экономика. — 1993
- Кондратьев Н.Д. Индустриализация С.П. // Энциклопедический словарь «Гранат». Том 41-VI. — М. — 1926.
- Корсак А.К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. — М. — 1861.
- Костомаров Н.И. Очерк истории торговли Московского государства. — М. — 1862.
- Кочетов Э.Г. Геоэкономика. М. — БЕК. — 1999.
- Кошелев А.И. Соображения касательно устройства железных дорог в России // Русская беседа. — 1856. — Т. 1.

- Коэн С. Бухарин. — Ardis Publishers. — Ann Arbor. — 1986.
- Красильщиков В. А. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. — М. — 1995.
- Крижанич Ю. Политика. — М. — Новый свет. — 1997.
- Кулишер И.М. Экономическая история как наука, и периоды в хозяйственном развитии народов // Русская мысль. — 1908. — № 7.
- Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. — СПб., — 1892.
- Ламин В.А. Сверхмагистрализация Транссиба и магистрализация Сибири // Известия СибО АН СССР. — Сер. Обществ. наук. — 1981. — Вып. 2. — № 6.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика: предмет и понятия // Полис. — 1999. — № 4.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. М. — «Оолита». — 2004.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Парадокс Запада и генезис универсальной цивилизации // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. — М. — Наука. — 2002.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. — Прогресс. — 1990.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 тт. М. — Политиздат. — 1958-1975.
- Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М. — «Европа». — 2007.
- Липец Ю.Г., Пуляркин В.А., Шлихтер С.Б. География мирового хозяйства. М. — «Владос». — 1999.
- Лист Ф. Национальная система политической экономии. — СПб., — 1891.
- Луначарский А.В. Рецензия на книгу М.Павловича «Великие железнодорожные и морские пути будущего» // Свободный журнал. — 1914. — № 5.
- Любомиров П.Г. Выговское общежитие. — Саратов: — Книгоизд-во Яксанова. — 1924.
- Любомиров П.Г. Крепостная Россия XVII-XVIII вв. // Энциклопедический словарь «Гранат». Том 36 — III. — М., — 1938.
- Макаров Н.П. Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. — Харьков. — 1918.
- Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М. — 1920.
- Максаковский В.П. Географическая картина мира. Ч. 1-2. — Ярославль — 1995.
- Мануйлов А.А. Энгельс // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 80. — СПб. — 1904.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения в 50-ти тт. М. — Политиздат. — 1955-1981.
- Маршалл А. Основы экономической науки. М. — ЭКСМО. — 2007.
- Менделеев Д.И. Проблемы социально-экономического развития России. М. — Соцэкгиз. — 1960.
- Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М. — 1924.
- Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М. — 1998.

Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. — 1992. — № 4/5.

Милюков П.Н. Колонизация // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 34. — СПб. — 1895.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. — М. — 1896.

Михайловский Н.К. Записки профана // Отечественные записки. — 1875. — № 7. — Отд. II.

Михайловский Н.К. По поводу русского издания книги Карла Маркса // Народническая экономическая литература. М. — Соцэкгиз. — 1958.

Модельски Дж., Томпсон У. Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и международная политика // Вопросы экономики. — 1992. — № 10.

Мокиши Г.Н. Василий Павлович Воронцов // Вопросы истории. — 2004. — № 9.

Мозойро А. Частное предпринимательство и общественное служение в русской экономической мысли второй половины XIX века // Вопросы экономики. — 1994. — № 7.

Мордвинов Н.С. Избранные произведения. М. — Соцэкгиз. — 1945.

Мордвинов Н.С. Правила для получения от земли изобильных урожаев. — СПб. — Тип. Е. Алипанова. — 1840.

Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. — М. — 1995.

Морозов Н.В. Продвижение цивилизации от Передней Азии к Северо-Западной Европе // География и хозяйство. — М. — 1968.

Неклесса А.И. Россия в системе геоэкономических координат XXI века // Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. — М. — 1999.

Носков В.В. Образ России в идеологии американской империи // Проблемы социально-экономической истории России. СПб. — Наука. — 1991.

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Карл Поланьи — наш современник // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М. — ИД ГУ-ВШЭ. — 2006.

Обст Э. Англия, Европа и мир. Л. — 1926.

Овчинников В.В. Сакура и дуб. Кн. 1. Ветка сакуры. М. — 1987.

Огиновский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов — 1909.

Огиновский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 2. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов — 1911.

Огиновский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Обновление земледельческой России. — М. — «Задруга». — 1914.

Огиновский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. — М., — 1917.

Огиновский Н.П. Очерки по экономической географии России (в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам). — Ч. I. — М. — 1922.

Огиновский Н.П. Революция наоборот (Разрушение общины). — М. — «Задруга». — 1917.

Огиновский Н.П. Революция наоборот (Разрушение общины) // Антология социально-экономической мысли в России. 20-30-е годы XX века. — М. — Academia — 2001.

Огановский Н.П. Сельское хозяйство, индустрия и рынок в XX веке. М. — 1924.

Онищук С.В. Исторические типы общественного производства. Политическая экономия мирового исторического процесса. — М. — ИФВЛ РАН — 1995.

Остапенко С.С. Внешние рынки России. Персидский рынок и его значение. Киев. 1913.

Павлов-Сильванский П.Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Разд. II. — СПб. — 1897.

Павлович М.П. Империализм. Курс лекций, читанных в Академии Генштаба в 1922-1923 гг. — М. — Главполитпросвет. — «Красная новь». — 1923.

Павлович М.П. Собрание сочинений. Том II. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. — Л. — 1925.

Плеханов Г.В. Письмо Ф.Энгельсу // К.Маркс, Ф.Энгельс и революционная Россия. М. — Политиздат. — 1967.

Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя политика России. М. — Международная книга. — 1947.

Поляк Б.Г., Маркова А.Н. История мировой экономики. М. — «Юнити». — 1999.

Полян П.М. Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский. Л. — Наука. — 1989.

Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, её современное состояние и нужды. — 1909.

Радо А. Геополитика // Большая Советская Энциклопедия. — Т. 14. — М., — 1929.

Русанов Н.С. Моё знакомство с Энгельсом // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. — Том 2. — М. — Политиздат. — 1988.

Рыкачёв А.М. О некоторых наших предубеждениях // Русская мысль. — 1913. — № 10.

Рыкачёв А.М. Рец. на: Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 1 // Русская мысль. — 1911. — № 6. — Отд. 2.

Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. — СПб., — 1998.

Савицкий П.Н. Бои за империю // Русская мысль. — 1916. — № 3.

Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство. — Прага. — 1931.

Савицкий П.Н. Континент Евразия. М. — «Аграф». — 1997.

Савицкий П.Н. Месторазвитие русской промышленности. Берлин. — 1932.

Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения. Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского. — 1928.

Савицкий П.Н. Проблема промышленности в имперской России // Русская мысль. — 1916. — № 11.

Салинз М. Экономика каменного века. М. — ОГИ. — 2000.

Самарин Ю.Ф. Избранные сочинения. — Том 1. — М. — 1878.

Святский Д.О. О некотором соотношении солнечной активности и народных восстаний // Известия Русского общества любителей мироведения. — 1917. — № 6.

Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. — СПб. — 1888.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. Географические соображения о расселении человечества в Евразии. Антропогеографическая заметка по поводу книги А.А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка» // Землеведение. — 1916. — Кн. 1/2.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в европейской России. СПб. — 1910.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. Единство России и великое тысячелетнее переселенческое движение // Пути сообщения Севера. — 1919. — № 6—7—8.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. — Пг. — 1915.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л. — 1928.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. Туризм и отчизноведение в России // Пути сообщения Севера. — 1919. — № 6-7-8.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. Что такое география? // Известия РГО. — Т. LI. — 1915. — Вып. 9.

Семёнов-Тян-Шанский П.П. Значение России в колонизационном движении европейских народов // Известия РГО. — Т. XXVIII. — 1892. — Вып. 4.

Сербов Н. Шапов // Русский биографический словарь. — Том 24. — СПб — 1912.

Серра А. Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишённые рудников драгоценных металлов // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. — Том 1. — М. — Мысль. — 2004.

Сироткин В.Г. Почему Троцкий проиграл Сталину? М. — Алгоритм. — 2004.

Скворцов-Степанов И.И. Что такое политическая экономия? // Вестник Коммунистической академии. — Вып. 11. — 1925.

Скворцов-Степанов И.И. Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. С предисл. Н. Ленина и Г. Кржижановского. — М. — Госиздат. — 1922.

Скворцов-Степанов И.И. Избранные сочинения. — Том 1. — М.-Л. — 1931.

Скопин А.Ю. Концепции современного естествознания. М. — 2003.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М., — 2007.

Смоленцев Л.Н. Печорские дали. Худож.-документ. пов. об А.В. Журавском. Сыктывкар, — 1979.

Советов А.В. Сельское хозяйство // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 57. — СПб. — 1900.

Солнцев С.Ф. Экономические кризисы // Энциклопедический словарь «Гранат». — Т. 51. — М., — 1933.

Соловьёв С.М. Сочинения. Книга VII. — М. — 1991.

Соловьёв С.М. Чтения и рассказы по русской истории. — М. — «Правда». — 1989.

Соловьёв-Андреевич Е.А. Г.Т. Бокль, его жизнь и научная деятельность. — СПб. — Т-во «Общественная польза». — 1895.

- Сорос Дж. Будущее капиталистической системы зависит от упрочения глобального открытого общества // Бизнес и политика. — 1998. — № 5-6.
- Спидченко К.И. Геополитика // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. — Том 1. — М. — 1971.
- Стрельников И.Д. Русская наука и учёные во время революции // Новая Россия. — 1922. — № 2.
- Струве П.Б. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России. — СПб. — 1894.
- Струве П.Б. Маркс // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Том 25. — СПб. — 1915.
- Струве П.Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. — 1991. — № 4.
- Струве П.Б. На разные темы. — М. — 1903.
- Струве П.Б. Patriotica. — М. — «Республика». — 1997.
- Струве П.Б. Дж. Чемберлен // Русская мысль. — 1914. — № 2.
- Тарле Е.В. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной // Русская мысль. — 1910. — № 5.
- Тенгоборский Л.В. О производительных силах России. — Том III. — СПб. — 1858.
- Терентьев М.А. Россия и Англия в борьбе за рынки. — СПб. — 1875.
- Тертигорев С.Н. Оскудение. Очерки помещичьего разорения. — СПб. — 1881.
- Тоффлеры А. и Х. Войны завтрашнего дня // Нью-Йорк Таймс. — 1993, 23 ноября — 6 декабря.
- Тоштендаль Р. Роль социал-демократии в развитии индустриального капитализма // Новая и новейшая история. — 1997. — № 2.
- Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. — М. — Наука. — 1993.
- Туган-Барановский М.И. Величайшая в мире коммунистическая организация (община духоборов). — М. — 1918.
- Туган-Барановский М.И. Об экономическом развитии России // Речь. — 1916. — № 91.
- Туган-Барановский М.И. Развитие производительных сил России // Речь. — 1916. — № 44.
- Туган-Барановский М.И. Экономическая наука // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 55. — Россия. — СПб. — 1899.
- Умов Н.А. Ещё новые применения артельных начал // Русская летопись. — 1870. — 9
- Фортунатов А.Ф. Сельскохозяйственная экономия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 57. — СПб. — 1900.
- Фортунатов А.Ф. Об изучении кооперации // Союз потребителей. — 1908. — № 37.
- Франк А. Г. Формационные переходы и мифологемы способов производства // Восток. — 1992. — № 2.

Франк А.Г. Смещение мировых центров с Востока на Запад // Латинская Америка. — 1993. — № 2.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура. — М. — Праксис. — 2004.

Хоррабин Дж.Ф. Очерк историко-экономической географии мира. — М.-Л. — 1930.

Хорос В.Г. Идеинные течения народнического типа в развивающихся странах. — М. — Наука. — 1980.

Цыганков А.П. Что для нас Евразия? Пять стратегий российского освоения пространства после распада СССР // Вопросы философии. — 2003. — № 10.

Чаянов А.В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 6.

Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. — М. — Экономика. — 1989.

Чаянов А.В. Очерки по экономике сельского хозяйства. — М. — 1923.

Чаянов А.В. Сельскохозяйственная помощь населению // Энциклопедический словарь «Гранат». — Т. 38. — М. — 1916.

Челинцев А.Н. Очерки сельскохозяйственной экономики. — СПб. — 1909.

Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства // Антология социально-экономической мысли в России. 20-30-е годы XX века. — М. — Academia — 2001.

Чепарухин В.В. Владимир Эдуардович Ден — известный и неизвестный // Деятели русской науки XIX—XX веков. — Вып. 2. — СПб. — Дмитрий Булантин — 2000.

Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. — Калуга. — 1924.

Чупров А.И. Мелкое земледелие. — М. — 1907.

Чупров А.И. Политическая экономия. Курс лекций. — М. — 1892.

Шакинко И.М. Демидовы. — Екатеринбург. — ИД «Пакрус». — 2000.

Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец. — М. — 1992.

Шапиро А.Л. Историография с древнейших времён до 1917 года. — М. — «Культура». — 1993.

Шишков Ю.С. Смертный приговор реформирующейся России // МЭМО. — 2004. — № 12.

Шлёцер Х.А. Начальные основания государственного хозяйства. — Кн. 2. — М. — 1821.

Штейнберг Е.Л. Английская версия о русской угрозе Индии в XIX—XX вв. // Исторические записки. — Т. 33. — М. — 1950.

Шумпетер Й.А. История экономического анализа. — Тт. 1-3. — СПб. — 2003.

Щапов А.П. Русский раскол старообрядства. — СПб. — 1859.

Щапов А.П. Сочинения. — Том 1. — СПб. — 1906.

Щапов А.П. Сочинения. — Том 2. — СПб. — 1907.

Щедровицкий П.Г. Геоэкономический баланс // Эксперт. — 2003. — № 46.

- Энгельгардт М.А. Письма о земледелии. — М. — 1899.
- Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. — СПб. — 1886.
- Яковец В.Н. Рента, квазирента, антирента в глобально-цивилизационном измерении. — М. — 2003.
- Якушкин Н. Голод // Новый Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Том 14. — СПб. — 1913.
- Яроцкий А. Экономическая политика // Энциклопедический словарь «Гранат». — Т. 51. — М. — 1933.
- Agnew J. and Corbridge S. The New Geopolitics: The Dynamics of Geopolitical Disorder // A World in Crisis? Ed. by R.J. Johnston and P.J. Taylor. Oxford — Cambridge (Mass.) — 1992.
- Cohen S. Geostrategical and Geopolitical Regions (1963) // The Structure of Political Geography. Ed. by R.E. Kasperson and J.V. Minghi. L. — 1970.
- Cohen S. Geopolitics in the New World Era: A New Perspective on an Old Discipline // Reordering the World. Geopolitical Perspectives on the Twenty-first Century. Boulder — San Francisco — Oxford — 1994.
- Commager H. The American Mind. L. — 1950.
- Fairegrieve J. Geography and World Power. L. — 1915.
- Mackinder H. Democratic Ideals and Reality. L. — 1919.
- Mackinder H. The Geographical Pivot of History (1904) // The Structure of Political Geography. L. — 1970.
- Modelski G. (ed.) Exploring Long Cycles. Boulder, CO — 1987.
- Monroe A.E. Early Economic Thought. L. — 1924.
- Shannon Th.R. An Introduction to the World-System Perspective. — Westview Press. — 1996.
- Spykmen N. Heartland and Rimland (1944) // The Structure of Political Geography. L. — 1970.
- Turner F.J. The Frontier in American History. — N.Y. — 1921.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

- Адамс Б. 137, 138
Аксаков И.С. 28
Аксаков К.С. 33, 46
Алаев Э.Б. 84
Александр Македонский 85, 172
Александр I 11
Александр II 22, 26, 29
Александр III 29
Алексеев Н.Н. 143, 153
Алексей Тишайший 17, 161
Алипанов Е.И. 22
Арсеньев К.И. 22
Бабст И.К. 28, 29
Базаров В.А. 78, 95
Барнав А. 12—14
Бартольд В.В. 150
Безбородко А.А. 11
Безобразов В.П. 162, 163
Бейкуелл (Бэквелл) Р. 114
Белл Д. 83
Бернштейн Э. 70
Бехтерев В.М. 135
Блауг М. 80, 83
Богданов А.А. 87—100
Боголепов М.А. 135
Бокль Т.Г. 32, 35
Босеруп Э. 129
Бродель Ф. 67, 84, 98, 140, 141
Булгаков С.Н. 69—74, 110
Бурстин Д. 50
Буссенго Ж.-Б. 24
Бутовский А.И. 20, 23—26, 28
Бухарин Н.И. 78—80, 86, 87, 100
Быховский Н.Э. 109
Бюхер К. 100, 101, 111
Валлерстайн И. 7, 99, 100
Вебер А. 106
Веблен Т. 95, 96
Вернадский В.И. 146, 153, 166
Вернадский Г.В. 6, 38, 146, 152, 161
Вернадский И.В. 26, 31
Витте С.Ю. 68, 84, 85, 102, 170
Воейков А.И. 6, 169, 174, 186
Волков М.Я. 103
Воронцов В.П. 45—51, 54, 58, 60—62, 121
Гакстгаузен А. фон 24, 43
Гамильтон А. 19
Гантт Г. 96
Герц Ф. 70
Гильдербранд Б. 18
Гильфердинг Р. 78, 93
Гладкий Ю.Н. 142
Горлов И.Я. 26, 27, 31
Гриневецкий В.И. 147, 148
Гумбольдт А. 35, 166
Гумилёв Л.Н. 6, 164
Даниельсон Н.Ф. 32, 51—54, 56—58, 62, 67
Данилевский Н.Я. 30, 31, 148
Дарвин Ч. 32
Ден В.Э. 102, 123, 143, 170
Денисовы А. и С. 38
Десницкий С.Е. 12
Джефферсон Т. 19
Джилбрет Ф. 80
Джордж Г. 186
Дмитриев А.Л. 123
Докукин И. 38
Докучасев В.В. 62
Дюринг Е. 71
Елисеев Г.Е. 46
Ермак 36
Ермолай Еразм 121
Жорес Ж. 13
Журавский А.В. 185, 186
Засулич В.И. 52
Зибер Н.И. 63, 64, 66
Зомбарт В. 100, 101
Иванцов Д.Н. 153
Иванюков И.И. 58, 59, 63
Исаев А.А. 58, 59, 62, 74—76
Каменский Г.Д. 29
Камерон Р. 132

- Канкрин Е.Ф. 18
Каратыгин Е.С. 117
Карсавин Л.П. 143, 153
Кастельс М. 100
Каутский К. 69
Кауфман А.А. 62
Качоровский К.-А.Р. 108, 109
Кейнс Дж.М. 95
Кеннингем У. 182
Киндлбергер Ч. 140
Ключевский В.О. 38, 118, 119
Кондратьев Н.Д. 8, 135—141
Корсак А.К. 31, 39—45, 50, 65
Костомаров Н.И. 162
Кофод А.А. 126
Кочетов Э.Г. 8, 84
Кошелев А.И. 27
Козн С. 165
Красин Л.Б. 147
Кривенко С.Н.50
Крижанич Ю. 17, 37
Кропоткин П.А. 118
Кутлер Н.Н. 125
Ламанский В.И. 5, 148, 167, 168, 170
Ламин В. А. 166
Лапкин В.В. 140, 141
Лапшин И.И. 166
Ларин Ю. 100
Либих Ю. 35, 116
Ливен Д. 186
Лист Ф. 9, 13—16, 18—21, 28, 67—69, 84, 166, 170
Ло Дж. 81
Лодыгин А.Н. 50
Лопатин Г.А. 47
Луначарский А.В. 82
Любавский М.К. 38
Любомиров П.Г.38
Люттвак Э. 83
Лященко П.И.109, 110
Макаров Н.П.104
Ман Т.16
Маккиндер Х. 143—145, 187
Мальтус Т.Р. 71, 114
Маркс К. Г. 18, 32, 46—48, 51—57, 63—65, 70—71, 76, 78, 80, 128, 130
Марло (Винкельблех К.-Г.) 39
Маршалл А. 49, 114
Маслов П.П. 109, 110
Менделеев Д.И. 5, 68, 167, 168, 170, 173
Мечников Л.И. 176
Милов Л.В. 63
Милуков П.Н. 38, 65
Михайловский Н.К. 46, 47, 66
Мордвинов Н.С. 20—23
Морита А. 160
Моро-Дефарж Ф. 7
Морозов Н.В. 129
Мур Х.Л. 135
Наполеон I 81
Наполеон III 75
Неклесса А.И. 8
Некрасов Н.А. 146
Обст Э. 170
Овсяннико-Куликовский Д.Н. 68
Огановский Н.П. 108—130, 132—135, 183
Одиганн А. 44
Онищук С.В. 128—130
Ордин-Нащокин А.Л. 161, 162
Павлович М.П. 81, 82, 84, 86, 87
Пантин В.И. 140, 141
Паршев А.П. 184
Петр Великий 33, 34, 38, 65, 162, 173
Петров А. 35
Писарев Д.И. 35
Плеханов Г.В. 54, 55, 57
Потанин Г.Н. 38
Потресов А.Н. 68
Пребиш Р.57
Пушкин А.С. 11
Радо А.Г. 170
Ратенау В. 95
Ратцель Ф. 170
Раугенштраух В. 96
Рейналь Г.-Т.-Ф. 11, 12
Рейтерн М.Х. 27, 31

- Рикардо Д. 63
 Риттер К. 35
 Родс С. 85
 Рошер В. 18
 Рузвельт Т. 138
 Румянцев Н.П. 17
 Рябушинские 138
 Рязанов В.Т. 62
 Савицкий П.Н. 143, 145, 146, 148–159, 161
 Салтыков Ф. 174
 Салтыков-Щедрин М.Е. 46
 Самарин Ю.Ф. 28
 Сантус Т. дус 57
 Свяцкий Д.О. 135
 Семёнов А.А. 28
 Семёнов-Тян-Шанский В.П. 5, 156, 165–171, 173–179, 181, 183
 Семёнов-Тян-Шанский П.П. 6, 165–170, 186
 Серра А. 16
 Сири Р. 68
 Симиан Ф. 140
 Сироткин В.Г. 167
 Сисмонди С.де 48, 55
 Скворцов А.И. 105
 Смит А. 11, 16, 17, 42
 Соков О.И. 66
 Соловьев А. 185
 Соловьев СМ. 31–33, 118, 163, 173
 Сорос Дж. 87
 Спикмен Н. 164, 165
 Степанов-Скворцов И.И. 78, 81, 86, 87, 89, 98, 100
 Столыпин П.А. 125–127
 Строгановы 36
 Струве П.Б. 54, 55, 57, 66–69, 81, 143
 Сулержицкий Л.А. 118
 Сэй Ж.-Б. 9, 13, 16, 20
 Такер И. 84
 Тарле Е.В. 157
 Тенгоборский Л.В. 25, 26, 28
 Терпигоров С.Н. 121
 Терентьев М.А. 29
 Тернер Ф. 169
 Толстой Л.Н. 118
 Трубецкой Н.С. 143, 145, 148, 149
 Туган-Барановский М.И. 45, 47, 48, 54, 64–66, 90, 118, 146
 Тэер А. 102, 103
 Тюнен Й.-Г. 102, 103
 Тюрго А.Р.Ж. 12
 Ульянов-Ленин В.И. 7, 48, 54, 55, 64, 72, 79–81, 87–89, 98, 100, 108, 110, 147, 183
 Уэйкфилд Э.Г. 15
 Файбусович Э.Л. 123
 Фергив Дж. 145
 Филиппов М.М. 54
 Флоровский Г.В. 143
 Фортунатов А.Ф. 104
 Франк А.Г. 100
 Фуртаду С. 57
 Хоррабин Дж.Ф. 177, 179
 Чаянов А.В. 56, 104–107, 122, 183
 Чейз Ст. 96
 Челинцев А.Н. 104, 105, 122
 Чемберлен Дж. 68, 85
 Черняев П.Д. 29
 Чижевский А.Л. 135
 Чижов Ф.В. 28, 29
 Чичерин Г.В. 95
 Чупров А.И. 50, 58, 104
 Шакинко И.М. 38
 Шипов А.П. 28, 29
 Шлёцер Х.А. 11, 19, 20
 Шпитхоф А. 135
 Шторх Г. (А.К.) 11, 19, 20
 Шульце-Делич Ф.44
 Шумпетер Й.А. 139
 Щапов А.П. 31, 32, 34–41, 47, 65, 118
 Энгельгардт А.Н. 63
 Энгельгардт М.А. 63
 Энгельс Ф. 18, 51, 53–54, 67, 76
 Ядринцев Н.М. 38

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

ЧАСТЬ 1. СВОЕОБРАЗИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ «ПРОСТРАННЕЙШЕЙ ИЗ ДЕРЖАВ»: ДИСКУССИИ XIX ВЕКА

Глава 1. Политическая экономия и вопрос о стадиях и геополитических факторах хозяйственного прогресса: от смитианства к Ф. Листу	11
Глава 2. Российское геоэкономическое пространство в оценке политэкономов первой половины XIX века и периода падения крепостного права	19
Глава 3. Пространственный аспект истории российской цивилизации в исследованиях С.М. Соловьёва и А.П. Шапова	31
Глава 4. А.К. Корсак — первый русский экономист-компаративист	39
Глава 5. Геоэкономическое пространство России в оценке легального народничества и катедер-социализма	45
5.1. Народническая геополитическая экономия: В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон	45
5.2. Два предвосхищения: периферийный капитализм и евразийское неудобье	54
Глава 6. Стадийный историзм и геополитическая экономия	63
6.1. Пространственные факторы капиталистического развития России	63
6.2. Пространственные факторы разных типов капитализма	69

ЧАСТЬ 2. ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В

Глава 1. Геополитическая экономия империализма.....	77
Глава 2. А.А. Богданов: тектологическая концепция мирового хозяйства и национально-государственного капитализма	88
Глава 3. Значение пространства для аграрной эволюции: вклад обновлённого народничества в геополитическую экономию	100
3.1. Сельскохозяйственная экономия как эволюционная концепция ...	100

3.2. Н.П. Огановский: стадийный историзм	108
3.3. Н.П. Огановский: геополитическая экономия аграрной России ...	118
3.4. Геополитическая экономия всемирно-исторического процесса ...	128
Глава 4. Геополитическое измерение глобальной модели экономической динамики Н.Д. Кондратьева	135
Глава 5. Экономическая концепция евразийства	142
5.1. Политэкономические истоки доктрины евразийства	142
5.2. Месторазвитие русской промышленности и вековая техничко-экономическая конъюнктура	154
Глава 6. Глобальная экономико-геополитическая модель В.П. Семенова-Тян-Шанского	164
6.1. Типология могущественного территориального владения	164
6.2. Конфигурация мировых центров как вызов для России	175
Заключение	182
Библиография	188
Указатель имён	200

В издательстве «АЛЕТЕЙЯ»
вышла книга:

А. Н. Быков

**ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ
И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Формат 60×88¹/₁₆. 192 с.

В монографии рассматривается трудный процесс формирования интегрированного сообщества в рамках СНГ и роль России в его развитии и неудачах на этом пути, преодолении дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, представляющем для России судьбоносную значимость. Параллельно анализируются перспективы налаживания прочных торгово-экономических связей с расширяющимся ЕС. В качестве стратегического ориентира рассматривается необходимость определения Россией сбалансированного места между двумя центрами мирового развития (атлантического и тихоокеанского), двумя сверхдержавами. Находясь в центре евразийского континента на кратчайших путях между Европой и Азией, развивая для этого эффективную широкомасштабную трансконтинентальную кооперацию между ними, Россия должна сыграть особую роль ведущей и потенциально богатейшей евразийской державы.

В издательстве «АЛЕТЕЙЯ»
вышла книга:

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ.
Проблемы модернизации

Ответственный редактор Л. З. Зевин

Формат 60×88¹/₁₆. 312 с.

В монографии освещаются проблемы модернизации постсоветского экономического пространства на трех уровнях — страновом, региональном и глобальном. Глобализация предъявляет новые жесткие требования к эффективности трансформирующихся стран, условиям их функционирования в мировом хозяйстве. Эти страны оказались втянутыми в глобальную конкуренцию, занимая неблагоприятные стартовые позиции. Поэтому модернизация их хозяйственных систем стала стратегической задачей. Исследование состояния и динамики научно-технического потенциала СНГ дает основания утверждать, что модернизация экономик и укрепление положения региона в мировом хозяйстве станет реальностью, если удастся усилить взаимодействие и организовать региональное экономическое пространство. Сдерживающим фактором остается также разновекторная внешнеэкономическая и внешнеполитическая ориентация. Подробно исследуются возможности России стимулировать модернизационный процесс в регионе и конкретные действия в этом направлении.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В СЛЕДУЮЩИХ МАГАЗИНАХ

МОСКВА

Библио-Глобус	ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5. Тел. (495) 781-19-00
Дом книги «Москва»	ул. Тверская, д. 8, стр. 1. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Православное слово»	Тел. (495) 951-51-84, 951-34-97
ООО «Паолине»	ул. Б. Никитская, д. 26/2. Тел. (495) 291-50-05
Магазин РГГУ «Гуманитарная книга»	Миусская пл., д. 6. Тел. (495) 973-43-01
Магазин издательства «Гнозис»	Тел. (495) 247-17-57
Магазин «Русское зарубежье»	ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Магазин Издательства УРСС	пр. 60-летия Октября, д. 9
Магазин «Гилея»	Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер»	Малый Гнездниковский пер., д. 12/27. Тел. (495) 749-57-21
Галерея книг «Нина»	ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-21-03
Магазин издательства «Совпадение»	Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84
«Новое книжное агентство»	ул. Покровка, д. 27, стр. 1. Тел. (495) 916-28-14
«Книжная лавка обществоведа»	Нахимовский проспект, д. 56/26. Тел. (495) 120-30-81

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Магазин «Историческая книга»	ул. Чайковского, д. 55. Тел. (812) 327-26-37
«Книжный салон»	
Филологического факультета СПбГУ	Университетская наб., д. 11. Тел. (812) 328-95-11
Магазин «Классное чтение»	6-я линия В. О., д. 15. Тел. (812) 328-61-13
Книжный салон РНБ «Дом Крылова»	ул. Садовая, д. 18. Тел. (812) 310-44-87
«Дом книги»	Невский пр., д. 28. Тел. (812) 314-58-88
Магазин «Слово»	ул. М. Конюшенная, д. 9. Тел. (812) 571-20-75
Магазин «Русская симфония»	1-я линия В. О., д. 42. Тел. (812) 328-63-42
Магазин «Перемещенные ценности»	ул. Колокольная, д. 1

ЕКАТЕРИНБУРГ. «Дом книги»

ул. Антона Валека, д. 12

НИЖНИЙ НОВГОРОД. «Дом книги»

ул. Советская, д. 14а

СЕТЬ МАГАЗИНОВ «ТОП-КНИГА»

<http://www.top-kniga.ru>
Тел. (383) 336-10-26, 336-10-36

ТАЛЛИНН. Магазин Kniga.ee

15189 Tallinn, Tõnismägi 2, Eesti Rahvusraamatukogu
В вестибюле Национальной библиотеки Эстонии.
Тел. (372) 630 7472

Заказ книга-почтой

Тел. (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru

Экспорт из России

DataInternational Group

10122 Таллинн Эстония
Тел. 646-03-81, e-mail: info@kniga.ee
г. Москва, Севастопольский пр., д. 11а.
Тел. 127-91-47, e-mail: info@informsystema.ru
г. Москва, Налесный пер., д. 4.
Тел. 775-00-54, e-mail: export@jupiters.ru

ЗАО «Информ-система»

Юпитер-Импэкс

Научное издание

Г. Д. Гловели

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В РОССИИ
От дискуссий о самобытности к глобальным моделям
(XIX в. — первая треть XX в.)

Главный редактор издательства
И. А. Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Н. Р. Зянкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург,
ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru
(отдел реализации),
aletheia@peterstar.ru (редакция)
www.aletheia.spb.ru

Подписано в печать 08.09.2008.
Формат 60×88 $\frac{1}{8}$. Усл. печ. л. 12,7.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ № 25.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО "ИПК Бионт"
г. Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86
Тел.: (812) 322-68-43

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, м. «Китай-город»,
Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская»,
ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6/3, стр. 5.
www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8, стр. 1.
Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя
Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26.
Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнезников-
ский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84